3 1761 07038972 1

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/podgotovkakpolsk00meer

ф! 82
15768

Записки генералъ-майора Мейера.

ПОДГОТОВКА
КЪ
ПОЛЬСКОМУ МЯТЕЖУ
въ Минской губерніи въ 1861 году.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ Д. В. Скрыченко.

МИНСКЪ.
Типографія С. А. Некрасова. Захарьевская ул. д. Павловскихъ
противъ Сельско-Хозяйственнаго Синдиката.
1908 г.

DK
507
.73
M44
1908a

ПУБЛ. БИБЛ. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
Ф. 32-3636

Подготовка къ польскому мятежу въ Минской губерніи въ 1861 году.

(Записки генералъ-майора—Мейера.)

Вмѣсто предисловія.

Многія событія, совершающіяся въ настоящее время въ Сѣв. Зап. краѣ и въ частности въ Минскѣ и Мин. губерніи, тотъ натискъ польскихъ помѣщиковъ и ксендзовъ на русскую народность, государственность и православную вѣру, который теперь идетъ то открыто, то большею частью втайнѣ, заставилъ насъ обратиться къ обстоятельному изученію недавняго прошлаго нашей губерніи. Разбираясь въ матеріалѣ, касающемся послѣдняго польскаго мятежа въ 1863 году, мы были поражены, до какой степени событія изъ времени польскаго „повстанія" похожи на тѣ, которыя совершаются въ настоящее время въ нашемъ краѣ. И теперь, какъ и тогда, поляки прибѣгаютъ къ одинаковымъ мѣрамъ окатоличенія и ополячиванія нашего края. Тѣ же торжественные крестные ходы, тѣ же тайныя школы, пропаганда ксендзовъ по селамъ, тѣ же общества „огниски" и „соколы", только называвшіяся прежде другими именами, то же воздѣйствіе (исподволь и по-іезуитски) на русскихъ чиновниковъ, то же стремленіе вытѣснить русскихъ отовсюду—изъ клуба, изъ учрежденій казенныхъ, частныхъ и т. д. И только приходится удивляться, какъ до сихъ поръ многіе русскіе чиновники не раскусили поляковъ и идутъ напр. на выборахъ рука объ руку съ поляками. Объясненіе этому можно предполагать такое: русскіе чиновники, присылаемые въ этотъ край изъ центра Россіи, прямодушные и откровенные, сразу попадаются въ ловушки лукавыхъ ляховъ; или же нѣкоторые еще до сихъ поръ наивно думаютъ, что будто бы все еще продолжается обще-россійское „освободительное движеніе", не умѣя понять того, что поляки подготовляютъ здѣсь осво-

бодительное движеніе *отъ Россіи*; а есть и такіе чиновники которые volens—nolens должны подпѣвать подъ польскую дудочку, такъ какъ они находятся въ зависимости отъ тѣхъ поляковъ, которые во множествѣ сидятъ въ петербурскихъ, департаментахъ.

Благадаря любезности бывшаго помощника попечителя виленскаго учебнаго округа А. В. Бѣлецкаго, намъ удалось ознакомиться съ любопытнѣйшимъ документомъ—*Записками генералъ-майора Мейера*, изображающими Минскъ и Мин. губернію въ 1861 г., т. е. въ періодъ самаго разгара подготовительной кампаніи поляковъ къ мятежу. Записки эти нигдѣ еще не напечатаны.

Пользуемся случаемъ заявить читателямъ, что нами *открыта подписка на изданіе* вышеномянутыхъ *Записокъ* Внесшіе *1 рубль* получатъ одинъ экземпляръ *Записокъ*.

Д. Скрынченко.

Часть I-ая.

Минская губернія представляетъ теперь для наблюденія двѣ стороны: наружную и внутреннюю.

По наружности судя, можетъ показаться, что кромѣ упорнаго ношенія поляками глубокаго траура, упорныхъ пѣній гимновъ и акафиста, даже въ самомъ Минскѣ, за каждою обѣдней, даже въ потьмахъ, послѣ вечерень да безпрерывнаго сбора денегъ на повстанье за ойчизну и упорнаго отдаленія поляковъ отъ всякаго сообщества съ русскими, непріязненныхъ къ которымъ чувствъ своихъ они и не скрываютъ—остальное все такъ покойно и прекрасно, все идетъ въ такомъ обычномъ обыденномъ ходѣ, какъ лучше и желать нельзя. Даже отвсюду получаются донесенія будто о совершенномъ прекращеніи пѣній гимна (кромѣ Борисовскаго уѣзда, гдѣ исправникъ не полякъ) и о совершенномъ спокойствіи края. Но ежели заглянуть поглубже въ лихорадочную жизнь всего здѣшняго общества, то какъ предметы, возникающіе изъ тумана, когда всмотрится глазъ—и здѣсь изъ подъ тумана и мрака, которыми прикрываютъ поляки

свои подкопы, по немногу выказуются другіе элементы, на которыхъ истинно русскому и православному—принимающему близко къ сердцу счастье, могущество, цѣлость и благоденствіе Россіи,—нельзя не остановить вниманія серьезнаго.

Начнемъ съ общества столь немногихъ чисто русскихъ, здѣсь живущихъ, торгующихъ, служащихъ. Никогда не видѣли ихъ такъ грустными, такъ усердно молящимися. Старожилы говорятъ: „мы теперь, батюшка, молимся пуще, какъ въ холеру, какъ при несчастьи страшномъ... Богъ вѣсть, что съ нами тутъ будетъ... Полякъ съ каждымъ днемъ все смѣлѣе, азартнѣе, чуть въ грязь не топчетъ насъ... что дѣлать? видно Бога прогнѣвали! Какъ привели было казаковъ, позатихли было маленечко, а какъ выслали казаковъ—опять вотъ какъ зашумѣли. Господи помилуй!" Гдѣ ни сойдутся русскіе—одна у всѣхъ мысль, одинъ разговоръ—о безотрадномъ здѣсь положеніи русскихъ, о непонятномъ положеніи дѣлъ, о нерѣшительности и неопредѣлительности мѣръ противъ явнаго разлива революціонныхъ движеній. Дѣйствительно здѣсь все притихло съ приходомъ сюда войскъ. Л. и Б. и другіе, возвратясь изъ С.-Петербурга, убѣждали всѣхъ, согласно съ совѣтомъ своихъ комитетовъ, Парижскаго и Варшавскаго, затихнуть хоть до весны, или до общаго возстанія, когда они надѣются и правительство русское и всѣхъ русскихъ смести съ лица земли Литовской. И чѣмъ тише, пока будетъ все въ губерніи по наружности, тѣмъ сильнѣе будетъ ихъ право на недопущенія того, чего, Боже сохрани, какъ они боятся—военнаго положенія и усиленія войскъ. Если же имъ посчасливится, подобравъ къ рукамъ окончательно и сколько возможно администрацію и администраторовъ, не увеличить здѣсь массы русскихъ войскъ, то весною, или, какъ только раздастся сигналъ общаго подъема,—они овладѣютъ всѣми казначействами и оружіемъ, имѣя вездѣ агентовъ и сообщниковъ, всюду нападутъ массами на отдѣльныя части русскихъ, немногочисленныхъ и слабыхъ своею раздробленностью и раскиданностію, уничтожатъ ихъ и начнутъ съ успѣхомъ приводить въ окончательное исполненіе кадровыя правила прилагаемаго воззванія № 1 (отъ страницы и далѣе). Какъ предсѣ-

датель непріятной и нежеланной для поляковъ Коммиссіи, конечно здѣсь я—послѣдній, кому они рѣшились бы открыть что-нибудь, разъяснить свои замыслы. Меня боятся, отъ меня стараются все скрыть, мнѣ труднѣе каждаго здѣсь узнать что-нибудь вѣрное. И надо большія деньги,—которыхъ у меня нѣтъ вовсе, надо усердное содѣйствіе ловкой полиціи, котораго не имѣетъ и губернаторъ, (Полиція служитъ здѣсь больше для закрытія всего опаснаго полякамъ) чтобы изысканія могли быть подтверждены документами. Ежели я узнавалъ что-нибудь и желалъ имѣть доказательства (особенно планъ ихъ окончательныхъ кадровыхъ распоряженій), мнѣ отвѣчали: „здѣсь при теперешнемъ ходѣ дѣлъ, чуть заподозрять кого-нибудь въ передачѣ правительству доказательствъ противъ поляковъ и ихъ намѣреній, онъ не останется цѣлъ и невредимъ, а правительство не въ силахъ оградить его и спасти"... Русское правительство у себя дома и не въ силахъ... можетъ ли это быть?... Но никто не хочетъ рисковать жизнію и семьей своей, видя развитіе силъ намъ враждебныхъ и наше бездѣйствіе. Ксендзы смѣло съ каѳедръ говорятъ народу: „развѣ не видите, что самъ панъ Богъ поборяетъ намъ, ослѣпляя враговъ нашихъ?. Развѣ вы не замѣчаете, что уже больше 3-хъ лѣтъ они сами даютъ намъ всю возможность развить наши планы и укрѣпиться въ нихъ. Неужели мы не воспользуемся этимъ для блага нашей отчизны и дѣтей нашихъ, чтобъ свергнуть и попрать иго для насъ ненавистное, уничтожить вѣру намъ вражебную?". Вообще въ самыхъ пламенныхъ проповѣдяхъ ксендзы стремятъ всѣхъ поляковъ къ единодушію и возстанію,—зная изъ опыта, что въ минуты всеобщаго волненія и кипѣнія страстей, въ минуты верховной опасности, сила религіи (слѣдовательно власть ксендзовъ и ихъ церковные и личные доходы) всегда значительнѣе и могучѣе—народъ поетъ больше литаній (акаѳистовъ), заказываетъ больше мшей и панихидъ, безпрерывно прибѣгаетъ къ исповѣли и проч.

Узнавъ однако много достовѣрнаго и основательнаго, подтверждаемаго ежедневными событіями, я рѣшился набросить это на бумагу—для себя, для своихъ соображеній.

Здѣсь я сперва упомяну о настоящемъ положеніи края въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (это положеніе можетъ безпрерывно измѣняться);—потомъ скажу о мѣрахъ, которыя могли бы, по моему мнѣнію, хотя нѣсколько теперь противодѣйствовать замысламъ поляковъ. Все это конечно отношу я только къ горизонту передо мною находящемуся—къ Минской губ., полагая, что и о Минской и о другихъ губерніяхъ мѣстныя ихъ начальники или довѣренныя отъ правительства лица, имѣя въ рукахъ власть и способы—имѣли довольно времени и могли имѣть болѣе меня и зоркости и средствъ, чтобы вѣрнѣе и лучше и прежде меня сказать правительству свое разумное сердечное слово. Чтобы узнать, что затѣваютъ поляки и есть ли нынѣшнее ихъ положеніе заговоръ отрывчатый, мѣстный, какъ прежде бывали тому примѣры, или онъ скрываетъ въ себѣ основы глубокія, всеобщность усилій и уже проникъ во всѣ слои народа,—я старался достать главнѣйшія воззванія, служащія исходными точками для оцѣнки наставшаго положенія дѣлъ. Еще когда я былъ въ Могилевской губерніи въ 1858—1859 годахъ, Преосвященный Анатолій, знавшій и любившій польскую литературу, пріятель многихъ помѣщиковъ поляковъ, самъ говорилъ мнѣ о читанныхъ имъ польскихъ прокламаціяхъ, „писанныхъ огнемъ," подписанныхъ „молодежью польской." Уже тогда за три года передъ этимъ ходили слухи о приготовленіи глубокихъ основъ для общаго возстанія, для отторженія всѣхъ Западныхъ губерній, до Смоленска (до столбовъ Болеслава), для взволнованія казаковъ и Украйны, для возвращенія Уніи и панизма. Анатолій на предложеніе мое, чтобы онъ сообщилъ объ этомъ подробно правительству, отвѣчалъ, вѣроятно не придавая замысламъ поляковъ особой важности: „вѣрьте мнѣ: свѣтское правительство, владѣющее столькими средствами, и явною и тайною полиціями, лучше всѣхъ насъ знаетъ все это; и если, кажется намъ, бездѣйствуетъ, то вѣрно тоже знаетъ почему и для чего". Съ этимъ нельзя было не согласиться. Объѣзды мои Могилевской и Минской и частыя посѣщенія Витебской губерніи, сближая меня съ многими мѣстами и лицами, убѣждали меня въ существованіи такихъ обширныхъ предполо-

женій, которыя не могли и не должны быть тайны для правительства. Въ Петербургѣ кое-что чуть прослышалъ и о существованіи какихъ то воззваній, которыя двигаютъ народъ Польши, тогда какъ другіе, подавая имъ руку, стараются волновать молодежь русскую и дворянъ и низшій классъ. Они разсчитываютъ успѣхъ на повсемѣстныхъ послабленіяхъ въ послѣднее время, на равнодушіи многихъ русскихъ, часто ограничивающихъ благородное стремленіе къ народности и величію нашей родины—введеніемъ боярскихъ шапокъ, какъ то странно сочетанныхъ съ французскими фраками, разсчитываютъ и на нѣкоторую запутанность дѣлъ, всегда сопутствующую реформамъ, пошатнувшимъ всѣ старыя основы, еще не успѣвъ установить твердо ничего нововведеннаго и чрезъ это дѣлающимъ много недовольныхъ. Сначала и первосвященникъ Римскій косвенно принималъ участіе въ дѣлахъ Польши и Литвы, сердечно желалъ возвращенія въ свое лоно статьи, доходной статьи, льстящей его самолюбіе, дающей ему нравственное подкрѣпленіе въ такія минуты, когда и католическій міръ хочетъ исторгнуть всю свѣтскую власть изъ его рукъ. Многихъ, слышно было, онъ благословлялъ; многіе отъ его имени пускали тогда въ ходъ увѣщанія бороться за отчизну,—возстановить вѣру латинскую, а гдѣ нельзя—то хоть Унію: противиться полной эмансипаціи крестьянъ, между которыми масса православныхъ. (Тогда еще не остановились, какъ теперь, на идеяхъ возмущенія всѣхъ ихъ противъ русской власти). Потомъ, когда такая борьба для латинянъ помѣщиковъ оказалась невозможною, а эмансипація объявлена—они старались, и до сихъ поръ усиленно стараются, установить всѣ правила новаго порядка дѣлъ единственно и исключительно въ пользу помѣщиковъ, чтобы, придерживаясь крѣпостныхъ началъ, имѣть на основаніи новаго законодательства русскаго, но по—прежнему, въ своей полной зависимости, массу народа—этотъ теперь сильный рычагъ для дѣйствій за или противъ какого-нибудь принципа, или власти. Добывъ главнѣйшіе документы, я съ помощью нѣсколькихъ чиновниковъ и подъ просмотромъ Вице-губернатора, русскаго и знающаго оба языка—польскій и русскій—въ немногое свободное отъ уси-

ленныхъ занятій время, ихъ переводъ воззваній свѣрилъ по 4-мъ экземплярамъ и исправилъ окончательно. Видно, что сперва составлено было одно общее воззваніе, или, какъ поляки называютъ, манифестъ о необходимости и возможности поголовнаго возстанія Воззваніе это получило нѣкоторыя измѣненія, принаровленныя къ мѣстнымъ условіямъ Польши, Литвы, Бѣлоруссіи, Кіева, Подоліи, Волыніи. Потомъ оно нѣсколько измѣнено, послѣ Варшавскихъ событій; и когда стали литографировать всѣ эти воззванія, то или пропущены, или измѣнены нѣкоторыя мысли и рѣзкія выраженія, находящіяся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ.

Прилагаю документы эти; ихъ можно считать законодательными, потому, что ихъ слова исполняются съ большею точностью, чѣмъ наши и духовные и гражданскіе, и военные законы. Революціи свершенныя, также какъ замышленныя, но неудавшіяся выучили распознавать и самыя воззванія. Кто ихъ не писалъ? но не всякому онѣ удавались. Только тогда воззваніе удачно, когда оно хорошо соображено съ наставшимъ временемъ и обстоятельствами; когда оно выхвачено изъ основъ народнаго духа и направленія всѣмъ понятныхъ, всѣми понятныхъ, сочувствуемыхъ и устремляемыхъ къ тѣмъ современнымъ цѣлямъ, которыя глухо залегли или громко выражаются во всемъ народѣ. Прилагаемыя воззванія здѣсь читаются и перечитываются ежедневно. Ихъ твердо и глубоко изучили, по нимъ соображаютъ свои дѣйствія, повѣряютъ ихъ и слѣдуютъ имъ точнѣе, нежели катихизису.

№ 1-й. О возстаніи Польши, о необходимости и возможности возстанія. По этому воззванію вездѣ формируются кадры, о которыхъ въ немъ разъяснено. Подробности окончательнаго составленія кадровъ, или планъ возстанія достать чрезвычайно трудно; правительству (кажется) неизвѣстно его существованіе, и здѣсь въ Минскѣ много надо истратить денегъ и усилій, чтобы получить этотъ важнѣйшій документъ.

№ 2. Сущность соглашеній Мирославскаго съ Гарибальди. Это написано передъ первыми Варшавскими собы-

тіями и служить отчасти къ разъясненію намѣреній поляковъ.

№ 3-й. Воззваніе къ женщинамъ, по которому всѣ жены и дочери поляковъ и всѣ латинянки (хотя бы онѣ были женами или дочерьми православныхъ или лютеранъ) облеклись здѣсь въ траурныя одежды, трауръ надѣли даже нѣкоторыя семейства священниковъ изъ уніатъ, и даже польки Моисеева закона. Поляки и польки отказались отъ всякаго рода публичныхъ увеселеній и танцевъ и отшатнулись окончательно отъ всякаго сообщества съ Русскими. (Въ Минскѣ первый примѣръ подала губернаторша).

№ 4. Воззваніе къ землевладѣльцамъ.

№ 5. Воззваніе къ ксендзамъ. По этимъ двумъ воззваніямъ и помѣщики и ксендзы примкнули къ движенію, и каждый изъ нихъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами усиливаются дѣйствовать по безпрерывнымъ указаніямъ людей, вошедшихъ съ ними въ тайныя (для насъ) сношенія. У ксендзовъ безпрерывные сборы и совѣщанія помѣщиковъ.

№ 6. Недавное воззваніе послѣ ввода войскъ въ Минскую губ. и учрежденія Коммиссіи по политическимъ дѣламъ здѣсь появившееся, съ приглашеніемъ принять пока наружность спокойную для того, чтобы не ввели еще войскъ и военнаго положенія, не назначили бы военныхъ губернаторовъ и не засадили бы многихъ въ крѣпость. Прямо говорятъ въ этомъ воззваніи объ окончательномъ овладѣніи администраціею края.

№ 7. Благодарность женщинамъ за точное исполненіе ими воззванія № 3

№ 8. Отпедыпацій акаѳистъ пилигримовъ, который вытверженъ всѣми наизусть и читается при каждой молитвѣ дома и въ костелахъ.

№ 9. Народный польскій гимнъ № 1. Его пѣли и поютъ безпрерывно: аристократы и аристократки и шляхта вся поютъ его дома и въ костелахъ; даже иныя бабы—латинянки, собирая грибы, пѣли его въ полѣ и въ лѣсахъ. Даже предположено перевести его на простонародный литовскій

языкъ и на предстоящихъ „святкахъ“ пріучить крестьянъ уніатъ пратославныхъ пѣть этотъ гимнъ.

№ 10. Отчаянный гимнъ № 2, въ августѣ здѣсь появившійся. Его тоже поютъ всѣ и вездѣ. Высшіе дворяне (аристократія) здѣсь сначала не такъ явно сочувствовали всѣмъ этимъ начинаніямъ. Они не вѣрили ихъ солидности и общности; думали,—что, какъ бывало прежде, —съ однимъ или нѣсколькими коноводами движенія русское правительство легко совладаетъ, что нѣсколько десятковъ или, наконецъ, сотенъ сообщниковъ перехватаютъ, упрячутъ подалѣе и все дѣло опять угаснетъ. И они долго колебались. Но—съ одной стороны—они увидѣли, что, къ общему изумленію,—никакихъ мѣръ правительствомъ противъ разлива этого пожара не принималось, что, по ихъ мнѣнію, какая-то слѣпота поразила насъ, что свободно, легко и все сильнѣе распространяется всеобщее движеніе противъ элемента русскаго, который вмѣсто того, чтобы воспрянуть и выпрямясь выказать свою силу и живучесть,—молчитъ и, съ каждымъ часомъ ослабѣвая, почти уже окончательно подавленъ возникшими польскими охлакротическими стремленіями, при которыхъ впереди всего идетъ мысль: „всѣхъ не перехватаютъ, всѣхъ не накажутъ, всѣхъ не перебьютъ“. Съ другой стороны, они прочитали въ воззваніяхъ (силу которыхъ въ этотъ разъ столь явно видѣли), они навѣрно узнали, что возбудители народа намѣрены обойтись безъ нихъ, а они безъ народа и безъ власти надъ народомъ—сами по себѣ—ничто; что вообще возмутители теперь даже не очень хлопочутъ, о томъ, будутъ ли высшіе дворяне участниками движенія; что ярко выказывается и развивается вообще красное республиканское направленіе всего молодого поколенія, а имъ грозитъ опала народная, т. е. совершенное лишеніе правъ и имѣній; что если дать усилиться этому направленію, то потомъ съ разнузданнымъ народомъ уже никакъ не сладить... Видя, наконецъ, страшный прогрессъ революціоннаго дѣла, особенно въ этомъ году, они рѣшились стать въ ряды и въ челѣ всего движенія и овладѣть имъ,—конечно въ свою пользу, но подъ видомъ общей пользы; выказать патріотизму столько, чтобы, пользу-

ясь еще теперешнимъ своимъ положеніемъ, связями, властью и средствами—ловко, нисколько не выставляясь на глаза правительства, глядящаго на все это, какъ будто сквозь пальцы, и потому не подвергаясь опасности ни съ одной стороны, а еще больше стараясь ввести насъ въ заблужденія о настоящемъ положеніи дѣлъ—понемногу стать тайными распорядителями возмущенія, чтобы направлять его сходно съ своими видами. Если русскіе одолѣютъ,—они явно не шли же противъ насъ, если поляки возьмутъ верхъ, —тѣ знаютъ, сколько они рисковали и трудились для нихъ, для общаго ихъ дѣла. А какой здѣсь полякъ не захочетъ пристать къ аристократамъ и пользоваться выгодами высшаго сословія, если оно сохранитъ свою власть и значеніе?...

Поэтому очень многіе аристократы, безразсудно увлекаясь революціонною пропагандою, стали привлекать къ себѣ массу дворянъ, между которыми у нихъ множество родныхъ и друзей, а черезъ нихъ—и черезъ ихъ родню и пріятелей—сами передъ правительствомъ стоя въ сторонѣ, теперь начинаютъ двигать толпу и стараются заслужить общее довѣріе и популярность; и черезъ это достичь своей цѣли —взять надъ ними власть и быть не заподозрѣнными правительствомъ. Они теперь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Варшавою и Парижемъ. Исключеній между ними—слишкомъ немного; и я не знаю ни одного, кто бы рѣшился противодѣйствовать польскимъ замысламъ, или открыть ихъ.

Дворяне,—мелкая шляхта, однодворцы, мѣщане горожане,—и всѣ ихъ семьи отъ мала до велика—всѣ прямые участники движенія; но кромѣ пѣнія гимновъ теперь всѣ стараются пока не очень выказывать свое участіе и подготовку,—по завѣту о тайнѣ, данному имъ на страницахъ воззванія № 1.

Унизительно для человѣчества видѣть, къ какимъ страшнымъ заклинаніямъ себя и своихъ дѣтей, къ какимъ безсовѣстнымъ лжамъ прибѣгаютъ они передъ слѣдственною коммиссіей, чтобы скрыть даже самое пустое обстоятельство, могущее повести на слѣдъ ихъ затѣй. Впрочемъ на лживыя присяги имъ уже даны разрѣшенія ксендзовъ.

Почти нѣтъ ни одного мало мальски путнаго дворяни-

на, даже до какого-нибудь Б.,—который бы не считалъ для себя священнѣйшею обязанностью явиться на поклоненіе Парижскому главному ихъ комитету и не послалъ бы въ Варшаву и Парижъ своихъ денежныхъ жертвъ (до купца З—); и своего фотографическаго портрета—въ кунтушѣ,—этомъ прошедшемъ и будущемъ нарядѣ Польши и Литвы. Впрочемъ нѣкоторые портреты даже требовались туда, чтобы Варшавскіе и Парижскіе дѣятели знали будущихъ начальниковъ разныхъ мѣстныхъ частей (децемвировъ и проч.) въ томъ нарядѣ, въ которомъ они будутъ въ эпоху повстанья.

Дворяне ѣздятъ отсюда въ Варшаву и въ Парижъ безъ всякаго разрѣшенія. Даже недавно въ Слуцкѣ, лукавый дѣятель трактирщикъ Папесскій, отданный г. полковникомъ Дмитріевымъ подъ надзоръ полиціи, черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ Варшаву; а городничій, говорятъ, (нетрезвый и покорный ихъ слуга) и не заикнулся, чтобы остановить его.

Духовенство.

Губернскій предводитель дворянства прямо сказалъ губернатору, что каждому поляку, а тѣмъ болѣе ихъ представителю, теперь выгоднѣе быть на сторонѣ мятежной, нежели на сторонѣ правительства. Эта мысль руководитъ здѣсь всѣми. Духовенство—уніатское, какъ зовутъ его здѣсь вообще, возсоединенное—какъ они сами назвали себя,—и по оффиціальной ихъ отличительной кличкѣ,—положившей на всегда памятную рѣзкую черту раздѣла между ими и православіемъ (тогда какъ не слѣдовало называть ихъ возсоединенными, а непремѣнно православными безъ различія съ древними)—духовенство это большею частью необразовано, бѣдно и жалко. И ежели только поляки достигнутъ здѣсь полновластія,—то немедленно объявятъ ихъ безъ куска хлѣба—внѣ покровительства своего—если они не возвратятся въ латинство или Унію.... тѣ, какъ увѣряютъ поляки, не задумываясь, зашепчутъ мши, обрѣютъ бороды, надѣнутъ сутаны и поклонятся главенству папы.... а за ними милліоны возсоединенныхъ будутъ опять, говоря языкомъ нашей церковной исторіи, отторгнуты въ Унію и въ латинство.

Эта задуманная цѣль нынѣшнихъ возмутителей, одна изъ тѣхъ, которая не очень затруднитъ ихъ въ достиженіи, потому что мы, по обыкновенію, дѣйствуя полумѣрами, вовсе не слили съ ними бывшихъ уніатовъ: ни народа, ни духовенства,—все еще колеблющихся: народа, который въ Минской губ. все еще крестится, говоритъ и молится не по-русски... А мы слишкомъ простодушно тотчасъ повѣряли полной будто искренности всенароднаго возсоединенія, какъ бы не замѣтили подспудныхъ многихъ пружинъ,—и почти 2 вѣка исчезнувшіе, послѣ возсоединенія протекли болѣе въ поддержаніи, если не совершенной привязанности, [1]) то по крайней мѣрѣ большой склонности къ Уніи, безъ рѣшительнаго и окончательнаго принятія народомъ чистаго православія въ ежедневной его жизни и молитвѣ. Многіе старались убѣдить всѣхъ будто не заглядывать подъ спудъ необходимо, чтобъ не раздражать народъ, чтобы дружить совсѣми противоположными намъ принципами,—ставя свѣчку Богу, ни забыть кого нибудь почтить огаркомъ. Съ возсоединенными и поступали такъ точно, какъ поступаютъ съ дѣтьми Митрофанушками, которыхъ маменьки не хотятъ учить уму разуму, опасаясь ихъ слезъ и неудовольствія.

Вотъ слова архипастыря, сегодня 20-го октября, мнѣ сказанныя: „народъ здѣсь еще не утвержденъ въ православіи: и если разразится буря неблагопріятныхъ обстоятельствъ—все улетитъ безвозвратно. Старье отъ Уніи еще не отстало, молодежь и новое поколѣніе къ православію еще не пристали, и потому древней борьбы за русскую вѣру, вѣроятно, не будетъ. Тогда вѣра укрѣпилась вѣками а теперь со дня возсоединенія едва протекли 2 десятка лѣтъ“. Вотъ какъ шатки и зыблемы наши здѣсь основы православія. Вѣдь это слова архіерея, перешедшаго къ намъ изъ Уніи, лучшаго изъ этихъ архіереевъ, много старавшагося образовать и обрусить свою уніатскую паству.

---

[1]) Иные священники за шлюнъ (свадьбу) по Уніатски брали дорожe, а за свадьбу по русски дешевле, иные въ присутствіи пановъ латинянъ не позволяли себѣ говорить: „вась и всѣхъ православ. христіанъ“ и пр. а говорили „вась всѣхъ христіанъ.“

Ксендзы—жаркіе, озлобленные противники и ненавистники всего русскаго,—старались сохранить дружбу съ такими изъ svidisant нашего духовенства, которые выказывали склонность раздѣлять ихъ внушенія: и отворачивались и преслѣдовали закоренѣлыхъ русскихъ поповъ. Эти преслѣдованія выражались жалобами помѣщиковъ, дружныхъ съ архіереями изъ Уніатовъ и даже изъ русскихъ... и подчасъ бѣднаго русскаго попа (особенно въ Витебской епархіи) перегоняли изъ прихода въ приходъ, подальше въ глушь, гдѣ приходы побѣднѣе и потруднѣе. Ксендзы были въ сторонѣ, но всякій зналъ, откуда идетъ ударъ, поразившій его,—и вліяніе ксендзовъ росло. Наше правительство во всемъ иниціативу и руководство принято на себя: и общій голосъ винитъ и въ этомъ отношеніи правительство въ недостаткѣ твердой системы и послѣдовательности. Если приняли милліоны возсоединенныхъ, то слѣдовало ихъ соединить совершенно, слить во едино и по имени и на дѣлѣ; а то возсоединенные, не оставляя своихъ уніатскихъ замашекъ, забывая всѣ выгоды, полученныя ими отъ перехода въ православіе—ропщутъ на отнятіе у нихъ земель и капиталовъ: православные же ропщутъ, что они унижены передъ возсоединенными, которые кичатся такимъ титуломъ и покровительствомъ правительства и часто говорятъ: „я не какой нибудь православный, я изъ возсоединенныхъ, и архіерей тоже изъ нашихъ“.

Всѣ говорятъ, будто не давая себѣ труда вникнуть глубже, не всматриваясь въ народъ и духовенство на мѣстахъ вседневной ихъ жизни, правительство не приняло мѣръ къ уничтоженію разницы между двумя сословіями, къ слитію народа—обученіемъ его грамотѣ и вѣрѣ уничтоженіемъ окончательнымъ всякаго слѣда Уніатства. Близко ознакомленный съ этимъ предметомъ, я не могу не раздѣлять мнѣнія, что новый жизненный, чисто русскій элементъ здѣсь необходимъ для обновленія и улучшенія духовенства, если здѣсь хотятъ удержать и поддержать православіе. Теперь почти всѣ здѣсь отъ аристократокъ до еврееекъ (называющихся уже „польки Моисеева закона“) и до нѣкоторыхъ (особенно изъ уніатовъ) семей священическихъ (говорящихъ

плохо по русски, такъ что дѣти ихъ щеголяютъ знаніемъ польскаго языка, (даже мальчики въ семинаріи), всѣ жены и дочери исполняютъ въ точности приказъ воззванія къ женщинамъ (№ 3.) касательно ношенія траура и проч. Развѣ этоне показываетъ, что чувство, владѣющее народомъ, исповѣдующимъ латинство, и даже по имени православнымъ, но говорящимъ по-польски и потому считающимъ себя поляками, напитаннымъ духомъ польскимъ, признающимъ себя съ обязанностями не къ Россіи, а къ одной общей ихъ ойчизнѣ—Великой Польшѣ,—чувство это очень распространено: имѣя его въ своей власти, владѣютъ всею массою людей подвластныхъ этому чувству. Постепенно тлѣло оно, издавна поддерживаемое; при безпрепятственности же с стороны Русскихъ, особенно, какъ говорятъ они—въ послѣдніе 3 года, оно безпрерывно расширялось и, наконецъ, особенно съ весны этого года, прососалось во многіе слои народа латинской вѣры и польскаго нарѣчія, польскаго духа. Это чувство, это стремленіе къ независимости и выходъ изъ подъ власти „тирановъ", вожаки польскіе связали съ ежедневною молитвою, съ обрядами религіи. Они овладѣли сердцами женщинъ; тѣ съ жаромъ предаваясь или поэтическому чувству безпредѣльной любви къ родинѣ, или для матеріальныхъ выгодъ, увлекаютъ и подстрекаютъ молодежь и стариковъ, и отцовъ, и мужьевъ, и дѣтей своихъ, и любовниковъ. Всѣ увѣрены, что женщины и дѣти это вполнѣ безнаказанныя орудія нынѣшней революціи; и отъ того теперь въ каждой свалкѣ, въ каждой безоруженной манифестаціи, вездѣ женщины и дѣти впереди всѣхъ. „Намъ и дѣтямъ ничего не будетъ, мы ничего не боимся",—говорятъ польки. „Всѣхъ не переберутъ,—всѣхъ не перебьютъ,—только идите дружно всѣ вмѣстѣ; а не поодиночкѣ",—твердятъ ксендзы. Ежели мужъ хочетъ отклонить отъ себя отвѣтъ за участіе въ этихъ дѣлахъ, онъ прячется за кринолинъ жены своей и не боится ничего: жена все пріиметъ на себя, а женѣ ничего не сдѣлаютъ, вѣдь она слабая женщина... C'est garanti par le gouvernement. Энтузіазмъ возбужденъ всеобщій и многія бѣдныя находятъ чистый денежный разсчетъ идти впереди всѣхъ, чтобы подобно Марцинкевичевой

получать подарокъ отъ патріотовъ изъ Варшавы—за то будто, что онѣ сдѣлались жертвы, ofiary за ойчизну: другіе пользуются складчиной отъ молодежи и черезъ это живутъ весело и легко, въ полномъ удовольствіи, въ полномъ смыслѣ слова „припѣваючи“ (Главацкая, православная племянница Козориновой). И въ высшихъ слояхъ русскаго общества, даже въ Россіи (говорятъ здѣсь) польки имѣютъ ловко, тайно и сильно содѣйствовать своимъ, во вредъ намъ.

На сторонѣ русскихъ искреннимъ чувствомъ остаются здѣсь очень немногіе служащіе, но очень многіе изъ духовенства—собственно древне-православные, и *пока весь простой народъ—собственно крестьяне*. Но здѣсь всѣ думаютъ, всѣ увѣрены, всѣ твердятъ, что Россія слишкомъ слаба теперь, чтобы противоборствовать Польшѣ: что русскіе раздѣлены раздоромъ, положеннымъ между сословіями крестьянскимъ надѣломъ земли, обѣднившимъ массу дворянъ-помѣщиковъ; что русское правительство опутано крѣпкою сѣтью пронырливыхъ, ехидныхъ сплетеній—какъ паутиною муха; что поляки умѣли вездѣ возбудить и приготовить враговъ Россіи—даже въ самыхъ нѣдрахъ ея; что она сама отторгнула отъ себя сочувствіе Венгерцевъ, что русская знать и дворяне идутъ противъ самодержавія и династіи, народъ пойдетъ противъ дворянъ; будто и войско распущено и не надежно,—что страшная буря скоро разразится.

Поляки вполнѣ надѣются, что одолѣть и уничтожить небольшую горсточку всѣхъ служащихъ здѣсь русскихъ, истинно преданныхъ Россіи, и справиться съ духовенствомъ слишкомъ будетъ имъ легко,—хотя духовенство еще ничѣмъ не заявило участія въ ихъ замыслахъ и архіереи, кажется, очень слѣдятъ за этимъ.

На народъ они тоже разсчитываютъ, они говорятъ: „куда баранъ, туда и овцы; народъ всюду пойдетъ за панами и за нашими крестьянами латинцами; онъ теперь весь у насъ въ рукахъ.

Правительство не умѣло или не хотѣло воспользоваться удобнымъ моментомъ и само сѣяло народъ за то, что онъ намъ не повиновался. А мы стали къ народу ласковѣе, добрѣе, обѣщаемъ уступить ему участки поземельные, какъ

даръ, или за выкупъ больше легкій, чѣмъ онъ теперь опредѣленъ правительствомъ русскимъ: да будемъ постепенно обѣщать ему побольше льготъ отъ насъ, чѣмъ отъ русскихъ, и они всѣ насъ послушаютъ охотно; они всѣ одного съ нами духа: и мы имъ всегда твердимъ: „до Бога высоко, до Царя далеко, а до пана близко"... Сильно дѣйствуетъ на народъ угроза, что онъ вовсе не будетъ свободенъ, а будетъ разоренъ хуже казенныхъ крестьянъ. Если бы онъ не повѣрилъ панамъ, то вѣрить своему брату мужику изъ католиковъ, а тѣ почти всѣ за пановъ: и старшины, писаря, управляющіе—изъ людей панамъ преданныхъ.

Чиновники.

Касательно чиновниковъ, надо замѣтить: ихъ здѣсь всегда старались имѣть главныхъ начальниковъ не русскихъ, а поляковъ: для нихъ самое непріятное назначеніе—это назначеніе русскаго на какую нибудь значительную или вліятельную должность. Но болѣе 3-хъ лѣтъ уже, видя къ себѣ снисходительность и попущеніе поводьевъ, они употребили всѣ усилія, чтобы подготовить то состояніе умовъ, то положеніе дѣлъ, которое мы видимъ теперь. И все это ускользало незамѣченнымъ, а если иные и замѣчали, то гуманность прогрессивныхъ началъ правительства заграждала уста каждому, котораго тотчасъ-бы назвали отсталымъ въ новѣйшихъ политическихъ и другихъ идеяхъ. Пользуясь всѣмъ этимъ, поляки составили общую связь для наблюденія за русскимъ правительствомъ; ихъ полиція гораздо лучше нашей. Все, что дѣлается и предпринимается правительствомъ, въ отношеніи къ нимъ,—еще не получитъ оффиціальной гласности, еще не дойдетъ по адресу,—а они уже все знаютъ и противъ всего принимаютъ свои мѣры свои подкопы и контръ мины. У нихъ вездѣ и писецъ, и столначальникъ, и выше и выше,—всѣ за одно. Здѣсь въ Минскѣ мнѣ даже евреи говорили содержаніе бумагъ, едва подписанныхъ губернаторомъ и еще не вышедшихъ изъ его канцеляріи. Всякое сообщеніе по телеграфу, даже до шифрованыхъ телеграммъ, здѣсь вовсе не тайна для поляковъ, а также и для евреевъ—по дѣламъ ихъ ка-

сающимся. А другого рода телеграфъ состоитъ изъ нити связей родственныхъ между чиновниками, служащими въ канцеляріи губернатора и каждомъ присутственномъ мѣстѣ въ губерніи. Вездѣ родство, вездѣ дружба, *вездѣ разлитъ одинъ элементъ, враждебный Россіи* [1]) и всему русскому, пользующійся послабленіями и поблажками не для того, чтобы за добро перемѣнить свои чувства, или чтобы пользоваться только лично выгодами своего положенія или мѣста,—но усиливающійся единодушно все доброе и недоброе обратить во зло Россіи, во вредъ Русскимъ. Нить связей этихъ проведена и въ Петербургъ въ департаменты министерствъ, сенатъ и другія высшія управленія и въ столичные и въ Кіевскій университеты, и въ Варшаву, Вильно и пр. Это общій огромный союзъ сарматовъ противъ Славянъ. И тѣмъ глубже и сильнѣе эта связь, чѣмъ милостивѣе и снисходительнѣе правительство: *его добротою стараются пользоваться ему же во вредъ*: а теперь здѣсь увѣряютъ, будто правительство русское дѣлало и дѣлаетъ уступки не отъ могучаго снисхожденія, не отъ доброты и человѣчности своихъ началъ, а будто отъ трусости, будто вынужденное къ тому тайными пунктами трактата Парижскаго и боясь поляковъ и Европы, которая съ своими журнальными статьями будто всегда готова быть за нихъ, за ихъ жертвы, за ихъ геройства и постоянное стремленіе къ свободѣ. Поляки очень что-то надѣются на тайное и явное содѣйствіе Наполеона III-го и Англіи; они часто выражаютъ свои восторженныя чувства къ Наполеонамъ, *даже братаются съ евреями не по влеченію сердца, отнюдь нѣтъ; они ихъ ѣдко ненавидятъ*; а по глубокому разсчету: создать себѣ однимъ другомъ больше, слѣдовательно для насъ больше однимъ врагомъ.

Мы, частные люди, не знаемъ: было ли до сихъ поръ правительству извѣстно истинное положеніе умовъ и сер-

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.—Д. С.

дець въ этомъ краѣ. Да и могло ли правительство знать его вѣрно и основательно?

Изъ памятной книжки минской губерніи на 1861 годъ и изъ другихъ, мною собранныхъ, свѣдѣній видно—

Служащихъ:

въ канцеляріи губернатора—66: изъ нихъ православныхъ—4, лютеранъ—1, магометанъ—1;
въ губернскомъ правленіи на 131—православныхъ—8, лютеранъ—1, магоментанъ—1;
въ камерѣ губернскаго прокурора—7; изъ нихъ—православныхъ—1;
„ приказѣ общественнаго призрѣнія—16; изъ нихъ православныхъ—9;
въ дворянскомъ депутат собраніи—31;православныхъ—1;
„ казенной палатѣ (во всей губерніи) 235; православныхъ—4:
„ уголовной (во всей губерніи) 45; православныхъ—1;
„ гражданской (во всей губерніи) 46, православныхъ—1;
„ палатѣ госуд. имуществъ (всей губерніи) 110; православныхъ—7;
„ губернской гимназіи (во всей губер.) 32, православныхъ—2;
„ минской город. полиціи—30; православныхъ—2;
„ мин, уѣздномъ съѣздѣ—14; православныхъ—1.

Служащихъ чиновниковъ.

въ минскомъ магистратѣ—12; изъ нихъ православныхъ—2 остальные поляки.
„ коммиссіи народнаго продовольствія,
„ губерн. почтовой конторѣ,
„ земскомъ судѣ.
„ городовомъ острогѣ
и въ городской думѣ.

Остальные все поляки.

ни одного православн.

Изъ 864 служащихъ, только 43 чиновника преимущественно низшихъ званій и около 100 писцовъ—православные (въ томъ числѣ есть уніаты, магометане и лютеране); остальные все поляки. Что же послѣ этого значитъ цифры хотя бы милліонныя о православныхъ (крестьянахъ, гдѣ много уніатъ), числящихся по ревизіи въ губерніи.

Что русскіе здѣсь ополячиваются совершенно, въ особенности женатые на полькахъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Какъ одинъ изъ многихъ тысячъ примѣровъ приведу: 26 августа былъ я въ соборѣ у обѣдни и молебствія. Священникъ говорилъ проповѣдь. Возлѣ меня одинъ изъ чиновниковъ, русскій, слова священника истолковалъ сосѣду своему, тоже русскому, *по-польски*. Вообще въ немногихъ русскихъ домахъ здѣсь слышится русскій говоръ. Недавно въ воскресенье шли днемъ изъ дому въ соборъ къ обѣднѣ двѣ дѣвицы, православныя, дочери совѣтника... Онѣ были одѣты по-праздничному, не въ траурѣ.

Имъ изъ окна одного дома поляки закричали обидныя слова и облили ихъ нечистотою. На вопросъ губ. жандармскаго штабъ-офицера, по городскимъ объ этомъ слухамъ,— „правда ли это?" отецъ ихъ отвѣчалъ: правда.—„Вы жаловались?"—„Боже сохрани! Чтобы мой домъ сожгли и еще хуже обидѣли моихъ дочерей! Я знаю поляковъ, съ ними выросъ и вотъ началъ старѣться: я знаю и теперешнее время —я отъ того жаловаться не стану".—Начальница дѣвичьяго пансіона не повела дѣвицъ въ костелъ на манифестацію, ей выбили каменьями всѣ стекла въ окнахъ, вкинули гадкіе пасквили, навязанные на каменьяхъ, а жаловаться она не смѣла и стала водить дѣвицъ въ манифестаціи. Генералъ изъ Варшавы въ сентябрѣ писалъ сюда своему пріятелю: „у насъ анархія растетъ ежедневно, и ежели не перемѣнятъ системы вредныхъ поблажекъ и напрасныхъ снисхожденій,—то черезъ 2—3 мѣсяца намъ надо будетъ подумать о защитѣ нашихъ древнерусскихъ границъ"... „Все противъ насъ". *Ксендзы даже черезъ своихъ любовницъ и черезъ женщинъ развратницъ подстрекаютъ народъ*, который и безъ того въ высшей степени наэлектризованъ возмущеніями и проч...

Здѣсь, когда сдѣлано распоряженіе, чтобы *мѣстныя полиціи* доносили о случающихся движеніяхъ и происшествіяхъ обо всемъ, что имѣетъ видъ политическій, *исправники и становые* испрашивали у коноводовъ польскаго движенія—своихъ могучихъ патроновъ—разрѣшенія, о чемъ именно имъ доносить и о чемъ *не доносить*.

Костелъ Бернардинскій былъ недавно въ свою очередь позорищемъ ночныхъ оргій, рева, безумныхъ криковъ, изступленныхъ намъ проклятій. Когда вечерни (пешпоры) близились къ концу, начинались пѣнія гимновъ, недававшія докончить служенія по чиноположенію, заглушавшія и пѣніе двухъ хоровъ и органъ, игравшій во весь громъ своихъ трубъ. Изъ несчастныхъ двухъ полицейскихъ одному отдавили каблуками ногу—конечно нечаянно (?!), будто мимоходомъ—а другого сжали и надавали ему такихъ толчковъ подъ бока, что тотъ едва добрался до полиціи и тамъ отдохнулъ. Молящіеся (?!) гасили свѣчи, въ потьмахъ неистовствовали, заглушивъ органъ своими криками и воплями и даже (достойное довершеніе такихъ молитвъ!) слышались быстрыя вскрикиванья испуганныхъ какою-то неожиданностью (!) женскихъ голосовъ: „ай ай!..“ Клики эти, вѣрно, не были написаны ни въ стихахъ, ни въ нотахъ гимновъ...

Безпорядки въ Пинскѣ—равняются Минскимъ, Новогрудскимъ и Слуцкимъ, если не превосходятъ ихъ. Въ Слуцкѣ недавно въ жену казачьяго офицера, шедшую по улицѣ не въ траурѣ, бросили камнями и порядочно ушибли ей руку. Здѣсь сегодня 21 окт. прибили частнаго пристава въ самомъ костелѣ Бенедиктинскомъ: квартальный едва убѣжалъ. Приставъ самъ хлопочетъ замять дѣло. (Дали ему 100 руб. и новую шубу). Говорю обо всемъ этомъ мимоходомъ, вовсе не думая исчислять всѣхъ подобныхъ происшествій.

Вообще здѣсь всякій предпочитаетъ быть противъ правительства, чѣмъ за него. Отъ чего же это? Отъ того, что довольно здѣсь кричать и бранить Россію и все Русское, чтобы „se faire une position“ въ здѣшнемъ обществѣ. А ежели кто сдѣлаетъ вредъ Россіи значительный и преступленіе по службѣ въ пользу поляковъ, тотъ вмѣсто наказанія можетъ быть увѣренъ въ полученіи лучшаго мѣста, въ жаркой протекціи ему всей польской партіи,—тогда какъ дѣйствующіе противъ нея—могутъ ожидать всѣхъ возможныхъ неудачъ и даже несчастій. На дняхъ особенно поразилъ насъ вотъ какой примѣръ: *губернскій почтмейстеръ принималъ заказдомо и разсылалъ тысячи прокламацій;* въ его конторѣ задерживали

и подпечатывали письма; даже вырѣзывали конверты изъ 3-го отдѣленія къ жандармскому штабъ-офицеру; пересылали подметныя письма и пасквили; безпорядокъ во всемъ Управленіи былъ невыносимый. Даже начальникъ губерніи просилъ о замѣнѣ его другимъ, ссылаясь и на бездарность и нетрезвость его. Можно бы подумать, что такого чиновника вовсе нельзя держать на службѣ,—а ему дали одно изъ лучшихъ почтовыхъ мѣстъ въ Россіи. „Вотъ какъ поддерживаютъ нашихъ противъ правительства!“ кричатъ здѣсь поляки... и нельзя не согласиться съ ними. Самый жалкій писецъ, отребіе канцелярства, тотчасъ бываетъ принятъ съ почетомъ, и помощью денежною, въ лучшихъ домахъ. *Предсѣдатели, предводители рядомъ съ шляхтой, мѣщанами и гимназистами*, всѣ, кто только полякъ и всѣ польки,—*всѣ здѣсь поютъ гимны объ избавленіи отъ Русскаго ига*, читаютъ акаѳистъ о ниспосланіи всеобщей войны, молятъ о кровавой намъ мести; *всѣ въ траурѣ*, какъ при общенародномъ бѣдствіи, а *ксендзы прекратили установленныя молитвы о Царѣ*; а каждая копѣйка собирается безпощадно,—и отдается если и со вздохомъ, то съ глубокозатаеннымъ—и безпрекословно. Все это идетъ на „алтарь отчизны“. Деньги эти собираютъ здѣсь извѣстныя лица: *одинъ изъ нихъ—родственникъ и другъ полиціймейстера, жена котораго и вся родня воодушевлены самыми недружелюбными чувствами къ Россіи*... и не одна эта полиція: городская и земская—на такой же ладъ. Поэтому и сборъ денегъ и продажа возмутительныхъ сочиненій и символическихъ знаковъ, и тайныя литографіи, и пріѣздъ и выѣздъ эмиссаровъ, даже принимавшихъ массы заказовъ оружія на „повстанье“, и все, что должно знать чрезъ зоркую расторопную преданную полицію,—все это шито-крыто, и правительство знаетъ далеко не все то, что надо бы знать. Всѣ боятся сказать истину, чтобы не узнали о томъ поляки: „бѣда, какъ ихъ раздражишь! А противъ нихъ защиты не сыщешь“. Это здѣсь общій голосъ.

Идея о правительствѣ относительна: для министровъ, для образованой публики она не та, что для массы народа, который видитъ правительство въ городской и земской полиціяхъ, до послѣдняго ихъ десятника. Правительство на

массу народа дѣйствуетъ черезъ своихъ агентовъ. Кто же здѣсь агенты, проводящіе мысль правительства и дѣйствіе закона въ массу народа? *Какіе здѣсь чиновники городскихъ и земскихъ полицій?* Это большею частью поляки, изъ которыхъ иные были замѣшаны оффиціально и не немного въ прежнихъ возмущеніяхъ, подпавшіе карѣ закона, Богъ вѣсть какими путями попавшіе опять въ службу, да еще на бѣду намъ въ полицейскую, и о которыхъ, глядя на ихъ русскій мундиръ, нельзя не сказать, какъ о змѣѣ (да еще у насъ за пазухой):

„Хоть ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все то же".

Пространное положеніе людей: берутъ жалованье отъ правительства, противъ котораго дѣйствуютъ съ самымъ ярымъ озлобленіемъ.

Не имѣя полиціи дѣльной и преданной, нельзя ничего сдѣлать съ массой народа. Вы пошлете черезъ исправниковъ и становыхъ распоряженіе въ пользу Россіи,—а этотъ людъ живетъ только на томъ, чтобы сдѣлать, перетолковать все во вредъ ей. Какіе же теперь у насъ вѣрные пути для [illegible]ій на народъ, для передачи ему своихъ идей, сочувствія, распоряженій? Стоитъ ли говорить, что дѣлаютъ исправники, городничіе и становые отдѣльныхъ уѣздовъ, когда здѣсь подъ глазами, *Минскій исправникъ* ни разу не донесъ о пѣніи гимновъ и акаѳиста въ костелахъ и *домахъ предводителя* и другихъ значительныхъ *помѣщиковъ*, гдѣ самъ бывалъ при томъ; когда онъ же, командированный захватить болѣе 50 писемъ, посланныхъ не по почтѣ, а черезъ особаго еврея (однажды въ Минскѣ уже пойманнаго обходомъ и сданнаго въ Минскую полицію и выпущеннаго съ письмами за 10 золотыхъ) привезъ 5 или 6 писемъ, всего, самыхъ безвинныхъ, а остальныхъ не взялъ. Въ Гайно повезли изъ Минска гимнъ спѣть его въ первый разъ въ костелѣ и раздать народу. Это было такъ не тайно, что посланы были слѣдомъ за 3-мя фурами пѣвцовъ—волнователей, здѣшній становой приставъ и квартальный. Отъ нихъ обоихъ не получено никакихъ свѣдѣній.

Выше сказалъ я, что насъ винятъ въ полумѣрахъ. Съ этой точки взглянемъ на нѣсколько послѣднихъ распоряженій.

Полицейскіе суды.

1. Принципъ ихъ кажется не совсѣмъ додуманъ. А къ тому, здѣсь предсѣдатель суда—уѣздный судья,—слѣдовательно занятъ и другими дѣлами, и оттого дѣла о пѣвцахъ тянутся очень продолжительно. Онъ самъ пѣвецъ—и оттого приговоры его самые потворственные, соединяющіе три проступка въ одинъ; и нѣтъ оскорбленій и преслѣдованій, которыхъ бы не вынесли въ этомъ судѣ тѣ чиновники—квартальные, особенно изъ православныхъ, которые, исполняя честно и справедливо долгъ службы, рѣшились назвать, кого видѣли, кто при нихъ пѣтъ. Ихъ заставляютъ присягать каждый день безпрерывно о каждомъ пѣвцѣ и требуютъ отъ нихъ присяги въ томъ, что они слышали, какъ тѣ господа и барина пѣли именно такія слова гимна.

Въ Минскѣ, чтобы сбить съ толку свидѣтелей, полицейскихъ чиновниковъ, уличающихъ въ пѣніи запрещеннаго гимна, придумали: нѣкоторымъ изъ молящихся въ костелѣ, подъ напѣвъ гимна пѣть слова какого-то псалма и дѣлать это такъ, чтобы чиновникъ полиціи непремѣнно видѣлъ, что обвиненный имъ пѣлъ вмѣстѣ со всѣми въ ладъ и въ одинъ голосъ; но издали, конечно, нельзя вѣрно разслушать, какія именно слова тотъ поетъ, а видя явное пѣніе того лица, полисменъ обвиняетъ его. Судъ требуетъ присяги въ самыхъ словахъ, пѣтыхъ обвиненнымъ. Квартальный отвѣчаетъ, что видѣлъ, что обвиненный пѣлъ на колѣнахъ вмѣстѣ со всѣми, когда всѣ пѣли гимнъ; ясно слышалъ даже голосъ поющаго, но не могъ разслышать каждое слово имъ пропѣтое, что этого въ общемъ хорѣ и ревѣ стольких голосовъ, при громѣ органа, никогда вѣрно разслушать невозможно, но ничего же другого во время пѣнія гимна нельзя пѣть, какъ только этотъ гимнъ. У обвиненнаго готовы свидѣтели, что онъ гимна не пѣлъ, а пѣлъ безвинный псаломъ; и общій хохотъ суда и обвиненныхъ совершенно смущаетъ обвинителя, а судъ освобождаетъ признан-

наго по недостаточности доказательствъ къ его осужденію. *Судъ* этотъ, благодаря правилу присяги квартальныхъ, *сдѣлался для поляковъ чѣмъ то въ родѣ кукольной комедіи*, куда они идутъ, какъ на спектакль, для осмѣиванія бѣдныхъ полисменовъ, дерзающихъ быть вѣрными своей обязанности. Приговоры суда всѣ къ minimum уплаты и даже бѣдняки смѣются: за нихъ платитъ все общество изъ собираемыхъ „на ойчизну" денегъ, а также и кормитъ отлично, на общій счетъ тѣхъ, кто посаженъ подъ арестъ по общему дѣлу противъ правительства. Свидѣтельство на полицейскихъ— ведетъ ихъ прямо подъ ноги толпы. Посаженные подъ арестъ два первые пѣвца во все время ареста во все горло кричали этотъ гимнъ и, выходя, сказали сторожу: „топи комнаты: мы скоро опять придемъ. Тутъ намъ хорошо: а вотъ братьямъ нашимъ въ Варшавѣ было плохо, когда они тамъ проливали свою кровь", и выйдя изъ подъ ареста, они дѣйствительно, опять отправились пѣть гимнъ во всѣхъ костелахъ.

Полицейскій судъ, въ томъ видѣ, какъ онъ теперь, недостигаетъ своей цѣли, не воздерживаетъ отъ пѣнія, не отягчаетъ взысканіями виновныхъ, осмѣивающихъ правительство,—угнетая и оскорбляя только православныхъ квартальныхъ, а частный приставъ-полякъ, сначала вмѣстѣ съ квартальнымъ показавшій, кто пѣлъ, отрекся отъ показанія; тѣ несправедливо оправданы, а онъ освобожденъ отъ присяги. При трехъ дневныхъ панихидахъ о Фіалковскомъ, во всѣхъ здѣсь костелахъ пѣли тысячи человѣкъ и за обѣдней и за вечерней. Не легко замѣтить всѣхъ, а еще труднѣе присягать противъ каждаго изъ обвиненныхъ.

Слѣдовательно, полицейскій судъ—полумѣра и по учрежденію, и по составу, и по приведенію его въ исполненіе. Многіе сомнѣваются: можно ли оправдать его и съ нравственной точки. Правительство, говорятъ поляки, позволяетъ намъ пѣть противъ его власти, молить Бога отъ избавленія насъ отъ ига Русскаго Царя, о наказаніи и о мщеніи русскимъ,—только съ уплатою 10 руб. с. за такое торжественное имъ заклятіе. Неужели это не хуже штрафа, уплачиваемаго тѣмъ, чью личность оскорбили? Тѣмъ законъ запрещаетъ оскорбленіе и наказываетъ за нарушеніе закона. Здѣсь

(все это говорятъ поляки) намъ позволяютъ пѣть какъ въ оперѣ, только съ тою разницею, что тамъ платятъ пѣвцамъ, а тутъ, забывая, какое глубокое нравственное значеніе имѣетъ пѣніе этого гимна, правительство требуетъ, чтобы ему платили за право пѣть противъ него все, что намъ вздумается, платя дешевле, чѣмъ за ложу въ итальянской оперѣ, и пѣніемъ этимъ достигая предположенной нами цѣли. Допуская однако, что это только fason de parler: что учрежденіе это могло бы быть очень тяжелымъ,—именно потому, что можетъ налагать огромный разрушительный штрафъ: что гимнъ не имѣетъ религіознаго значенія, когда его поютъ не какъ молитву, а какъ Marseillaise, какъ революціонную демонстрацію, превращая церковь въ клубъ красныхъ, —нельзя не сказать, что если бы это были особые суды не при уѣздныхъ судахъ, а въ каждомъ уѣздномъ городѣ, при другой полиціи, составленные не изъ здѣшнихъ тоже поющихъ личностей, съ аппеляціею не далѣе губернскаго города; приговаривали бы къ штрафамъ самымъ значительнымъ, распространяя и на женщинъ-запѣвалъ болѣе значительныхъ немедленное арестованіе и послѣ 3-го раза вывозъ въ Польшу, или на Амуръ,—тогда бы можно было видѣть пользу отъ этой мѣры, а теперь—пользы пока еще никакой не замѣтно, но вреда довольно.

Мировые посредники, предводит. дворянства, войска.

2. Предоставлено увольнять чиновниковъ неблагонадежныхъ... а кѣмъ ихъ замѣнить? Яна замѣнить Казиміромъ? Казиміра Юзефомъ? а и тотъ и другой—одинъ хуже другого. При томъ отставлены были отъ службы нѣсколько коноводовъ пѣнія и распространители волненій и гимновъ. Если бы ихъ высылать въ Царство Польское или на Амуръ,—другое дѣло; а здѣсь, оставаясь въ праздности—они нашли пути къ мягкости патріотическаго сердца полекъ заступницъ, тѣ упросили начальниковъ, и этихъ молодцовъ опять, по поручительству и ходатайству, зачислили на службу!! Развѣ это не полумѣра? Вѣдь они опять поютъ и волнуютъ еще усерднѣе, еще злѣе.

3. Велѣно обезоружить край. Становые и прочіе полицейскіе представители правительства, объявляя эту мѣру,

сами предлагали владѣльцамъ: все годное оружіе спрятать, а имъ сдать дрянь, никуда негодную. Слѣдовательно, и эта полумѣра*) столько же вредная.

Къ слову объ оружіи: во Франціи и Англіи поляками и венгерцами сдѣланы заказы оружія въ огромныхъ массахъ. Если бы у насъ были агенты наши, вѣрные и дѣльные во Франціи и Англіи, то можно бы узнать, куда, сколько и куда именно намѣрены тронуть съ мѣста и препроводить это оружіе, а здѣсь умѣть подстеречь и захватить его во время,—если даже оно и отправлено уже съ мѣста. Сначала В. потомъ Сн. Д... сами были здѣсь и приняли эти заказы. В., прощаясь, сказалъ, что онъ вернется съ этимъ оружіемъ не иначе, какъ на гибель русскихъ. Сн. Д... съ товарищемъ жили въ дѣвичьемъ пансіонѣ С. Паспорты ихъ, сколько мнѣ извѣстно, по справкамъ въ полиціи, не были здѣсь прописаны, а товарищъ его былъ Н—ъ изъ лицъ замѣшанныхъ въ прежнихъ смутахъ, отданный подъ особый надзоръ полиціи, которая и до сихъ поръ, уже 3 годъ, показываетъ его въ ожиданіи прибытія. Они ѣздили по уѣздамъ и принимали заказы на оружіе. У бывшаго тогда здѣсь полиціймейстера, у губернатора и у генералъ-губернатора есть превосходные штуцера и револьверы фабрики Д... Мицкевичъ пріѣжалъ сюда съ однимъ изъ будущихъ полководцевъ возстанія (другой кадровый командиръ въ Новогрудкѣ): они первые (говорятъ) привезли сюда en masse прокламаціи Мирославокаго. Этого конечно никто не зналъ. Кто скажетъ? Какъ узнать? Хотя поляки здѣсь давали особый почетный обѣдъ, говорили много зажигательныхъ рѣчей, пили много разныхъ тостовъ и наконецъ жестоко избили одного русскаго чиновника, случайно туда заглянувшаго. Одинъ торговый домъ въ Гамбургѣ требовалъ печатно черезъ газету „Виленскій Курьеръ" сообщенія ему адресовъ здѣшнихъ чиновниковъ и помѣщиковъ. Черезъ ловкаго чиновника посольства нашего, или черезъ вѣрнаго агента должно бы тайно и осторожно узнать въ Гамбургѣ: для чего

*) Это говоритъ мнѣ графъ Ч.....

торговый домъ Гаузенштейна и Фоглера требовалъ этихъ адресовъ и приглашалъ обращаться къ нему для дальнѣйшихъ разъясненій.

Вообще здѣсь и аристократы и дворяне и чиновники-поляки, стремясь всѣми силами къ осуществленію возстанія, все еще не знаютъ: на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ; и только потому еще отсрочены здѣсь проявленія слишкомъ раннія и слишкомъ рѣшительныя: но все готовится, ждетъ общаго сигнала общаго возстанія.

Коноводы движенія, принявшаго маску религіи, разсчитываютъ по вѣрной диллемѣ: ежели на примѣръ, мы будемъ пѣть революціонные гимны и станутъ за это насъ наказывать, разгонять оружіемъ, мы, хотя бы и были малочисленнѣе, но будемъ имѣть право вызвать стычку въ родѣ варшавской, или хоть виленской, и тогда же попадемъ въ ofiary (жертвы) за ойчизну; за насъ будутъ всѣ молиться; насъ станутъ прославлять, всюду продавать и носить наши портреты и дѣло нашей свободы и сочувствія къ намъ очень подвинется. Если же русскіе побоятся поступить съ нами строго (они все приписываютъ нашей боязливости), то мы при такомъ явномъ ихъ безсиліи будемъ каждый день все больше и больше вербовать народу и въ пѣвцы, и въ кадры,—и все таки дѣло наше подвинется. Конечно, было бы лучше, если бы правительство не мѣшало намъ; на это его надо направить: тогда и народъ весь будетъ видѣть, что правительство не преслѣдуетъ насъ, будто само оно не прочь отъ нашихъ цѣлей, и тогда народъ всею массою пристанетъ къ намъ; а мы, между тѣмъ, поведемъ наше дѣло далеко впередъ, приготовимъ кадры, вооружимъ всѣхъ матеріально и политически противъ русскихъ,—и когда тѣ хватятся за умъ,—будетъ уже поздно... наше дѣло будетъ уже сдѣлано и докончено (Слова Мирославскаго).

Мировые посредники, полные самыхъ немирныхъ къ намъ чувствъ, стараются прибрать къ рукамъ побольше власти чтобы удобнѣе распоряжаться массами и формировать кадры, а между тѣмъ всячески затруднить крестьянамъ выкупъ земли и обращенія ихъ въ собственниковъ. Рвеніе ихъ въ пользу ойчизны дошло до того, что на послѣднемъ съѣздѣ фор-

мально разсуждали, что, служа по выборамъ, они не должны брать жалованье себѣ, а оставляя le strite nécessaire для содержанія канцеляріи (около 300 р.), остальные пересылать въ Парижъ на издержки повстанцевъ для повстанья народнаго. При томъ они назначили депутацію требовать отъ губернатора удаленія члена отъ правительства въ уѣздныхъ мировыхъ съѣздахъ Минскаго, Борисовскаго и Игуменскаго уѣздовъ, потому что тотъ не на ихъ сторонѣ, а дурно замѣченъ ими, какъ преданный русскому правительству. Только участіе одного родственника губернатора мирового посредника изъ ихъ числа—отклонило эту депутацію; но мировые посредники хотятъ рѣшать дѣла безъ приглашенія этого члена въ свои совѣщанія. Предводители дворянства стараются стать предводителями повстанья и уже вмѣстѣ съ посредниками пытаются ввести въ офиціальное въ переписках между собою дѣлопроизводство вмѣсто русскаго польскій языкъ; при чемъ посредники подписываютъ sędze pokoju (мировый судья).

(Это говорилъ мнѣ Г. Гатовцевъ Пр. П. Гос. Им.). Сельскіе Продовольственные магазины далеко не полные. Помѣщики по разнымъ своимъ соображеніямъ значительно опустошили ихъ. Хлѣбъ здѣсь, что день, дорожаетъ, а многіе помѣщики еще на корню запродали хлѣбъ скупщикамъ за границу и тѣмъ евреямъ, которые выжидаютъ движенія и требованія хлѣба за границей, надѣясь дождаться хорошихъ цѣнъ и здѣсь при возстаніи весной. Охотниковъ на поставку провіанта въ казну—здѣсь нѣтъ; на базаръ партій хлѣба не движется; мужики, съ которыми я разговаривалъ, громко ропщутъ, что паны забрали много хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ, а свой распродали; крестьянскіе ихъ запасы едва хватятъ имъ на зиму, а къ веснѣ пройдется, хоть голодъ терпѣть. Посланные губернаторомъ чиновники мѣшкотно оглядывались, сговаривались, и ничего еще не сдѣлали; а ежели понадобится на экстренное продовольствіе или на посѣвъ,—истощеніе запасовъ магазинныхъ и распродажа урожая за границу очень затруднятъ правительство въ случаѣ возстанія

Собирая деньги на повстанье за отчизну, поляки, исполняя завѣтъ, въ возваніи № 1 имъ данный, обираютъ, вымѣниваютъ все серебро и золото и вывозятъ ихъ во Францію, стараясь всячески и во всемъ ставить правительство въ затрудненіе. Кромѣ того, они вывозятъ изъ этого края и даже изъ дальнихъ губерній Россіи множество лошадей въ Польшу для будущей кавалеріи и артиллеріи. Такихъ лошадей много заготовлено и въ Новогрудскомъ уѣздѣ. Здѣсь и вездѣ, много молодежи учится ѣздить въ шеренгахъ, заѣзжать во фронтъ, и вообще пріучаться къ дѣлу военному,—какъ имъ дано наставленіе въ возвованіяхъ № 1 о приготовленіи кадровъ. Даже спроста, недогадавшись, наши казаки за полинникъ въ часъ, начали сами на своихъ лошадяхъ обучать здѣсь поляковъ ротному казачьему строю. Дружески, съ глазу на глазъ, вовсе не офиціально и даже не разглашая этого никому, дать я совѣтъ дивизіонеру пріостановить выучку ~~офицеровъ~~ ратовъ. Если это пріостановилось въ Минскѣ, повсюду это продолжается не мытьемъ, такъ катаньемъ,—если не казачки учатъ,—такъ отставные кавалерійскіе солдаты и офицеры. За ту глупость студенческую, каждый малѣйшій промахъ кого нибудь изъ русскихъ, каждый слухъ даже будто о неблагонадежности гвардіи, на которую будто не могли положиться даже при ералашѣ студентскомъ,—здѣсь разносятъ съ истиннымъ восторгомъ: волненія университетскія дѣлаютъ очень знаменательными, увѣряя, что все это идетъ отъ ихъ дѣтей, которыхъ, какъ ловкія пружины—они водворили между студентами русскихъ университетовъ, и что это волненія юныхъ умовъ, начавшись при умѣніи и удачѣ поддержать ихъ, какъ искры будутъ раздувать, пока не вспыхнетъ огромный пожаръ; пока всѣ эти сначала мелкія вспышки окончатся общимъ страшнымъ взрывомъ,—когда прилетъ вожделѣнный мигъ для объявленія: пусть будетъ Польша. (воззваніе № 3).

Наконецъ, еще бросну легкую замѣтку: защита края ввѣряется войскамъ: тутъ теперь надо очень смотрѣть: каковы здѣшнія войска наши. Калужскій пѣхотный Е. В. короля Прусскаго полкъ долго стоялъ въ Варшавѣ. Офицеровъ и нижнихъ чиновъ здѣсь много изъ поляковъ. Командиръ

полка (слишкомъ отличный хозяинъ) говорилъ мнѣ, будто почти 1/2 полка у него поляки. Есть офицеры, слишкомъ много и зло говорящіе противъ правительства.

Юнкера—распущены, служба и дисциплина—оставляютъ многаго желать. На артиллерійскихъ офицеровъ-поляковъ и на ихъ друзей и на фейерверкеровъ надо обращать особое вниманіе. Лучше всего перевести сюда надежныхъ русскихъ офицеровъ.

Пути здѣшнихъ водяныхъ сообщеній тоже въ рукахъ людей слишкомъ сблизившихся и сдружившихся съ поляками.

Надо обратить также вниманіе на составъ провіантскаго и комиссаріатскаго вѣдомствъ до вахтеровъ и до врачей и прислуги госпитальной.

Часть II-я

Внутреннее состояніе и настоящее положеніе дѣлъ и умовъ въ Минской губ. далеко не такъ успокоительны. Все приготовляется къ возстанію съ жаромъ и энтузіазмомъ, распаляемыми изъ Варшавы, черезъ предводителей и вожаковъ, — искусно прикрывающихся, не дающихъ нашему глазу это замѣтить, потому что всякій занимается своимъ обычнымъ дѣломъ въ обыденной жизни и дѣйствуетъ по наставленію, чтобы тайно была соблюдена для успѣха дѣла [1]). Но все съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждетъ весны,—какъ общаго лозунга къ общему возстанію, ждетъ перваго знака, условнаго сигнала, чтобы возстать, по выраженію воззванія [2]). Какъ одинъ исполинъ, чтобы разомъ подавить и уничтожить горсточки русскихъ, изолированно разсѣянныхъ кое-гдѣ; овладѣть казначействами, оружіемъ, арсеналами; словомъ со-

---

[1]) Воззваніе № 1.
[1]) Тамъ же

творить Варѳоломееву ночь[1]), провозгласить Великую Польшу на мѣстѣ варварской Московіи.

Всѣ усилія поляковъ клонились здѣсь къ тому, чтобъ завладѣть окончательно администраціею края, которая и безъ того уже почти въ ихъ рукахъ [2]). Они старались и стараются тайно, незамѣтно, но ловко, направить все такъ отъ высшихъ точекъ нашего управленія и до самыхъ мелкихъ мѣстныхъ личностей, чтобы опасныя имъ власти и силы воздѣйствовали, или были парализованы разными ловко придуманными затрудненіями и препятствіями. Они желаютъ, чтобы въ моментъ возстанія, сколько возможно неожиданный, и который бы застать насъ въ расплохъ, Россія имѣла здѣсь или людей, которые перейдутъ на ихъ сторону, или неспособныхъ къ дѣлу и дѣльной энергіи, или людей совершенно новыхъ, только что съ возстаніемъ прибывающихъ на мѣста, незнающихъ ни края, ни его людей, ни его средствъ ни особенностей, которыя добросовѣстному человѣку надо изучать, чтобы знать, какъ и что употребить, что предпринять и за кого взяться въ минуты тревогъ и опасности.

Если же бы могли бы стать поперекъ ихъ дороги личности для нихъ опасныя, могучія, дѣятельныя,—то отстранить ихъ, даже уничтожить,—не щадя ничего и никого. Духовенство разрѣшило все,—и клятвопреступленіе и всякаго рода смерть русскихъ патріотовъ. Они старались и стараются скрывать сколько возможно долѣе все замышляемое, и, пользуясь всѣми путями, всѣми тайными и явными пружинами, всѣми прижимочками, и уловочками, всѣмъ здѣсь хорошо извѣстными, никакъ не допустить до введенія здѣсь военнаго положенія; напротивъ всячески стараться, ссылаясь на теперешнее kuazi затишье (передъ штормомъ), чтобы войскъ

---

[1]) Выраженіе это „ту бендзе, бендзе Бортлемики вонъ" слишкомъ часто повторялось здѣсь: оно часто подмѣчено у гимназистовъ и молодежи въ оргіяхъ и кутежахъ, не разъ въ хмѣлю говорившихъ объ этомъ, у дѣвъ извѣстнаго рода. Какая это ночь? спрашивали ихъ иные, не понимая. „Это ночь будетъ на нашъ великъ день," съ усмѣшкой объясняли имъ, дѣлая каламбуръ изъ словъ великій—день, однозначительнаго со свѣтлымъ воскресеніемъ.

[2]) Воззваніе № 6.

не вводили болѣе; и тѣмъ дать возстающимъ возможность Минскую губ. обратить въ пунктъ Wybucha,—начало ядра возстанія въ западныхъ губерніяхъ: для чего у нихъ должны тайно заготовляться склады пороха и оружія.

Минская губ. имѣетъ нѣсколько важныхъ стратегическихъ пунктовъ: Минск. г. имѣетъ Пинскъ съ Припятью (рѣка Припять) съ двумя каналами, съ весеннимъ огромнымъ и всегда (до зимы) удобнѣйшимъ водянымъ сообщеніемъ, съ такимъ складочнымъ мѣстомъ хлѣба, съ котораго во время крымской войны тайно продано (т. е. тайно отъ правительства, но не тайно ни для кого) на продовольствіе непріятельской крымской арміи и за—границу нѣсколько сотъ тысячъ бочекъ зерноваго хлѣба, которымъ, сами голодая, мы сыто кормили нашихъ враговъ.

Черезъ Галицію или черезъ Царство Польское, гдѣ и откуда окажется удобнѣе въ минуту начинанія, гдѣ будутъ назначены пунктъ и время рѣшительнаго взрыва (Wybucha) странный (говорятъ поляки) иностранный легіонъ, сформированный изъ самыхъ отчаянныхъ поляковъ, проберется къ Пинску черезъ Кобринъ и къ Мозырю (находящимся въ связяхъ съ волнуемою Волынью), въ Пинскъ и Мозырь направятъ запасы общаго вооруженія до нарѣзныхъ пушекъ (для которыхъ здѣсь уже тайно начали заготовлять лафеты); тамъ же заготовлять продовольствіе, продовольственные запасы и оттуда, одновременно съ Слуцкомъ и Новогрудкомъ, гдѣ заготовляютъ множество лошадей подъ артиллерію и кавалерію, организуемыми теперь кадрами возстанія двинутся на истребленіе русскихъ и правительства ихъ, на очищеніе отъ нихъ всей Минской губ.—довольно центральной для плана ихъ линій отъ Смоленска до границъ собственно Польши, и отъ остзейскихъ провинцій и до Подоліи, довольно слабой въ военномъ отношеніи,—дурно защищенной русскими войсками, прилегающей къ границамъ 7-ми окружающихъ ее губерній и по подготовкѣ многихъ средствъ и лицъ, соединяющей элементы чрезвычайно сподручные и полезные полякамъ.

Ежели тайные планы ихъ въ отношеніи къ Минской губ. будутъ предупреждены и опрокинуты, они будутъ очень

затруднены выборомъ другого (менѣе для нихъ выгоднаго) пункта, особенно, если мѣры предосторожностей нашихъ будутъ повсемѣстны и энергичны. Ежели же бы имъ удалось вывести войска, теперь придвинутыя въ Минскую губ., то Wybuch возстанія свершится непремѣнно здѣсь и очень легко. Если же войскъ не выведутъ, а занять имъ пунктъ и разомъ подлять весь край будетъ невозможно,—то какъ теперь войскъ нашихъ здѣсь немного для такихъ огромныхъ и труднопроходимыхъ пространствъ, у нихъ задумано сдѣлать такъ: сперва вспыхнетъ мятежъ въ самомъ отдаленномъ краю отъ мѣста расположенія какой—нибудь значительной массы войскъ... туда, конечно, пошлютъ команду: когда она прійдетъ и поляки увидятъ, что по немалочисленности и неоплошности они истребить ее или перемашить къ себѣ не смогутъ, то все затихнетъ такъ, что нечего тамъ дѣлать командѣ; а въ тоже время возмутятся жители на довольно далекомъ разстояніи отъ этой команды. Конечно, команда пойдетъ туда, гдѣ мятежъ,—оставя всегда часть то больными, то отсталыми; тамъ повторится таже продѣлка—для того, чтобы маршами и контр-маршами изнурить наши войска, разрознить ихъ, тѣмъ ослабить всѣ и каждую часть, и тогда разомъ уничтожить по клочкамъ. Удобство комплектованія и подложность возстанія и наши неудобства въ этомъ отношеніи очень ясно опредѣлены въ воззваніи № 1.

Команды воинскія не могутъ двигаться иначе, какъ имѣя ночлеги и постой у обывателей, вовсе еще не возмутившихся. Тяжесть постойной и подводной повинностей особенно весною въ рабочее время, трудность продовольствія, увеличенныя неимѣніемъ запасовъ въ сельскихъ магазинахъ и всевозможною распродажею хлѣба за границу и аферистамъ евреямъ,—всѣ эти обстоятельства будутъ употреблены для того, чтобы возбуждать остальной народъ, утомленный повинностями, и вселять въ него, если не открытый бунтъ, то, какъ приступъ къ нему, побольше ненависти къ русскимъ.

Мы разсчитываемъ между прочимъ на Варшавскую желѣзную дорогу, какъ на важное пособіе во всѣхъ отношеніяхъ; а многіе вѣрные люди говорили, что она считается

въ рукахъ французовъ, но что очень многіе изъ служащихъ на ней только носятъ фамиліи французскія, а они—поляки и сыновья эмигрантовъ, живущихъ во Франціи, и только ждутъ момента, когда, вмѣсто помощи, сдѣлаютъ невозвратимый вредъ. На это надо обратить особое вниманіе.

Имѣя все это въ виду, прежде всего, надо, соображая весь рядъ послѣдствій для Россіи, для ея западныхъ областей, для ея западныхъ и юго—западныхъ границъ, рѣшить положительно, желаетъ ли правительство сохранить цѣлость и неприкосновенность этихъ границъ, зависящихъ отъ невозстановленія Польши, или допустить вновь независимое самостоятельное существованіе Царства Польскаго, и тогда, поневолѣ, отдать ему требуемыя имъ наши губерніи: а отдавъ губерніи, отдать въ нихъ и вѣру и все русское въ переплавъ на польскій ладъ. Если справедливо, что Россія, которую не узнаютъ другія націи въ ея новѣйшихъ проявленіяхъ нерѣшительности и какъ бы безсилія; если Россія, какъ увѣряютъ поляки, столько ослабѣла и матеріально, и духомъ, что не можетъ противостать стремленію силъ и духа Польши: разъ возникнувъ, какъ держава самостоятельная, не перестанетъ домогаться достиженія своихъ цѣлей, къ которымъ ведутъ ее вожди ея,—не перестанетъ стремиться къ тому и бунтами и оружіемъ, и союзами и извилистыми дипломатическими путями, пока не отторгнетъ алкаемыхъ ею областей, и тогда, сдѣлавшись государствомъ самостоятельнымъ и сильнымъ, постарается отмстить Россіи за столько лѣтъ подвластности; если дѣйствительно борьба Польши съ Россіей будетъ безконечна, и тѣмъ безконечнѣе, чѣмъ Польша больше усилится, если это будетъ, какъ поляки рѣшились, борьбою на смерть и до совершенной политической смерти одной изъ нихъ, потому что Польша поклялась ничего и никого не щадить на пути къ своей государственной самостоятельности и въ этомъ до сихъ поръ выказываетъ гораздо болѣе постоянства и настойчивой энергіи, нежели мы въ недопущеніи ее до этого и въ защитѣ своихъ правъ; ежели мы видимъ, что слабѣйшіе южно-американскіе штаты чуть не одолѣли сѣверъ не многочисленностію, а энергію и умными военными и диктаторскими распоряженіями,—то мы

должны, говорю я, не медлить болѣе, чтобъ не навлечь на себя упрека, дѣлаемаго сѣвернымъ штатамъ, должны прежде обсудить все это, сообразить основательно: подъ силу-ль намъ борьба; довольно ль у насъ на то всѣхъ необходимыхъ средствъ и денегъ; и потомъ рѣшить: Россія отдастъ ли Польшѣ 9 областей и болѣе того—все, что поляки требуютъ?... или ни за что не сдѣлать этой уступки, ни за что—я повторяю; и взвѣсивъ основательно всѣ соображенія, сама въ свою очередь рѣшится на усилія необыкновенныя, но необходимыя,—чтобы разомъ подавить все мятежное, всякую попытку возстанія и черезъ это хоть на ¼ столѣтія опять быть покойною, и въ это время дѣйствовать хотя снисходительно, но тверже и рѣшительнѣе прежняго: дѣйствовать больше въ пользу русской народности и русской вѣры,—до той поры, когда эта народность и вѣра смогутъ ужиться съ вѣрою и народностью поляковъ,—на основаніяхъ, не уничтожающихъ Россіи.

Все здѣсь теперь въ недоумѣніи, не могутъ постигнуть цѣли Россіи. Поляки сбросили всякую маску. Они не хотятъ имѣть надъ собою власти русской: не хотятъ этого твердо и рѣшительно; и каждый шагъ ихъ—есть шагъ впередъ: ксендзы не молятся больше за царя русскаго: польскій народъ молитъ Бога объ уничтоженіи насъ, враговъ его; молитъ, чтобы Богъ покаралъ не только насъ всѣхъ, изображающихъ мечъ въ рукахъ Царя, но и руку держащую и направляющую этотъ мечъ (¹). Они не чуждые волненій молодежи, проявляющихся въ сердцѣ Россіи, заготовятъ кадры, оружіе и порохъ; они готовятъ общее поголовное возстаніе, и не скрываютъ этого въ принципѣ, а только до поры, до времени скрываютъ всѣ свои матеріальныя средства. И когда все это созрѣетъ и будетъ готово, особенно же, когда они увидятъ, что имъ можно сочетать—свое возстаніе съ возстаніемъ Венгріи и другихъ славянскихъ племенъ,—тогда разомъ, какъ одинъ исполинъ, подымутся они и постараются, обрушившись на русскихъ, разсѣянныхъ здѣсь кое-гдѣ, изолированныхъ, слабыхъ, задушить и уничтожить ихъ.

(¹) Въ приложеніяхъ.

Что же мы дѣлаемъ? Сколько извѣстно (говорю „сколько извѣстно“ потому, что многое намъ здѣсь неизвѣстно), всѣ дѣйствія наши вялы, не дружны и болѣе всего направлены къ послабленіямъ, къ допущеніямъ оскорбленія нашего имени, нашей власти, нашихъ войскъ, нашего Царя, словомъ къ ниспроверженію всего русскаго[1]).

Общіе слухи здѣсь безпрерывно и постоянно ходятъ: Горчаковымъ и Коцебу были недовольны будто за строгость ихъ; Сухозанета замѣнили Ламбертомъ будто потому, что Сухозанетъ сталъ слишкомъ строгъ; Ламберъ смѣненъ будто за то, что осмѣлился прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости; Гиршенцвейгъ будто поплатился жизнію за твердое направленіе имъ принятое.

Опроверженій мы не видимъ, не знаемъ, только говорятъ, что изъ Варшавы позволено выѣзжать всѣмъ русскимъ семействамъ и даютъ имъ прогоны на переѣздъ ихъ на родину. А поляки говорятъ, что никакія льготы и милости русскаго правительства не заставятъ ихъ отступить отъ окончательнаго ихъ намѣренія: „выгнать русскихъ“ и объявить „да будетъ Польша!“ Даже при неудачѣ, если они будутъ подавлены и въ этотъ разъ, они засчитаютъ это возстаніе испытаніемъ, до какой степени дошелъ ихъ духъ единства и независимости, и эту неудачу признаютъ этапомъ на пути впередъ къ вольности и независимости, воззваніе № 1.

Ежели мы имѣемъ въ виду уступить и отступить, то надо и отсюда доволить заранѣе выбраться семействамъ русскимъ, чтобы не оставить ихъ на жертву буйнаго народа, бѣшеныхъ гимназистовъ и нелстовыхъ канцелярскихъ служителей.

Ежели пора выйти изъ бездѣйствія, если правительство, наконецъ, разрѣшитъ общее недоумѣніе и захочетъ подавить возстаніе и не дать отторгнуться своимъ областямъ, отторженіе которыхъ останется не безъ вліянія и на югъ, то я полагаю не безполезнымъ, въ обсужденіи общихъ мѣръ, —

---

[1]) Писано въ послѣднихъ числахъ октября 1861 г.

указать на слѣдующія средства противудѣйствія, которыми не должно медлить, а дѣйствовать быстро и энергически, потому что теперь мы здѣсь дошли до такого положенія, что всякая проволочка и полумѣра могутъ быть опасны.

1) Если возможно, то объявить окончаніе срока для полнаго освобожденія крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, не ожидая двухъ лѣтъ; если же, по общимъ государственнымъ соображеніямъ, такой мѣры для однѣхъ западныхъ губерній допустить было бы нельзя,—то не признано-ли будетъ возможнымъ объявить, что русское правительство, не замѣтившее неблагонамѣренныя дѣйствія, колонящіяся къ мятежу помѣщиковъ поляковъ, даруетъ крестьянамъ землю въ надѣлъ имъ назначенную, безъ обязанностей выкупить ее отъ помѣщиковъ; а правительство само выкупитъ, уплачивая помѣщикамъ выпускомъ 5-и или хотя 6-и процентныхъ облигацій, съ зачетомъ въ уплату, долговъ этихъ помѣщиковъ Опекунскому Совѣту. При такой мѣрѣ, доплата правительства помѣщикамъ будетъ очень не велика, а помѣщики еще многіе останутся въ долгу у Совѣта. Наконецъ, если бы эту мысль нашли неудобною, то придумать другую мѣру, достигающую еще лучше этой же цѣли[1]), но главное дѣйствовать безотлагательно и, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Такая мѣра можетъ имѣть слѣдующій результатъ: крестьяне поймутъ явно, что они дѣлаются собственниками по милости русскаго правительства, а не по милости своихъ помѣщиковъ поляковъ, слѣдовательно вопреки полякамъ и ихъ цѣлямъ. Тогда они выйдутъ совершенно изъ подъ зависимости,—а всѣ помѣщики и посредники теперь только къ тому и стремятся, чтобы усвоить себѣ какъ можно больше власти и правъ, по закону русскому, а потомъ обѣщаніями постепенныхъ льготъ—привлекать къ себѣ и удерживать крестьянъ на своей сторонѣ антагонистами правительства. При этомъ должны уничтожить всѣ притязанія на долги крестьянъ помѣщикамъ; долги, давно оплаченные ихъ

---

[1]) Наприм: выкупъ земли отъ правительства, уплачивая помѣщикамъ не капиталъ по слишкомъ возвышенной ими оцѣнкѣ земли, а только % съ погашеніемъ въ теченіи опредѣленнаго срока

трудомъ, возведенные большею частью произвольно и съ одной цѣлью—имѣть въ своихъ рукахъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ крестьянъ помѣщичьихъ въ отношеніи ихъ податей и проч. должно непремѣнно и безотлагательно сравнить съ крестьянами государственными, чтобы не было между ними разницы и предмета для невыгодныхъ сравненій, а слѣдовательно для ропота.

2) Не только предоставить начальнику губерніи смѣнять неблагонадежныхъ чиновниковъ (потому что смѣнивъ, онъ часто не имѣетъ кѣмъ замѣнить ихъ), но изъ Россіи прислать сюда предсѣдателей палатъ и ихъ товарищей, въ особенности губернскаго прокурора, преимущественно изъ окончившихъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, и въ лицеяхъ, изъ извѣстныхъ своимъ безкорыстіемъ; (а то здѣсь изъ устъ въ уста ходитъ самая непріятная польская пѣсня о томъ, какъ москаль прибылъ изъ Москвіи голъ, какъ соколъ, а здѣсь крючкотворствомъ и разными мерзостями нажился и застрахованъ отъ всякаго преслѣдованія). Не представится ли возможнымъ изъ оставшихся за штатомъ благонадежнѣйшихъ чиновниковъ, по ходатайству начальника губерніи о замѣнѣ увольняемыхъ, опредѣлять русскихъ, хорошо образованныхъ, опытныхъ, извѣстныхъ честными правилами, которые не дали бы полякамъ права позорить имя русскаго чиновника. Лучше назначать изъ женатыхъ и семейныхъ: они не легко подпадаютъ подъ вліяніе полекъ, не женятся на нихъ, а при удачномъ выборѣ, могутъ составлять въ губернскомъ городѣ русское общество, котораго здѣсь не бывало. Въ этомъ обществѣ явится русская молодежь, жизнь ея станетъ облагороженнѣе, разумнѣе, не ополяченная; общество будетъ свое, которое разольетъ чистый русскій элементъ и свое вліяніе; имъ будутъ дорожить; поляки станутъ заискивать въ немъ, а не кичиться полячествомъ и пренебрегать русскими, какъ теперь.

Въ канцелярію губернатора прислать, по представленію его, хотя нѣсколькихъ молодыхъ людей, окончившихъ съ отличіемъ курсъ наукъ въ Казанскомъ или Харьковскомъ университетахъ, гдѣ студенты слишкомъ поддавались вліянію товарищей поляковъ, именно туда посланныхъ не для

ученія, а для увлеченія ихъ, и дѣйствующихъ по программѣ давно имъ данной, обдуманной здѣсь, и въ Польшѣ, и въ Парижѣ ихъ отцами.

3) Обратить усиленное вниманіе на духовенство здѣшнее, на воспитаніе ихъ дѣтей; устроить женское для нихъ училище въ губернскомъ городѣ. Семинарію преобразовать безотлагательно и обдумать мѣры касательно уменьшенія вреда отъ касты пономарей и дьячковъ. Уменьшить число излишнихъ мелкихъ приходовъ, увеличивъ ихъ и тѣмъ сдѣлавъ самостоятельнѣе, и черезъ то облегчить содержаніе церквей и духовенства для государства и для крестьянъ. При томъ всѣхъ неблагонадежныхъ и дряхлыхъ священниковъ, особенно изъ уніатовъ или такъ называемыхъ воссоединенныхъ, отчислить за штатъ съ пожизненною пенсіею. Не смотря на заботливое, просвѣщенное и благонамѣренное управленіе пр. Михаила, онъ и не властенъ и не въ силахъ преодолѣть многія затрудненія, сдѣлать для Россіи больше ея правительства.

Между тѣмъ было бы полезно: священникамъ приложить побольше старанія о поддержаніи всего русскаго, вѣры нашей и правительства; разослать имъ по нѣсколько образцовыхъ, дѣльно составленныхъ, не пошлыхъ (высокопарныхъ, но не понятныхъ) и не пустословныхъ проповѣдей. Въ этихъ проповѣдяхъ должны быть ярко выставлены выгоды, всегда дарованныя народу русскимъ правительствомъ; искони бытность здѣсь вѣры и власти русской; древняя преданность предковъ ихъ этой вѣрѣ и жестокія преслѣдованія католиковъ поляковъ и мученичества предковъ за вѣру русскую;—все это въ сравненіи притѣсненій и угнетеній отъ Польши и пановъ ея даже до сего дня съ заботливой попечительностію и отеческой любовію къ нимъ Россіи и русскаго правительства.

Проповѣди эти читать почаще, сближаться съ народомъ, поучать его любви и привязанности къ Россіи. Словомъ, дѣйствовать духовенству сходно съ его назначеніемъ, чтобы оно назидало, просвѣщало и утверждало въ вѣрѣ свою паству. Но и въ этой мѣрѣ необходима безотлагательность.

4) Принять мѣры дѣйствительныя, чтобы пополненіе сельскихъ запасныхъ магазиновъ для продовольствія народнаго было произведено не пустою перепиской[1]) ни къ чему не ведущею, и не деньгами, а всенепремѣнно зерномъ, въ натурѣ и въ кратчайшій срокъ; допустивъ самыя строжайшія взысканія и понужденія къ безотлагательному и непремѣнному пополненію; не принимая пустыхъ отговорокъ ни отъ общества, ни отъ помѣщиковъ; потому что отговорками и перепиской будутъ сыты только развѣ становые и другія подобныя чиновничьи піявки, а не народъ и не войско, когда встрѣтится крайняя надобность въ зерновыхъ запасахъ. Теперь въ иныхъ магазинахъ хлѣбъ разобранъ до зерна.

5) Сто человѣкъ благоустроенной полиціи гораздо больше сдѣлаютъ, будутъ гораздо полезнѣе для истиннаго внутренняго порядка, для недопущенія жителей до волненій,— особенно въ городахъ, нежели тысячи войска, присланнаго для усмиренія волненій уже возникшихъ.

Каковъ же составъ русской полиціи вообще, а Минской въ особенности,—всякому извѣстно. Въ губернскихъ городахъ эта машина должна быть и благоустроеннѣе. Для этого было бы полезно: жандармскую здѣшнюю команду всего въ числѣ 22-хъ человѣкъ тотчасъ обратить въ полицейскіе городскіе служители; соотвѣтствующее число дряни[2])—выкинуть изъ полиціи, и если возможно—остальную всю городскую полицію также замѣнить и улучшить жандармами, которыхъ выслать изъ Россіи. Жандармы выбираются изъ лучшихъ людей, но отъ бездѣйствія здѣсь и праздности часто распиваются и портятся. Ихъ служба обыкновенная, ежедневная, въ провинціяхъ болѣе, чѣмъ ничтожна; сущность же этой службы вообще не такъ мудрена, чтобы новобранцы изъ хорошихъ солдатъ не могли тотчасъ же исполнить ее въ точности и вполнѣ хорошо; отъ полицейскаго служителя требуется гораздо больше; и жандармы, народъ

---

[1]) Потомъ былъ слухъ, будто запасы хлѣба начали пополнять.

[2]) Съ грыжами, калѣкъ, падучихъ и т. подобныхъ.

обдержанный, нѣсколько ознакомленный и подготовленный къ полицейскому дѣлу, большею частью благонадежный, честный и (распорядительный) расторопный, считавшійся на высшей полицейской ступени, но не свыкшійся съ унизительными замашками мелкихъ полицейскихъ челядинцевъ, —жандармы[1]) будутъ лучшимъ комплектованіемъ нашей полиціи, сами въ свою очередь легко комплектуясь людьми, выборными изъ лучшихъ въ нашей кавалеріи.

Только жалованье и содержаніе, ими теперь получаемое, должно быть еще возвышено, или, по крайней мѣрѣ отнюдь не уменьшено; иначе мы впадемъ въ общепризнанную ошибку, и самихъ жандармовъ испортимъ: для необходимаго обезпеченія ихъ нуждъ и существованія, брать взятки, —слѣдовательно обманывать правительство и вредить обществу, покровительствуя негодяямъ, которые всегда платятъ больше и чаще, нежели честные люди. Вмѣстѣ съ тѣмъ полезно бы полиціймейстра и частныхъ приставовъ, да и нѣкоторыхъ квартальныхъ, замѣнить опытными благонадежной честности и расторопными людьми изъ русскихъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ полисменовъ могли бы быть очень хороши въ Россіи.

Если же ихъ перевесть въ отдаленные города, то все надо наблюдать, чтобы въ городской полиціи не были главными лицами поляки, иначе все русское тамъ будетъ страдать. Вообще же при переводахъ, и назначеніяхъ сюда изъ Россіи, и для большаго порядка, было бы особенно полезно (хотя бы даже какъ исключительною мѣрой) дать всѣмъ полицейскимъ чинамъ содержаніе достаточное, и тогда установить строжайшую ихъ отвѣтственность за взятки и неправосудіе. Если потребность въ исправной и обезпеченной облагороженной полиціи чувствуется во всей Россіи, то тѣмъ больше она теперь крайне необходима здѣсь.

Если судебнымъ слѣдователямъ, которые идутъ по слѣдамъ полицейскихъ чиновъ и отъ нихъ получаютъ работу, дается содержаніе обезпеченное, то справедливость требуетъ

---

1) Изъ русскихъ, православныхъ, не женатыхъ на польках.

ПУБЛ. БИБЛ. СССР

не обижать въ этомъ отношеніи полицейскихъ, на плечахъ которыхъ опирается весь внутренній порядокъ и спокойствіе края.

При томъ содержаніе городской полиціи должно уплачивать исправнѣе, не по мѣрѣ накопленія городскихъ доходовъ; а также въ опредѣленные и точно соблюдаемые сроки, какъ выдается вообще казенное жалованье.

6) Кстати при этомъ сказать, что судебные слѣдователи бываютъ назначаемы плохіе, иногда по родству съ исправниками и другими лицами. Слѣдовало бы заняться этимъ дѣломъ посерьезнѣе, и при томъ избавить ихъ отъ лишней инстанціи уѣзднаго суда, въ которомъ по самому составу его чрезъ это бываетъ только накопленіе и застой дѣлъ; не лучше ли-бы подчинить ихъ прямо уголовной палатѣ,— судебный слѣдователь былъ бы тогда въ вѣдомствѣ прямомъ и однородномъ ближайшаго судебнаго мѣста, и дѣла, имъ произведенныя, не залеживались бы напрасно.

7) Въ Пинскъ, Новогрудокъ, Слуцкъ и Мозырь, гдѣ вся полиція и всѣ чиновники антагонисты правительства и гдѣ по планамъ поляковъ ожидать надо первыхъ вспышекъ возстанія, полезно назначать, или изъ тамошнихъ русскихъ порядочныхъ людей, знакомыхъ съ обществами, и чьи интересы противуположные интересамъ польскимъ, выбрать или пригласить агентовъ (смотря по ихъ личности и обстановкѣ), которые должны быть въ непосредственномъ распоряженіи губернатора и получать тайное пособіе, значительное, если бы они были изъ числа бѣдныхъ. Ежели бы выискался изъ нихъ негодяй,—то онъ можетъ только бездѣйствовать и молчать, а предать правительство не можетъ. И его легко замѣнить другимъ; и можно имѣть ихъ нѣсколько. Теперь агенты у губернаторовъ—евреи, изъ самыхъ незначительныхъ. Они дальше передней и кабака—никуда не вхожи, ничего доселѣ путнаго не доставили, да едва ли и могутъ доставить, развѣ какъ нибудь совершенно случайно: они почти всегда говорятъ вздоры бездоказательные и всегда идутъ по двумъ путямъ—служа и нашимъ и вашимъ.

Особенное обратить вниманіе на гимназіи Минскую и Слуцкую. Это разсадники революціонеровъ. Въ послѣднее время, надзоръ за ними дѣйствовалъ по ихъ требованіямъ и указаніямъ, которыя внушены родителями ихъ. (Тутъ видна сила и вліяніе воззванія № 1, И какъ нарочно во все это время ни одинъ директоръ не былъ истинно русскимъ самостоятельнымъ; а все шло, какъ во многихъ управленіяхъ нашихъ,—спустя рукава. (Вездѣ въ Россіи всѣ кричали: „куда мы идемъ?!" „что изъ этого будетъ?!" Всѣ, кажется, только умѣли все осуждать, но никто не давалъ себѣ труда остановить идущихъ по дурному пути, направить на путь лучшій, сказать мысль дѣльную, практическую. Въ воздухѣ было (говорили) несчастное направленіе все разрушать, ничего не исправляя и не создавая). Другія гимназіи здѣсь, кажется, не лучше двухъ упомянутыхъ; а особенно въ Пинскѣ.

Занесенный внутрь Россіи польскій элементъ подѣйствовалъ вредно на юные умы и разстроилъ ихъ доброе прежнее русское чувство любви къ отечеству. Безвреднѣе было бы всю польскую молодежь обратить для образованія въ Польшу и затруднить имъ доступъ въ университеты русскіе, въ которыхъ составъ и направленіе преподавателей должно съ вниманіемъ повѣрить.

9) Ежели получающіе пенсіоны отъ русскаго правительства будутъ участвовать въ намѣреніяхъ или заговорахъ мятежныхъ, губернатору дать не только право, а обязанность предложеніемъ прямо тѣмъ мѣстамъ, откуда они получаютъ пенсію, пріостановить ее. Такая мѣра, послѣ одного, двухъ удачныхъ, сдѣланныхъ гласными, примѣровъ остановитъ многихъ.

10) Еще больше могло бы воздержать желающихъ дѣлать смуты, если бы недовольныхъ нашимъ правительствомъ, осуждающихъ его, желающихъ возстановить прекрасный порядокъ древнепольскаго управленія—немедленно высылать цѣлыми семействами, или во всякомъ случаѣ мужьевъ съ женами, прямо въ Царство Польское, въ одинъ изъ отдаленныхъ воеводствъ его, (кромѣ Вавшавскаго). Имѣнія ихъ передавать ближайшимъ наслѣдникамъ, какъ послѣ умер-

шихъ или лишенныхъ права владѣнія. Ежели наслѣдниковъ не будетъ, то имѣнія эти обращать въ государственныя. Можно быть увѣреннымъ, что по крайней мѣрѣ половина заговорщиковъ самыхъ вліятельныхъ и богатыхъ отпадутъ отъ заговоровъ и будутъ смирно и тихо жить и своихъ дѣтей и родню удерживать отъ смутъ.

Недовольные русскимъ правительсткомъ и желающіе отвѣдать благо Польши, пусть удовлетворятъ своему желанію, свершивъ переѣздъ въ обѣтованную землю даже на казенный счетъ; но безвозвратно. Если бы, сытые этими благами, они стали просить о возвращеніи ихъ,—должно ихъ возвращать на Амуръ, а не сюда, гдѣ имъ жилось спокойно. Вѣрьте, что возвращенные поляки, болѣе озлобленно и хитро, и скрытно, и съ большею опытностью, дѣйствуютъ противъ Россіи, послѣ возвращенія ихъ, чѣмъ до него.

Издержка перевозки на Амуръ (въ предѣлахъ Сибири по этапамъ) вознаградится частію конфискованными имѣніями, а частію уменьшеніемъ тѣхъ издержекъ, которыя несетъ государство на усмиреніе волненій, зарождаемыхъ, поддерживаемыхъ этими людьми.

Жена безъ вѣдома мужа, вопреки его волѣ и правилъ, не должна дѣйствовать. Если мужъ колпакъ и подъ башмакомъ у жены возмутительницы,—онъ долженъ подвергнуться и послѣдствіямъ участи, постигающей бунтовщика. Теперь здѣсь женщины, которымъ польстили воззваніями, идутъ впереди мужчинъ, тащутъ съ собою дѣтей, разсчитывая, что бѣдныхъ дѣтей и женщинъ наказывать, разгонять—варварство... Но если у этихъ нѣжныхъ женщинъ самыя кровожадныя намѣренія, то слабость и нѣжность такихъ существъ не должна же, для блага государственнаго, избавлять ихъ отъ всякаго обузданія. Сколько черезъ нихъ, сколько русскихъ женъ и дѣтей пострадаютъ и осиротѣютъ, и тѣмъ составятъ не легкое бремя для правительства!

Казалось бы: вотъ обузданіе самое не варварское: барыню бунтовщицу преучтиво пригласятъ ѣхать въ образцовую страну, предметъ ихъ желаній и мятежа; посадятъ въ экипажъ и повезутъ хоть на казенный счетъ, обыскавъ очень вѣжливо, чтобы русскія деньги не отягчали и не скверни-

ли польскихъ кармановъ. Съ нею отправляется непремѣнно и супругъ,—(развѣ онъ самъ будетъ заранѣе просить объ отсылкѣ такой супруги, заявивъ оффиціально, что онъ не раздѣляетъ ни ея поступковъ, ни отвѣтственности за нихъ). Изъ дѣтей участники движенія или заговора, хотя бы и малолѣтки, отсылаются тоже въ Польшу, или на Амуръ, вмѣстѣ съ родителями, а не участвующіе—подчиняются закону о дѣтяхъ осиротѣвшихъ.

Эта круговая порука не безполезна. Она удерживаетъ цѣлыя массы отъ участія въ политическихъ смутахъ. Взятые изъ среды волненій вожаки, подстрекатели, жаркіе участники и особенно участницы[1])—готчасъ обезсилятъ враждебный лагерь; имѣнія ихъ не будутъ налишними для казны, кредитъ, который возвысится и моральною и матеріальною силой; Польша не порадуется такимъ находкамъ; а край Пріамурскій пріобрѣтетъ усиленіе народонаселенія, изъ очень опаснаго и вреднаго сдѣлавшагося, если не совершенно полезнымъ, то безвреднымъ.

11) Запретить немедленно, и строго запретить, подъ опасеніемъ взысканія по полевымъ уголовнымъ законамъ, сборъ денегъ на возстаніе за отчизну и особенно вывозъ ихъ за границу. На тѣхъ же основаніяхъ запретить вывозъ хлѣба за границу, также лошадей, овецъ и рогатаго скота[2]).

Мировыхъ посредниковъ, если они будутъ заподозрѣны въ отсылкѣ жалованья, лишать онаго; а еще лучше: съ большею разборчивостью назначать всѣхъ посредниковъ отъ правительства до той поры, пока все здѣсь прійдетъ въ стройный порядокъ и тишину.

Если кто докажетъ сборъ и вывозъ денегъ, укажетъ средства къ поимкѣ, онъ получаетъ въ награду отъ 1/3 до 1/2 всей пойманной суммы по усмотрѣнію губернатора.

---

1) У всѣхъ бывшихъ обысканныхъ найдена молитва къ сердцу Іисуса. Выдвинуты женщины на первый планъ, дѣйствіе черезъ нихъ и распространеніе этой молитвы, такъ и пахнутъ участіемъ послѣдователей Лойолы, этихъ жаркихъ друзей Россіи.

2) ...до возстановленія совершеннаго порядка въ Царствѣ Польскомъ

12) Сегодня 21 октября. Губернаторъ говоритъ мнѣ: „ежели не будутъ выполнены мои представленія, мною для него написанныя, то я современемъ ихъ повторю; а весною попрошу 2 полка казаковъ; иначе можно быть увѣреннымъ, что одни гимназисты опрокинутъ и уничтожатъ здѣсь руское правительство“[1])

Войска двигаются медленно; ежели весною требовать войско, когда-жъ оно придетъ, слѣдуя даже форсированными маршами, истомясь, измучась? Весною въ Россія движеніе войскъ тяжелое, то гроза и ростали черезъ разливы рѣкъ и при полевыхъ работахъ (подводная повинность). Зимою и лѣтомъ лучше всего двигать войска.

Ежели Венгрія и другія славянскія племена съ Польшею одновременно возстанутъ, какъ надѣются поляки, то весною передвиженіе войскъ будетъ медленно и затруднительно, и не поспѣетъ во-время для предупрежденія непріятеля,—что всегда важнѣе, чѣмъ приходъ хоть минутой позже событія, свершившагося невозвратно.

Слѣдовательно передвиженіе войскъ надо сдѣлать заблаговременно. Двухъ полковъ для подавленія мало. Чѣмъ больше будетъ здѣсь казаковъ, тѣмъ лучше; а на Дону въ то же время можетъ быть придется имѣть регулярныя войска.

Въ Литвѣ и вблизи могутъ понадобиться 2 корпуса. При этомъ необходимо:

а) Перебрать составъ войскъ, идущихъ въ Литву; всѣхъ поляковъ-католиковъ, какъ можно раздробительнѣйшими частичками перевесть въ разныя части войскъ дальнихъ русскихъ, и имѣть за ними зоркое наблюденіе. Фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ, вахмистровъ, каптенаріусовъ, писарей, трубачей, барабанщиковъ, горнистовъ и офицеровъ-поляковъ (даже до денщиковъ)[2]) опасно теперь имѣть въ вой-

---

[1]) Въ нѣсколько дней обстоятельства такъ пошли впередъ, что 24 октября онъ уже долженъ былъ сдѣлать объ этомъ оффиціальное представленіе.

[2]) И въ кавалеріи, особенно, въ артиллеріи также имѣть это въ виду для провіантскаго и коммисаріатскаго вѣдомствъ. Вмѣсто ихъ выслать изъ Россіи русскихъ опытныхъ и надежныхъ.

скахъ, дѣйствующихъ въ Польшѣ. Въ 1831 году былъ другой духъ у поляковъ; а теперь это гораздо опаснѣе. Командиры же частей, (ротные, баталіонные) полковые должны быть испытанной благонадежности и преданности. Нѣкоторые ополячившіеся татары тоже очень опасны.

б) Озаботиться, чтобы тяжесть продовольствія не падала на невинныхъ и бѣдныхъ православныхъ крестьянъ. Даже теперь войска расквартированы у крестьянъ, для которыхъ они не подпорье, а тягость.

Помѣщики же, черезъ смуты которыхъ должно было ввести эти войска, не дали даже ни одной офицерской квартиры. Сколько возможно надо облегчить постойную повинность для крестьянъ и обратить вниманіе на улучшеніе продовольствія войскъ не бѣдными средствами крестьянина, —а средствами правительства, которыя бы служили въ пользу и солдатамъ и крестьянамъ.

Помѣщики, шляхта, горожане—вотъ виновные въ настоящемъ положеніи дѣла; они и должны испытывать всю тягость военныхъ обстоятельствъ, повинностей и налоговъ.

в) Назначить сюда поболѣе стрѣльковыхъ баталіоновъ съ лучшими штуцерами, чтобы они могли съ выгодою стать противъ штуцеровъ, заказанныхъ поляками во Франціи (у Дервилля) и въ Англіи (которыми Кланка очень доволенъ).

13) Поляки имѣли сношенія съ Турціею.[1]) Они надѣялись, что масса татаръ, вышедшихъ изъ Крыма вмѣстѣ съ польскими выходцами, образовавшими, какъ слышно, въ Турціи родъ военныхъ поселеній, бросятся на Крымъ, чтобы отвоевать его, если не для Польши, то хоть для Молдавіи и Валахіи, сдѣлавъ Одессу ихъ столицею. „Пусть эта идея и покажется инымъ нелѣпою“, (говорили поляки на своихъ совѣщаніяхъ), „да вѣдь дѣло въ томъ, что ежели теперь въ одно и тоже время татары хоть сдѣлаютъ высадку на Крымъ, а Донцы зашевелятся на Дону, а Украина и Западныя области начнутъ съ своей стороны условное возмущеніе, да

---

1) Недавно поляки здѣсь начали много толковать о скандинавской лигѣ объ отторженіи Финляндіи, и проч.

и внутри Московіи проявятся много смутъ и попытокъ мятежныхъ, противъ нынѣшней династіи, то Россія должна будетъ кидаться во всѣ стороны и не въ состояніи будетъ помѣшать провозглашенію Царства Польскаго. А мы пока оттуда выгонимъ русскихъ и сами укрѣпимся. Пусть потомъ Россія казнитъ своихъ дураковъ или прогоняетъ стада барановъ—татаръ; лишь бы намъ во время этихъ смутъ устроить свое дѣло"... (явно, что они хотятъ воду возмутить и въ мутной водѣ рыбу ловить)...

Но ежели бы и впрямь нападеніе татаръ, волненіе казаковъ и Украины—была одна химера, то все же это должно служить намъ указаніемъ, что мы и при южныхъ нашихъ границахъ должны быть не безъ войскъ, и на внутреннія губерніи быть не безъ оглядки... не ровенъ часъ.

14) Поляки больше всего боятся военнаго положенія, потому что оно больше всего можетъ мѣшать имъ въ проявленіяхъ и развитіяхъ мятежа и всеобщаго возстанія. Военное положеніе требуетъ прибытія достаточнаго числа войскъ и военнаго начальника. Въ Россіи въ мирныхъ губерніяхъ, во многихъ мѣстахъ есть военные губернаторы, управляющіе гражданскою частію; такая мѣра болѣе чѣмъ необходима теперь здѣсь. Если правительство будетъ имѣть въ виду одномѣрность и удобство управленія, оно вѣроятно учредитъ еще хоть одно генералъ-губернаторство, назначая въ это званіе лучшаго изъ людей способныхъ, дѣльныхъ, твердыхъ. Военный генералъ-губернаторъ (напр. м.: Виленскій, Витебскій, Могилевскій и Минскій) будетъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ министрами и другими военными генералъ-губернаторами (Кіевскимъ, Волынскимъ, Подольскимъ) и конечно всѣ мѣропріятія могутъ быть быстрѣе и одинаковѣе. Если же такого генералъ-губернаторства не желаютъ учредить, то во всякомъ случаѣ теперь необходимы здѣсь военные губернаторы, управляющіе гражданскою частію.

Но такая мѣра должна быть принята немедленно, чтобы люди успѣли осмотрѣться хоть за зиму, пораазузнать все, что имъ знать необходимо въ этой многосложной машинѣ управленія, въ которой часто много колесъ дурно идутъ и скрипятъ и криво, и косо, и кое-какъ вращаются, цѣпляют-

ся, останавливаются—отъ того, между прочимъ, что нерѣдко въ губернаторы назначали людей малоопытныхъ, мало способныхъ, ни по воспитанію, ни по предшествовавшимъ занятіямъ и службѣ не подготовленныхъ къ такому важному многосложному управленію, требующему многосторонныхъ и опытныхъ познаній. По всей Россіи шелъ общій говоръ, что одного имени съ титуломъ, или только родственныхъ связей и представительности еще не довольно для такого назначенія; что не было бы въ Россіи многихъ и многихъ неурядицъ, если бы губернаторы были люди дѣльные, добросовѣстные, трудолюбивые, опытные, подготовленные къ этому назначенію; такихъ у насъ до сихъ поръ немного.

Нельзя понять причинъ, почему издавна не назначали въ эти губерніи военныхъ губернаторовъ управляющихъ гражданскою частью. Допустимъ совершенно охотно, что вообще всѣ гражданскіе губернаторы въ западныхъ губерніяхъ были способны, честны, дѣятельны и полезны:—эти свойства ихъ не уменьшились бы при переводѣ ихъ въ другія губерніи,—Остзейскія или чисто русскія, и тамъ это не было бы излишнимъ; а сюда можно было бы перевести изъ числа военныхъ губернаторовъ такихъ, которые уже выказали себя способными и дѣльными; но при такомъ назначеніи вмѣсто двухъ въ каждой губерніи (какъ опредѣляетъ указъ) будетъ одинъ начальникъ,—что не только въ политическомъ и административномъ, да и въ экономическомъ отношеніи выгоднѣе. Надо только имѣть дѣльныхъ вице-губернаторовъ, для наблюденія за сохраненіемъ гражданскихъ формальностей, изъ которыхъ иныя поставлены въ краеугольный камень разныхъ распорядковъ.

Два губернатора въ одной губерніи уживутся ль? Два начальника ведутъ къ безначалію. Столкновеній, споровъ, неудовольствій—не оберетесь. Два друга самыхъ задушевныхъ, два брата разсорятся очень скоро, развѣ одинъ изъ нихъ будетъ самая пошлая и ничтожная личность, а такихъ здѣсь, да и нигдѣ, не надо бы имѣть въ службѣ. Нигдѣ такъ скоро не сумѣютъ поссорить, какъ здѣсь. Начиная хоть съ отвода квартиры, хоть съ распоряженій полицейскими личностями и проч. и проч. все даетъ пищу ссорить ихъ;

и здѣсь всѣ найдутъ свои выгоды въ раздорѣ русскихъ властей. Одна Россія пострадаетъ. Другое дѣло—назначеніе генералъ-губернатора*) съ властію, довѣріемъ и денежными средствами... Тогда быть можетъ и обошлось бы безъ военныхъ губернаторовъ; а иначе трудно и даже опасно. Въ экстренныхъ случаяхъ необходимы и мѣры экстренныя.

15) Еще здѣсь надо сказать и о томъ, что до сихъ поръ у насъ не принято извѣщать губернаторовъ по телеграфу о ходѣ дѣлъ самыхъ для государства важныхъ.

Во Франціи мы видимъ, что о результатѣ важныхъ выборовъ, даже о рѣшеніи главнѣйшихъ вопросовъ въ тотъ же вечеръ извѣщаютъ всѣхъ префекторовъ, чтобы всѣ знали, какъ дѣйствуетъ правительство и чего оно желаетъ, чѣмъ дорожитъ, чего не хочетъ, или не дозволяетъ; даже какъ дѣйствуетъ оппозиція. Здѣсь безпрерывно ходятъ самые противоположные и часто очень важные слухи... Губернаторъ ничего не знаетъ, справедливы ли они, и что изъ нихъ онъ долженъ опровергать; что поддерживать. Евреи, поляки здѣсь имѣютъ свою почту, условныя выраженія для телеграммъ, и знаютъ все очень быстро и вѣрно: а распускаютъ слухи для нихъ благопріятные, для насъ вредные; губернаторъ же послѣ всѣхъ узнаетъ о событіяхъ Варшавскихъ, Петербургскихъ, Московскихъ, Кіевскихъ и узнаетъ часто въ преувеличенномъ или преуменьшенномъ видѣ. Было бы очень полезно, чтобы по крайней мѣрѣ въ Западныхъ губерніяхъ губернаторы были немедленно извѣщаемы о событіяхъ Варшавскихъ и проч., обо всемъ, что знать имъ необходимо и полезно, объ общемъ ходѣ дѣлъ и правительственныхъ распоряженій. На это надо нѣсколько строкъ, нѣсколько рублей, а польза будетъ огромная.

Теперь даже православные крестьяне, кое гдѣ склоняемые на сторону мятежниковъ, начинаютъ пѣть гимнъ № 1, переведенный на простой литовскій крестьянскій языкъ.

Теперь всякая губернія по своему понимаетъ и крестьянскіе и другіе жизненные вопросы; тогда всѣ будутъ

---

*) Т. е. военнаго начальника, хотя бы и съ другимъ титуломъ.

дѣйствовать за одно, направляться къ одной цѣли. Теперь обстоятельства измѣняются безпрерывно: мятежныя проявленія растутъ съ каждымъ днемъ и потому надо безпрерывно давать общее указаніе и развязать руки. Губернаторамъ дѣйствовать строго, административнымъ, быстрымъ и энергическимъ порядкомъ—въ случаяхъ экстренныхъ и важныхъ.

16) Поляки теперь братаются съ евреями вовсе не по чувству любви къ нимъ: они ненавидятъ ихъ; а чтобы уменьшить число своихъ враговъ, уменьшить число людей, могущихъ стать на сторонѣ русскаго правительства и вредить имъ. Чтобы ихъ обезвредить для себя, да если можно, то и попользоваться ихъ финансовыми средствами и вліяніемъ, они проповѣдуютъ филантропическую любовь къ евреямъ и равноправіе этихъ новыхъ поляковъ Моисеева закона. Евреи пошли на удочку: они уже начали роптать громко на стѣсненія, ими испытываемыя въ Россіи, и восхищаться новою обѣтованною землею,—Польшею,—ихъ эль-дорадо.

Раввинъ Варшавскій подстрекаетъ ихъ своими прокламаціями. Можетъ быть, лучше было бы не имѣть вовсе евреевъ на нашей землѣ, потому что они до сихъ поръ существуютъ на несоединимыхъ съ нами началахъ, составляютъ народъ въ народѣ, имѣютъ свои законы, свою полицію; но если они у насъ уже есть, то надо бы дать имъ права сближающія, разумно соображенныя. Напримѣръ. Теперь купцы I-ой гильдіи могутъ жить вездѣ въ Россіи, подъ лживымъ именемъ приказчиковъ вездѣ живутъ при нихъ множество всякаго сброда, грязные невѣжды и плутъ на плутѣ. А евреямъ хорошо окончившимъ курсъ медицины не дозволяютъ быть въ Россіи. Для чего же это? Въ наше время высшимъ мѣриломъ достоинствъ и равноправія—должно бъ быть высшее образованіе, и потому думалъ бы, что скорѣе истинно хорошо образованные евреи—медикъ, ученый, артистъ—могутъ быть допущены внутрь Россіи какъ люди полезные, нежели вся сволочь при купцахъ контрабандистахъ, необразованныхъ, а разбогатѣвшихъ часто очень не чисто.

Образованность сама собою снимаетъ уже съ еврея его кору, множество дурного, прививаемаго имъ не образованностію, а грязною жизнію ихъ расы, столпившейся, какъ въ муравейныхъ гнѣздахъ, въ западныхъ мѣстечкахъ и городахъ. Войдя въ кругъ христіанъ, образованный еврей скорѣе прильнетъ къ ихъ обществу, нежели къ своимъ глупцамъ евреямъ, и своею образованностію будетъ полезенъ обществу русскому, а не вреденъ.

Вообще нѣкоторыя прогресивныя привилегіи, требуемыя настоящимъ временемъ, должно имъ дать; и какъ только они будутъ заявлены нами, поляки Моисеева закона не станутъ въ числѣ явныхъ нашихъ недоброжелателей,— къ чему они очень наклонны теперь.

Минскъ, 25-го октября 1861 г.

Ежедневно совершающіяся событія въ Польшѣ, въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и даже внутри Россіи, въ самыхъ столицахъ ея, событія, которыя не безъ связи съ Варшавскими волненіями и съ другими затѣями, невольно заставляютъ высказаться, заявить свою мысль Вамъ, руководителю.

Долго молчавъ, увѣренный, что каждый мѣстный начальникъ давно сказалъ Вашему Высокопревосходительству свое искреннее слово о положеніи дѣлъ и о мѣрахъ, которыя теперь принять необходимо, о чемъ каждый изъ нихъ, стоя у своего руля, лучше меня можетъ это знать,— наконецъ рѣшаюсь сказать и мои мысли.

Къ нимъ я прошу позволеніе добавить:

1. Обстоятельства измѣняются быстро, ежедневно. Надо зорко слѣдать за ними, чтобы принимать мѣры своевременныя,—лучше предупредительныя, нежели послѣ совершившагося событія: иная мѣра была бы хороша сегодня, а на завтра она уже негодится, опоздала;—поэтому иныя надо имѣть про запасъ, на готовѣ.

2. Наблюдая здѣсь ходъ дѣла, я нашелъ не безполезнымъ эти замѣтки мои, заброшенныя для собственныхъ соображеній и воспоминаній, представить Вашему Высокопревосходительству.

Они состоятъ изъ двухъ частей: 1, о настоящемъ положенія края и 2, о мѣрахъ противодѣйствія.

Тотчасъ по изготовленіи этихъ замѣтокъ, я увидѣлъ, что надо поторопиться представить Вамъ въ особенности 2-ю часть, чтобы не потерять времени въ перепискѣ начисто, здѣсь чрезвычайно затруднительной; а самъ я завалѣнъ дѣлами, при нетрезвости тупицы дѣлопроизводителя тружусь почти по 16, даже по 19 ч совъ въ сутки, не выходя изъ комнаты, и нѣсколько разъ заболѣвалъ сильно.— Быть можетъ нѣкоторыя черты, мною ярко изображаемыя, покажутся съ перваго взгляда не совсѣмъ вѣрными,—особенно ежели не всѣ высказали Вамъ все, что должны были сказать въ свое время, откровенно и прямодушно. Но вѣрьте, Ваше Высокопревосходительство, что при нашемъ бездѣйствіи успѣхъ поляковъ пойдетъ впередъ гигантскими шагами и тогда подтвердится горькая правда моихъ словъ.

3. Мнѣ казалось, что мы, русскіе, безъ вниманія прочитали тѣ польскія прокламаціи, которыя теперь шагъ за шагомъ ведутъ революцію все впередъ и впередъ. А онѣ стоютъ того, чтобы въ нихъ вчитаться. И я постарался, не зная самъ литературно польскаго языка, отыскать сотрудниковъ перевести, сличить 4 экземпляра (съ трудомъ на время добытыхъ) и представляю эти воззванія Вашему Высокопревосходительству. Сущность передана вполнѣ и вѣрно; языкъ я сгармонировалъ съ духомъ и языкомъ, которымъ они писаны.

4. Отнюдь я не партизанъ жестокостей, я не проповѣдникъ нетерпимости, преслѣдованій за вѣру, стѣснительныхъ съ господствующею (мой 16-й пунктъ 2-ой части замѣтокъ это доказываетъ). Но постигая стремленіе поляковъ при нынѣшней всесвѣтной неурядицѣ, при этомъ общемъ кипѣніи разрушительныхъ началъ, полагающихъ быть зародышами началъ лучшихъ, создательныхъ,—я полагаю, что очень пора принять мѣры твердыя, серьезныя.

Быть можетъ, стоя ближе къ той высокой точкѣ, съ которой Вы изволите обнимать всѣ дѣла Россіи и другихъ государствъ,—я бы иначе о нихъ заключалъ. Но съ моего неболь-

шого горизонта здѣсь, что и какъ я вижу, такъ и сужу, такъ и говорю, а здѣсь намъ очень многое неизвѣстно. Если въ выводахъ моихъ я ошибаюсь,—простите меня... видитъ Богъ мою истинную цѣль: быть полезнымъ Россіи. Собственно поляки мнѣ лично ничего дурного еще не сдѣлали, угрозы подметныхъ писемъ, теперь мною получаемыхъ,—не имѣютъ на меня никакого вліянія; я ихъ жгу и ни на волосъ не измѣняю ни моихъ убѣжденій, ни моего способа дѣйствій. Но разсуждая объ интересахъ моего отечества, о пользахъ государства, въ которомъ родилась моя мать, которому болѣе полустолѣтія служилъ мой отецъ, которому по милости двухъ Царей обязанъ я моею второю жизнію—моимъ воспитаніемъ,—которому и самъ я служу вотъ уже почти полныхъ 30 лѣтъ,—я не могу не сказать того, что по моему крайнему разумѣнію будетъ для государства не безполезнымъ. Отвергните Вы мои слова—значитъ я ошибался: это мнѣ будетъ спасительнымъ урокомъ, потому что Вы лучше меня знаете общій ходъ дѣлъ,—(потому что Вы лучше знаете) администрація всего государства въ Вашихъ рукахъ... Одобрите ихъ, найдете въ нихъ хоть одну мысль полезную,—слава Богу! Я не долженъ буду сказать себѣ: oleum et operam perdidi.

Минскъ, 23 октября 1861 г.

Его Высокопревосходительству

Петру Александровичу Валуеву.

ДОКУМЕНТЫ.

Въ Минской губерніи,

по отчету Губернскаго Статистическаго Центральнаго Комитета за 1860 г.,

все населеніе: 483,542 + 498,161 = 981,703.

(Женщины 15-ю тысячами превышаютъ число мужчинъ)

Въ томъ числѣ:

православныхъ . .	349,782 +	358,675 =	708,457.
римск. исповѣданія	83,876 +	86,961 =	170,837.
евреевъ	46,180 +	48,969 =	95,149.

ихъ гораздо болѣе.

Священниковъ православныхъ 549.
(1 на 1290 душъ).

Ксендзовъ 300 и монахинь 70 (ихъ болѣе).
(1 ксендзъ на 569 душъ).

Еврейскихъ раввиновъ 283; муллъ 21.

Изъ православныхъ священниковъ:

Отлично хорошаго поведенія	51
Такъ себѣ—сносно хорошаго	459
Не хорошаго	22
Совсѣмъ дурнаго	17
	549

(Изъ нихъ 25 штрафованныхъ и неоднократно).

Изъ 469=приходовъ возсоединенныхъ отъ Уніи 283.

Древнеправославныхъ 186.

т. е. изъ Уніановъ болѣе 427 тысячъ; православныхъ до 281 тыс. Изъ 364-хъ служащихъ, о которыхъ собраны были въ 1861 году свѣдѣнія, только 43 чиновника (болѣе мелкихъ) и до 100 писцовъ—изъ древнеправославныхъ, возсоединенныхъ, магометанъ, лютеранъ; остальные всѣ сплошь поляки—латинцы.

Личный составъ служащихъ безпрерывно измѣняется, и потому эти цифры—только приблизительны.

Вообще въ этой губерніи масса чиновниковъ власть имѣющихъ, помѣщиковъ, ключь-войтовъ, писарей въ волостяхъ, десятниковъ и прочихъ полицейскихъ—поляки латинцы.

Черновое письмо отъ Минскаго гражданскаго Губернатора графа Эдуарда Карловича Келлера къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ 24 октября 1861 года.

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ.

Вашему Высокопревосходительству въ послѣднихъ свѣдѣніяхъ моихъ я имѣлъ честь сообщить, что проявленія

наружныхъ манифестацій стали затихать: но что внутренняя, глухая, неуловимая работа возмутителей—продолжается безпрерывно.

Теперь считаю себя обязаннымъ доложить Вашему Высокопревосходительству, что и наружное спокойствіе это нарушено волненіями, которыя стали видимо и усиленно разгораться вслѣдъ за полученіемъ извѣстій о послѣднихъ событіяхъ въ Варшавѣ, съ которыми постоянно регулируются умы и происшествія во всемъ здѣшнемъ краѣ.

Пѣнія въ костелахъ возобновились съ неистовымъ деспотизмомъ—до того, что насильственно гася свѣчи, мятежная молодежь на дняхъ въ Бенедиктинскомъ женскомъ монастырѣ нанесла въ потьмахъ оскорбленія и побои частному приставу, посланному туда для исполненія служебныхъ обязанностей и погналась за квартальнымъ, едва успѣвшимъ убѣжать, но виновныхъ найти и уличить не возможно.

Молодежь и мальчики всѣхъ сословій, едва выходящіе изъ дѣтскаго возраста, которыхъ родители неизвѣстны, или Богъ знаетъ гдѣ, и въ практическомъ примѣненіи закона о полицейскихъ судахъ—недостигаемы для теоретически предположенной отвѣтственности ихъ за дѣтей своихъ,—эта юная наэлектризованная толпа, конечно, подстрекаемая скрывающимися вождями, волнуется и мятется чрезвычайно.

Въ письмѣ моемъ отъ 14 сентября, чрезъ г. подполковника Дмитріева къ Вамъ посланномъ, я излагалъ и теперь повторяю:

1. Полицейскіе суды въ томъ видѣ, какъ они теперь существуютъ, недостигаютъ и не могутъ достичь той цѣли, съ которою предлагалъ я ихъ установленіе.

При Уѣздномъ судѣ нельзя оставлять ихъ. Судья имѣетъ свои занятія и самъ слишкомъ близокъ сочувствіемъ ко всему свершающемуся, чтобы вести дѣла съ той быстротой и твердостью, которыя однѣ могли бъ доставить полное осуществленіе данной мысли. А замѣнить судью по выборамъ служащаго невозможно, тѣмъ болѣе потому, что нѣтъ здѣсь въ виду людей, которые бъ могли въ этой

обязанности отстранить свои личныя патріотическія сочувствія.

Сборъ же въ Минскѣ такой толпы пѣвцовъ,—фанатиковъ изо всѣхъ городовъ, ихъ прислуги, свидѣтелей—можетъ только вызвать здѣсь еще больше волненій и повести за собою разныя демонстраціи.

По этому я полагаю: суды устроить на предложенныхъ мною основахъ, т. е. имѣть ихъ не менѣе трехъ въ губерніи, съ составомъ подвижнымъ, которые бы могли in pleno переѣзжать въ такія мѣстности, гдѣ необходимо ему дѣйствовать. Предсѣдатель или 2 члена каждаго суда должны быть назначены изъ петербургскихъ чиновниковъ, юридически хорошо образованныхъ, честныхъ и неимѣющихъ с ямей и соотношеній съ лицами здѣшняго края.

Это сократитъ время, истрачиваемое на призывъ и пріѣздъ обвиненныхъ, уклонитъ массу волнователей въ Минскѣ, недопуститъ до демонстрацій и приведетъ къ цѣли судовъ этихъ—скорому и тяжелому наказанію виновныхъ, обращающихъ храмъ Божій въ мѣсто заявленія революціонныхъ чувствъ и намѣреній.

Для этой же быстроты и твердости дѣйствій апелляціонный судъ должно имѣть въ Минскѣ, изъ лицъ присланныхъ тоже изъ Петербурга, вполнѣ соотвѣтствующихъ этому назначенію, совершенно чуждыхъ всякимъ здѣсь связямъ.

Тогда и штрафы, разумно и безпристрастно наложенные, покроютъ всѣ издержки по учрежденію этихъ судовъ.

2. Выслать скорѣе правила для экзекуціонныхъ волнующагося края занятій войсками и для реквизицій. Этихъ правилъ мнѣ еще не доставлено, а ихъ необходимо теперь имѣть въ виду.

Студентамъ университетовъ не иначе дозволять пріѣзжать въ Минскую губернію, какъ по просьбѣ родителей ихъ или опекуновъ и лицъ благонадежныхъ, хорошо извѣстныхъ,—подъ ихъ поручительствомъ. Просьбы эти они должны подавать губернатору и только по его сношеніямъ университетскому начальству разрѣшать студентамъ отпуски, но съ тѣмъ, что ежели они здѣсь будутъ замѣчены въ прикосновенности или участи въ политическихъ проявле-

ніяхъ.— тотчасъ-же отсылать ихъ на счетъ поручителей въ университеты, съ воспрещеніемъ пріѣзда сюда.

4. Незнакомые ни съ жизнію, ни съ опасностію, гимназисты и вообще мальчики, изъятые по закону отъ преслѣдованій и изысканій, начинаются дѣлаться слишкомъ сильнымъ рычагомъ возмущенія. Ежели не принять противъ нихъ мѣръ строгости, необходимой и соотвѣтственной винѣ ихъ и возрасту,—то должно ожидать неминуемыхъ, и очень для правительства непріятныхъ послѣдствій.

Къ этимъ §§-мъ я считаю себя обязаннымъ присовокупить:

5. Полицейскіе чиновники, безпрерывно подводимые подъ присягу, выносящіе всю тягость службы и оскорбленій, просто сбились съ ногъ и скоро доведены будутъ до неизбѣжной крайности отказаться отъ службы, столь невыносимо тяжелой для нихъ и опасной.

По этому присяжныя ихъ показанія не должны быть требуемы: а какъ масса людей, собравшихся для изъявленія какого либо рода одинаковыхъ чувствъ, молитвъ или желанія, должна быть считаема одинаково виновною—ежели эти изъявленія стремятся ко вреду государства,—то объявить во всеобщее свѣдѣніе, что пѣніе революціонныхъ и такихъ-же молитвъ рѣшительно воспрещено: а всѣ, кто остается въ церкви во время пѣнія, считается участникомъ, и по выходѣ изъ костела подвергается преданію полицейскому суду,—съ арестомъ или безъ онаго,—и штрафу усиленному. Показаніе полицейскихъ чиновниковъ, особенно о зачинщикахъ, должно принимать съ полнымъ довѣріемъ и безъ присяги. Дѣло же полиціи и военной власти внѣ храма будетъ въ своихъ правахъ и не будетъ отдаваемо внутри самыхъ храмовъ на поруганіе и побои толпы.

Костелы, въ которыхъ повторятся смятенія, неистовства или оскорбленіе полиціи, какъ это было въ костелѣ Бенедиктинскаго монастыря, и костелы, допускающіе пѣніе гимна сначала или посреди служенія, должны быть запечатываемы.

За участвованіе въ пѣніи такихъ гимновъ или способствованіе къ тому, всякое духовное лицо въ томъ виновное подвергать штрафу усиленному до высшей степени.

И для показаній твердыни намѣреній правительства и хоть нѣкотораго обузданія волненій, костелъ Минскаго Бенедиктинскаго монастыря теперь же запечатать. Отпечатывать такіе храмы—уже по прекращеніи всѣхъ политическихъ революціонныхъ движеній, несоотвѣтственно прикрываемыхъ наружностями религіи, подъ сѣнію которыхъ они развелись до размѣровъ описныхъ.

6. Въ 7-мъ пунктѣ Высочайшаго повелѣнія, мнѣ сообщеннаго Вашимъ Высокопревосходительствомъ 5 августа 1861 года за № 521, опредѣлено: подвергать аресту зачинщиковъ и руководителей движенія.

А ежели вины ихъ юридически и документально доказать нельзя, при этомъ общемъ волненіи и сочувствіи массъ,—то какъ далѣе поступить?

При томъ ежели такой извѣстный руководитель будетъ по суду подвергнутъ аресту за пѣніе и потомъ онъ будетъ выпущенъ,—то неужели оставлять его здѣсь же для преданія вновь суду только за пѣніе, тогда какъ это пѣніе здѣсь такъ трудно доказать?

Обстоятельства быстро мѣняются и ходъ ихъ становится ежедневно серьезнѣе. Поэтому я полагалъ бы, при событіяхъ выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка, прилагать мѣры, выходящія изъ обыкновенныхъ правилъ. Административное начало должно быть раздвинуто на болѣе широкія и твердыя права. Обязанность блюсти за спокойствіемъ края падаетъ на губернатора; слѣдовательно, онъ долженъ имѣть руки развязанныя для дѣйствія по усмотрѣнію его въ пользу охраненія общества, губерніи, государства и правительства, если имъ опасность грозитъ очевидная.

Я полагалъ бы: всѣхъ, кто извѣстенъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ къ губернатору дошедшимъ, какъ двигатель или жаркій участникъ мятежнаго направленія, пребываніе котораго въ краю вредно, а отсутствіе,—лишая толпу вожака будетъ полезно,—немедленно высылать на Амуръ, или въ такія отдаленныя губерніи Россіи (Вятскую, Иркутскую, Пермскую), гдѣ присутствіе такихъ людей безвредно. Это необходимо теперь, а со временемъ, по успокоеніи края,

можно будетъ поступить съ этими людми по усмотрѣнію правительства.

8. Исключенныхъ со службы за неблагонамѣренность или за участіе въ какихъ либо дѣйствіяхъ противъ правительства, если оставлять здѣсь въ краю, то съ увольненіемъ отъ службы тому самому правительству, противъ котораго они возмущаются, лишаются они средства существованія и только увеличиваютъ толпу пролетаріевъ, готовыхъ на всякое преступленіе изъ-за куска хлѣба, отчаянныхъ и чрезвычайно вредныхъ.

Ихъ необходимо также выслать на Амуръ или въ упомянутыя губерніи. Эта единственная мѣра, достигающая вполнѣ цѣли усмиренія волненій и уменьшенія массы враговъ, въ особенности вождей.

9. Выслать въ Минскую губернію поскорѣе еще хоть два полка казаковъ. Одно ихъ присутствіе дастъ по крайней мѣрѣ поболѣе наружнаго спокойствія въ краю.

10. Сообщить мнѣ по телеграфу свѣдѣнія о событіяхъ Варшавскихъ и другихъ, чтобы знать во время истинное положеніе дѣлъ и знать, чѣмъ опровергать безпрерывно распространяемые здѣсь ложные слухи.

Мѣры эти я считаю теперь совершенно необходимыми и безотлагательными для поддержанія правительства и власти нашей въ этомъ краѣ. Я считаю себя обязаннымъ просить Ваше Высокопревосходительство настоящее письмо мое повергнуть благовоззрѣнію Его Императорскаго Величества, чтобы потомъ не пала на меня отвѣтственность, что я молчалъ въ минуты, какъ только усмотрѣлъ, что наше положеніе оставить еще хоть самое короткое время безъ испрашиваемой мною поддержки, то надо опасаться, что безнаказанные ученики гимназій и уличные мальчишки одни прогонятъ наше правительство.

Прошу Ваше Высокопревосходительство вѣрить чувствамъ моего глубокаго къ Вамъ почтенія и совершенной преданности.

Минскъ 24 октября 1861 г.

Его Высокопревосходительству

П. А. ВАЛУЕВУ.

Письмо Генералъ-Маіора Графа Эдуарда Теодоровича Келлера

Милостивый Государь,

Графъ Эдуардъ Теодоровичъ!

8-го августа получилъ я предписаніе г. Министра о назначеніи меня предсѣдателемъ коммиссіи по политическимъ дѣламъ и, съ разрѣшенія Вашего Сіятельства, нанялъ квартиру, для помѣщенія Комиссіи въ домѣ здѣшняго купца-еврея Поляка.

Хозяинъ получилъ съ меня задатокъ и обѣщалъ сдѣлать необходимыя исправленія особенно печей, существующихъ въ домѣ безъ передѣлокъ болѣе 20 лѣтъ.

Черезъ мѣсяцъ хозяинъ явился ко мнѣ съ объявленіемъ, что Минскимъ полякамъ патріотамъ не нравится, что Коммиссія здѣсь учреждена, и они будто грозятъ ему: не заѣзжать къ нему въ домъ и не покупать у него товаровъ, если Комиссія останется въ его домѣ. Быть можетъ, подобныя угрозы и были сказаны хозяину; но я въ домъ его заѣзжаютъ и покупаютъ у него товары по-прежнему.

Объ этихъ дерзкихъ требованіяхъ вывода Комиссіи изъ нанятаго дома я тогда же счелъ себя обязаннымъ сообщить Вашему Сіятельству. По настоянію Вашему я оставилъ безъ вниманія домогательства домохозяина. На дняхъ сынъ его пришелъ ко мнѣ съ просьбою: если возможно, нанять открывшуюся удобную квартиру въ домѣ еврея Рапопорта.

По болѣзни моей я просилъ г. г. членовъ Комиссіи полковника Рейхарта и коллежскаго совѣтника фонъ-Браже осмотрѣть эту квартиру; но при осмотрѣ, объявили Рейхарту, что для Комиссіи квартиры не дадутъ.

Согласно съ желаніемъ Вашего Сіятельства имѣю честь доложить Вамъ объ этомъ, для пріисканія, или устройства помѣщенія Комиссіи, присовокупляя, что долѣе невозможно оставаться въ домѣ Поляка уже и потому, что хозяева успѣли такъ исправить печи, что угаръ отъ нихъ постоянный даетъ мучительныя головныя боли даже вѣстовымъ, въ Комиссіи ежедневно перемѣняемымъ.

Примите увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи и совершенной преданности.

Подписалъ ген.-м. **Мейеръ**.

10 октября 1861 г. изъ Минска.

Черновая.

Ваше Высокопревосходительство!

Поставленный Вами въ непосредственную подчиненность начальнику Минской губерніи, я до конца сохранилъ эти отношенія, соединенныя съ отношеніями дружескими, и когда болѣзнь моя и опасная болѣзнь моей жены вызывали меня изъ Минска, я обратился къ графу Коллеру за разрѣшеніемъ на отъѣздъ и, только получивъ его, выѣхалъ.

Въ Вильно я пролежалъ больной двое сутокъ; въ Динабургъ прибылъ вечеромъ, ѣхать далѣе теперь я не въ состояніи.

По пріѣздѣ въ Царское Село я постараюсь представить Вашему Высокопревосходительству записку мою о положеніи дѣлъ—если только прежде буду знать, что это угодно будетъ Вашему Высокопревосходительству—на что ожидаю приказа. Сверхъ записки доложу по секрету о чеканкѣ монеты (обстоятельство немаловажное, если оно Вамъ неизвѣстно) съ указаніемъ на возможность добыть подробнѣйшія объ этомъ свѣдѣнія;—доложу и о зачаткахъ преподаванія (въ гимназіи) всѣхъ наукъ на польскомъ языкѣ.

На одно обстоятельство я полагалъ бы необходимымъ обратить особое и самое немедленное вниманіе: это гимнъ о возвращеніи вольности Польшѣ и всему народу литовскому; гимнъ переведенный на простонародный литовскій языкъ и заготовляемый массами экземпляровъ писанныхъ и литографируемыхъ въ самомъ Минскѣ. Въ гимнѣ этомъ есть замѣчательное выраженіе: и дай всѣмъ равенство и одно названье. Уже приняты всѣ мѣры, чтобы гимнъ этотъ былъ разученъ всѣмъ народомъ во время предстоящихъ 6 недѣль рождественскаго поста по здѣшнему „святокъ“, и чтобъ если не всѣхъ православныхъ, то по крайней мѣрѣ непре-

мѣнно во всѣхъ бывшихъ Уніатскихъ церквахъ на первый день Рождества, народъ называемый Русью православнымъ и древнерусскимъ, грянулъ этотъ гимнъ дружно повсемѣстно. Этимъ хотѣли довершить доказательство солидарности польскихъ началъ въ замышляемомъ переворотѣ со всѣми слоями народа, говорящаго не русскимъ языкомъ, напитаннаго польскимъ духомъ, а твердаго въ православіи только по свѣдѣніямъ оффиціальнымъ, въ сущности же—на дѣлѣ—онъ въ немъ мягкаго.

Необходимо принять мѣры самыя дѣятельныя, чтобы остановить, предупредить его стремленіе энергичнымъ, разумнымъ и осторожнымъ содѣйствіемъ духовенства и и полиціей, городской и земской (два очень тамъ жалкихъ).

Извините, Ваше Высокопревосходительство, что безъ разрѣшенія Вашего, безъ вопроса, я рѣшаюсь говорить объ этихъ дѣлахъ; ради пользы общей, простите мнѣ эти слова. Если бы я могъ тотчасъ же ѣхать прямо къ Вамъ, я не писалъ бы объ этомъ, но не знаю, когда болѣзнь моя позволитъ мнѣ явиться самому,—а дѣло спѣшное.

Динабургъ, 7 ноября 1861 г

Копія.

Свидѣтельство

Состоящій при министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ г. генералъ-маіоръ Мейеръ прибылъ въ г. Царское Село въ началѣ этого мѣсяца съ сильными страданіями слизистой перепонки желудка и кишекъ отъ послѣдствій принятія пищи, имѣвшей въ себѣ ядъ... мѣдянки. Съ помощію медицинскихъ средствъ генералъ Мейеръ начинаетъ получать облегченіе; выздоровленіе его можно предполагать около трехъ недѣль; но совершенное истребленіе этой болѣзни можетъ быть только при долговременномъ пользованіи и постоянной осторожности въ діэтѣ и образѣ жизни.

Въ чемъ свидѣтельствую. г. Царское Село. Ноября 26 дня 1861 г.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ

Докторъ Купферъ.

(М. П.)

М. В. Д.

НАЧАЛЬНИКА
Минск. губ.
по канцеляріи
Августа 16 дня 1861 г.
№ 195.

г. Минскъ.

Состоящему при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Господину Генералъ-Маіору Мейеру.

Господинъ Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ предложеніемъ отъ 5 августа за № 521, сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ, во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ и условіямъ, въ которыя въ настоящее время поставлены нѣкоторыя изъ западныхъ губерній, Высочайше повелѣть соизволилъ:

Учредить въ Минскѣ особую слѣдственную Коммиссію, подобно Виленской и Кіевской, для разбора дѣлъ по болѣе важнымъ политическимъ преступленіямъ или проступкамъ; а отъ того же числа за № 523 увѣдомилъ, что Предсѣдателемъ сей Коммиссіи онъ Г. Статсъ-Секретарь Валуевъ назначилъ, впредь до особаго распоряженія, Ваше Превосходительство. Сообщая объ этомъ Вашему Превосходительству, а равно и о томъ, о что въ помянутую коммисію назначены мною членами: Минской губерній штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ полковникъ Рейхартъ и командированный въ мое распоряженіе, состоящій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Коллежскій Совѣтникъ Фонъ-Браже, а дѣлопроизводителемъ состоящій при канцеляріи моей Коллежскій Ассесоръ Матіасевичъ, я покорнѣйше прошу Васъ немедленно открыть сію коммисію.

При этомъ нужнымъ нахожу увѣдомить Васъ, что 1) назначеніе слѣдствій зависитъ вполнѣ отъ меня и что потому каждый разъ, когда по усмотрѣнію моему нужно будетъ произвести по какому-либо случаю изслѣдованіе, коммисія будетъ увѣдомляема о томъ особо; 2) дѣйствія коммисіи, по производству дѣлъ, должны слѣдовать общимъ установленнымъ въ слѣдственномъ и уголовномъ порядкѣ

формамъ и уклоняться отъ нихъ только въ крайней необходимости и въ экстренныхъ случаяхъ; и наконецъ 3) по окончаніи, каждое произведенное коммисіей дѣло должно быть представлено ко мнѣ на разсмотрѣніе, безъ мнѣній коммиссій. Гражданскій Губернаторъ Графъ Келлеръ. Правитель канцеляріи Никаноръ.

М. В. Д.

ОСОБЕННАЯ

КАНЦЕЛЯРІЯ

3 Августа 1861 г.

№ 524.

Состоящему при Министерствѣ Генералъ Маіору Мейеру.

По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, вмѣстѣ съ симъ сообщенному Начальнику Минской губерніи, учреждается въ въ Минскѣ особая слѣдственная Коммисія для разбора дѣлъ по болѣе важнымъ политическимъ преступленіямъ или проступкамъ.

Назначивъ Ваше Превосходительство временно, впередъ до особаго распоряженія, Предсѣдателемъ этой коммисіи, предлагаю Вамъ вступить въ эту должность немедленно и руководствоваться въ дѣйствіяхъ Вашихъ постановленіями мѣстнаго Губернатора Графа Келлера, который поставляется мною въ извѣстность о таковомъ назначеніи Вашемъ. Управляющій Министерствомъ Статсъ-Секретарь N.

ВЕЛИКОРУССЪ (*)

(*) Газета, издаваемая въ С.-Петербургѣ въ духѣ истинно-русскихъ крестьянъ.

Выслушавъ отчеты своихъ членовъ о мнѣніяхъ, высказываемыхъ въ публикѣ по поводу вопросовъ въ Великоруссѣ, комитетъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

---

*) Польская прокламація.

По первому вопросу:

Водвореніе законнаго порядка—общее желаніе просвѣщенныхъ людей. Большинство ихъ сознаетъ, что главнѣйшія условія для того таковы: хорошее разрѣшеніе крѣпостнаго дѣла, освобожденіе Польши и конституція. Помѣщичьи крестьяне по своему понятію объ ожидаемой ими къ веснѣ 1863 года волѣ раздѣляются на двѣ партіи. Одна думаетъ, что вся земля, помѣстья должны перейти въ собственность крестьянъ, т. е. и земля, бывшая въ пользованіи помѣщика; никакого выкупа за землю платить крестьяне не должны; помѣщики, потерявъ рѣшительно всю землю, удалятся изъ селъ въ города; вознагражденіе получатъ они отъ Государства (по выраженію кр., Царь возьметъ помѣщиковъ на свое жалованье). Партія, непремѣнно ждущая такого рѣшенія, очень многочисленна между крѣпостными крестьянами; она неизбѣжно возьметъ верхъ, если нынѣшнее положеніе дѣлъ продолжится. Другая, такъ сказать, умѣренная партія полагаетъ, что крестьяне должны получить только всю ту землю, какою онѣ пользовались при крѣпостномъ правѣ со всѣми угодіями, въ пользованіи которыми они участвовали, т. е. съ рыбными ловлями и частью лѣса; но земля, которою пользовался самъ помѣщикъ, можетъ, по ихъ мнѣнію остаться за ними. О выкупѣ и эта партія думаетъ точно такъ же какъ и первая, т. е. совершенно его отвергаетъ. Теперь эта умѣренная партія слабѣе первой, но можно надѣяться, что она привлечетъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ, если вопросъ будетъ разрѣшенъ чисто въ ихъ духѣ. Эта надежда основывается на томъ, что крестьяне еще не организовались для общаго возстанія, пока которого будетъ лѣто 1863 года, если весна его не обманетъ ихъ. Но должно помнить, что выкупъ отвергаютъ единодушно всѣ крестьяне, о требованіи съ нихъ выкупа нечего и думать людямъ желающимъ, чтобы они остались довольны рѣшеніемъ вопроса; если же крестьяне останутся не довольны, законный порядокъ не можетъ водвориться путемъ мирныхъ реформъ, потому что удерживать крестьянъ въ спокойствіи надобно будетъ какъ теперь, военными мѣрами. А власть дѣйствую-

щая такими мѣрами противъ массы населенія, не будетъ соблюдать законности ни въ числѣ; въ такомъ случаѣ законность будетъ введена только вслѣдствіе революціи.

Итакъ для мирнаго водворенія законности необходимо рѣшить крестьянскій вопросъ, въ смыслѣ удовлетворительномъ по мнѣнію самихъ крестьянъ, т. е. Государство должно отдать имъ по крайней мѣрѣ всѣ тѣ земли и угодья, которымъ пользовались они при крѣпостномъ правѣ и освободить ихъ отъ всякихъ собственныхъ платежей или повинностей за выкупъ, принявъ его на счетъ всей націи.

По той же самой причинѣ русскіе приверженцы законности должны требовать безусловнаго освобожденія Польши. Теперь стало ясно для всѣхъ, что власть наша надъ нею поддерживается только вооруженною рукою. А пока въ одной части Государства власть надъ цивилизованнымъ народомъ держится системою военнаго деспотизма, правительство не можетъ отказаться отъ этой системы въ остальныхъ частяхъ государства. Вспомнимъ слова Чатама при началѣ возстанія Американскихъ колоній: „Если Англійское правительство подчинитъ деспотизму Америку, сама Англія подвергнется деспотизму.“ Потому онъ, со всѣми друзьями свободы Англіи, требовалъ, чтобы англійскія войска были выведены изъ недовольныхъ колоній. Точно также интересъ Русской свободы требуетъ освобожденія Польши.

Наша народная гордость, любовь къ нашему народу и финансовый расчетъ требуютъ того же. Наша власть надъ Польшею основана только на томъ, что мы нарушили всѣ условія, подъ которыми Царство Польское было соединено съ Россіей на Вѣнскомъ конгрессѣ. Мы обязались тогда, что оно будетъ имѣть конституцію, полную независимость внутренняго управленія и свою отдѣльную, чистую національную армію. Мы измѣнили этому своему слову. Мы остаемся въ глазахъ всей Европы обманщиками.

Чтобы сохранить господство надъ Польшею, мы должны имѣть двѣсти тысячъ войска, тратить ежегодно по сорока милліоновъ нашихъ собственныхъ денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя беремъ съ Польши. Наши финансы не придутъ въ порядокъ, пока мы будемъ дѣлать такую трату. Сотни ты-

сячъ женщинъ, стариковъ и дѣтей остаются у насъ безъ средствъ къ жизни, потому что работники ихъ семействъ отведены на Западъ удерживать Польшу въ рабствѣ, столь разорительномъ для насъ. Это разореніе мы будемъ терпѣть, пока не откажемся отъ Польши совершенно. Поляки не удовольствуются ничѣмъ, кромѣ полной отдѣльности отъ насъ. Мы должны вовсе уйти изъ Польши, чтобы избавиться отъ разоренія. Если мы сдѣлаемъ это добровольно, поляки станутъ уважать насъ, какъ людей умныхъ, полюбятъ насъ, какъ людей честныхъ. Если мы не сдѣлаемъ это сами, поляки все таки скоро освободятся, они ждутъ только перваго случая, чтобы возстать поголовно. И намъ не удастся подавить ихъ теперь, какъ при Паскевичѣ, потому, что нѣтъ теперь въ Польшѣ внутренняго раздора, которымъ мы тогда были обязаны гибельнымъ для насъ торжествомъ. Польскіе патріоты рѣшили отдать крестьянамъ землю даромъ, не смотря на усиліе нашего правительства раздувать вражду между сословіями въ Польшѣ, польскіе крестьяне знаютъ объ этомъ и одушевляются патріотизмомъ, а потому намъ не возможно будетъ теперь побѣдить польскаго возстанія. И такъ вопросъ о Польшѣ для насъ русскихъ состоитъ только въ томъ, станемъ ли мы ждать, чтобы насъ съ позоромъ выгнали изъ Польши?

Освободившаяся нація отнесется тогда враждебно къ намъ. Или мы будемъ такъ умны, что сами добровольно откажемся отъ владычества разорительнаго для насъ и сдѣлаемъ поляковъ вѣрными друзьями намъ. Та же самая надобность уничтожить систему вооруженнаго насилія требуетъ, чтобы дана была и населенію южной Руси—полная свобода располагать своею судьбою по собственной водѣ. Теперь этотъ народъ не могъ высказать своихъ желаній. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій не довело это неудовольствіе, мы должны уступить имъ. Если онъ захочетъ отдѣлиться совершенно—пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этого, мы не знаемъ, да и самъ онъ едва ли рѣшитъ это при настоящей своей безгласности. Но судя по живому чувству страданій отъ нашего деспотизма, можно ожидать, что при первой

возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и мы на такое рѣшеніе. Мы, Великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться одними, имѣя въ самихъ себѣ всѣ элементы національнаго могущества. Гордые своей силою, мы не имѣемъ никакой нужды искать, по примѣру Австріи, вреднаго для насъ самихъ искусственнаго могущества въ насильственномъ удерживаніи другихъ цивилизованныхъ племенъ въ составѣ нашего Государства. Мы можемъ вполнѣ признать права національностей. Мы необходимо должны это сдѣлать, чтобы свести и упрочить у себя свободу. Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою. На вопросъ о Южной Руси еще только возбуждаемъ мы сами, предлагая его на разсмотрѣніе южно-руссовъ. Вопросъ о Польшѣ требуетъ немедленнаго практическаго рѣшенія. Оно—выводъ нашихъ войскъ изъ Польши и всѣхъ земель, гдѣ масса народа или говоритъ по-польски, или привязаны къ прежней уніатской вѣрѣ, потому что во всѣхъ этихъ мѣстахъ народъ имѣетъ, если не имѣя поляковъ, то польскій духъ. Еще не всѣ либеральные русскіе убѣждены въ необходимости такого рѣшенія крестьянскаго и польскаго вопросовъ: нѣкоторые думаютъ ограничиться половинными уступками. Такія взгляды оставляютъ безъ вниманія связь этихъ вопросовъ съ конституціоннымъ. Разсмотрѣвъ же ихъ по отношенію къ этому коренному дѣлу, нельзя не видѣть что никакое рѣшеніе ихъ, кромѣ изложеннаго, не ведетъ къ главной цѣли—упроченію конституціи у насъ. Это желаніе либеральныхъ русскихъ, можетъ исполниться только при полномъ удовлетвореніи поляковъ и крѣпостныхъ крестьянъ: если останется надобность подавлять тѣхъ или другихъ оружіемъ, законный порядокъ не возможенъ у насъ самихъ. Эту точку зрѣнія комитетъ настоятельно рекомендуетъ вниманію русскихъ конституціонистовъ.

Всѣ согласны въ томъ, какія черты законнаго порядка должна установить конституція. Главныя изъ нихъ: отвѣтственность Министровъ, баллотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданія, свобода печати, уничтоженіе сословныхъ привиллегій, самоуправленіе по областнымъ общиннымъ дѣламъ. Но чего требовать? того, чтобы Госу-

царь даровать конституцію, или чтобы онъ предоставилъ націи составить ее? Правительство не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа; тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, если бы и захотѣло. Главнѣе всего оно хочетъ сохранить производъ; потому подъ именемъ конституціи издало бы оно актъ, сохраняющій при новыхъ словахъ прежнее самовластіе.

И такъ требовать надобно не актированія конституціи, а созванія Депутатовъ для свободнаго ея составленія. Для выбора представителей нужна свобода печати, право популярнымъ людямъ составить изъ себя, въ каждой губерніи, распорядительный комитетъ, съ подчиненіемъ ему всѣхъ губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ укажетъ голосъ публики. Слѣдующій номеръ Великорусса, изложивъ выводъ изъ мнѣній высказываемыхъ по вопросу династіи, представитъ на разсмотрѣніе публики способъ дѣйствій наиболѣе сообразный съ нынѣшнимъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія.

Милостивый Государь,

Петръ Мартыновичъ!

Тяжкая и продолжительная болѣзнь, постигшая Ваше Превосходительство, препятствуя правильному теченію и преуспѣянію церковностроительныхъ работъ по Минской губерніи, вынуждаетъ меня нынѣ уволить Васъ отъ занятій по этой части.

Приказавъ сдѣлать распоряженіе объ удовлетвореніи Васъ, слѣдуемымъ Вамъ, по расчету, содержаніемъ изъ церковностроительныхъ суммъ по 1 число наступающаго марта мѣсяца, я прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ моей къ Вамъ преданности и почтенія.

Петръ Валуевъ.

Его Превосходительству

П. М. МЕЙЕРУ

№ 45

20 февраля 1862 г.

---

15 Февраля 1862 г., Минскъ.

11-е февраля я получилъ первое со дня оставленія Вами, Петръ Мартыновичъ, Минска письмо Ваше. Искренно радуюсь, что Господь возвращаетъ Вамъ здоровье и силы на полезное служеніе отечеству, что умножилъ Ваше семейство, что здоровью Марьи Ивановны не угражаетъ опасность, что новый человѣкъ—будущій Генералъ, Министръ, и т. д. бодръ и что крестникъ мой держитъ себя молодцомъ, а больше всего радуюсь—что Вы, Петръ Мартиновичъ, собираетесь возвратиться въ Минскъ для продолженія начатыхъ трудовъ о постройкѣ и починкѣ церквей Минской Епархіи. Признаюсь Вамъ, что дѣло это преслѣдуетъ меня какъ вопросъ о жизни и смерти... и уже одно это дѣло—заставляетъ меня желать Вамъ здоровья, семейнаго благополучія и отсутствія препятствій къ успѣшному продолженію только начатаго дѣла. Да не смущаютъ Васъ проявлявшіяся здѣсь манифестаціи польскихъ патріотовъ. Теперь о нихъ никто и не думаетъ, а если бы и возобновились, то, навѣрно, не убоимся и не сочтемъ ихъ грозными и опасными для Россіи.

Прощаясь съ Вами въ день отъѣзда Вашего изъ Минска, я надѣялся, что путешествіе, свѣжій воздухъ возстановятъ здоровье Ваше, а никакъ не подозрѣвалъ, чтобы болѣзнь развилась серіозно и сломила желѣзныя силы Ваши! Вы страдали, но вмѣстѣ съ Вами и я страдалъ. Вамъ извѣстно, что я представилъ въ Св. Сунодъ объ отпускѣ 10,971 р. на постройку службъ при новостроющемся Архіерейскомъ домѣ. Недавно въ отвѣтъ я получилъ указъ отъ 17 января № 153, что Сунодъ за неимѣніемъ средствъ болѣе 2000 р. не можетъ отпустить. Что же мнѣ теперь дѣлать? Есть у насъ небольшой капиталецъ, именно 3445 р. 29 к., отпущенные 6 мая 1854 г. Сунодомъ на постройку желѣзной ограды возлѣ каѳедральнаго Собора. Можно ли просить Св. Сунодъ о разрѣшеніи употребить эту сумму на службы, съ тѣмъ, чтобы сумма эта современемъ возвращена была Сунодомъ. Но предварительно мнѣ нужно знать—разрѣшитъ-ли Св. Сунодъ. Не можете ли, Петръ Мартиновичъ, получить совѣтъ отъ родственника Вашего, на что мнѣ рѣшиться?

Александръ Андреевичъ Свѣчниковъ три недѣли тому говорилъ мнѣ, что дубовыя для Васъ рамы вывозятъ на Вильно. Скажу ему, чтобы справился о посылкѣ. Засимъ желаю Вамъ и всему Вашему семейству совершеннаго здоровья и благополучія. Господь да хранитъ всѣхъ Васъ.

Вашего Превосходительства преданный слуга и Богомолецъ Михаилъ А. Минскій.

P. S. Вице-Губернаторъ вчера получилъ отъ графа Келлера телеграмму, чтобы правитель канцеляріи Пискапова съ формулярами чиновниковъ выслать въ С. Петербургъ.

Ваше Высокопревосходительство.

Письмо Ваше живительно порадовало меня сегодня: читая въ немъ добрыя Ваши слова, я благодарилъ Васъ душою за добрыя Ваши чувства и благорасположенность ко мнѣ и семьѣ моей. Въ послѣднюю бытность мою въ Минскѣ, предсѣдательство въ коммисіи очень отвлекало меня и отъ посѣщеній Вашего Высокопреосвященства и отъ нашего общаго дѣла, такъ глубоко мною любимаго. Вы не разъ изволили выражать сѣтованія Ваши, что это дѣло не преуспѣваетъ, и я первый съ душевною скорбію видѣлъ невозможность мою и быть предсѣдателемъ въ этой злосчастной для меня Коммисіи, и осматривать по Епархіи сельскія церкви для опредѣленія ихъ починокъ и построекъ, и хотя я, какъ говорится, изъ кожи лѣзъ, чтобы двинуть дѣло, я боялся, чтобы Ваша благосклонность ко мнѣ не убавилась, чтобы Вы не приняли послѣдствіе за причину и вмѣстѣ съ моими недоброжелателями не винили бъ меня—безъ всякой моей въ этомъ вины.

И какъ нарочно Божимъ попущеніемъ болѣзнь тяжелая поразила меня такъ не во время... Ваше Высокопреосвященство могли и знать меня коротко и видѣть мои правила, чувства, мысли, направленія, недостатки. Вѣрьте: не разъ самая жизнь мнѣ была въ тягость отъ этого безвременья, отъ многихъ горькихъ прискорбныхъ неудачъ, отъ многихъ жизненныхъ тяжкихъ потерь. Сильна-хоть и мягка—душа моя, твердъ, хотя и гибокъ, мой характеръ, всегда

чиста и безупречна моя совѣсть, иначе я не вынесъ бы столькихъ огорченій. Всю жизнь мою я безпрерывно наблюдалъ за собою, и вѣрьте, не смотря на множество недостатковъ моихъ, или можетъ быть благодаря имъ, ложась спать, я всегда думаю: какъ-бы мнѣ завтра встать нравственно, духовно лучшимъ, чѣмъ я былъ сегодня... а вся жизнь моя шла по самымъ острымъ терніямъ и колючкамъ: во всю жизнь я такъ мало, такъ мало видѣлъ улыбокъ счастія и и такъ много хмурыхъ, черныхъ дней: столько страшныхъ потерь я перенесъ... И часто, часто въ раздумьи предъ новымъ постигавшимъ меня горемъ, я спрашивалъ себя: „откуда мнѣ сіе? чѣмъ я прогнѣвалъ Бога? въ чемъ согрѣшилъ? Потому что невольно всякое незаслуженное, невѣдомо намъ грядущее горе, мы приписываемъ наказанію Божію за какіе нибудь грѣхи. Такъ и я не зная покой, именно грѣхъ мой вызвалъ мнѣ болѣзнь мою въ минуты, когда мнѣ такъ необходимо было побольше здоровія и силъ, которыя мнѣ измѣнили такъ неожиданно и такъ безвременно. Когда послѣ долгихъ страданій желудка и кишекъ виднѣлся проблескъ возвращенія здоровья, я уже сталъ готовиться къ поѣздкѣ въ Минскъ, въ Ваше по прежнему главное вѣдѣніе: объ этомъ я писалъ Вамъ. Но болѣзнь не удалилась: сухой кашель съ рвотами, боли груди и горла, а наконецъ огромныя, безпрерывныя кровотеченія 56 дней сразу—меня чрезмѣрно ослабили. И вотъ еще сегодня врачи запрещаютъ мнѣ выѣхать изъ дому даже въ Петербургъ ранѣе 2-хъ—3-хъ недѣльнаго срока и то при теплой погодѣ: а большую поѣздку предпринять до совершеннаго открытія весны, ранѣе конца апрѣля или начала мая, никакъ я не могъ бы. Съ пріѣзда моего и до сегодня я еще не былъ въ С.-Петербургѣ. Между тѣмъ и по настоянію (говорятъ) Вашимъ и графа Ѳ. Ѳ-ча поспѣшить присылкою къ Вамъ кого-нибудь, чтобы какъ-нибудь поскорѣе взяться за продолженіе дѣла мною начатаго и по болѣзни моей, которая въ эту зиму препятствовала (говорятъ) правильному ходу и преуспѣянію церквестроительныхъ работъ,—непремѣнно назначать къ Вамъ другого дѣятеля. Искренно всею душою сожалѣю, что дѣло, ставшее высокою цѣлью моей жизни, кото-

рое изучилъ я спеціально и основательно во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, которое велъ такъ усердно, внимательно безкорыстно, съ такимъ самопожертвованіемъ и потерями невозвратными, съ такимъ сердечнымъ желаніемъ добра и пользы Государству, народу, духовенству, и церкви, и всѣмъ трудящимся для нея, что дѣло это теперь, по болѣзни моей, во время зимы перейдетъ въ другія руки. Жаль, что оно не было передано лѣтомъ, когда и до прошлой зимы не пропало бы много времени, и я, находясь еще въ Минскѣ, могъ-бы по крайнему разумѣнію моему пособить преемнику труда—ближе ознакомить его съ дѣломъ мнѣ хорошо извѣстнымъ. Пользы собственно для церкви, было бы тогда больше. Жаль, очень жаль—говорю я, но эти личныя сѣтованія мои теперь уже ничего не значатъ. Подъ опытнымъ руководствомъ Вашимъ, съ могучими всесторонними содѣйствіями и Губернатора и здѣшняго начальства, вѣрно теперь церквестроительство подвинется быстрѣе и лучше. Въ сущности я дѣйствительно того убѣжденія, что въ чьихъ бы рукахъ святое дѣло ни было—лишь бы оно выигривало, лишь бы шло къ лучшему, вѣрнѣйшему успѣху. Божью ниву кто-бы ни воздѣлывалъ, лишь бы она была получше воздѣлана, кто-бы ни трудился, лишь бы побольше пользы было отъ его труда, хотя бы безмезднаго, даже не признаннаго, или осуждаемаго, какъ иной разъ мои смиренные, но совѣстливѣйшіе труды. Конечно не всякій будетъ имѣть въ душѣ болѣе глубокую преданность къ пользамъ церкви православной; болѣе стараться соединить ее съ разумною преданностію Государству, заботливостью о пользахъ духовенства и народа, имѣть болѣе сердечнаго влеченія къ Вамъ, Преосвященнѣйшій Владыко, какъ отличному Архипастырю и превосходному человѣку, о которомъ я здѣсь и вездѣ немало добрыхъ словъ говорилъ и писалъ!! Писалъ я уже Вамъ, кажется, что никакая желѣзная воля, никакое желѣзное здоровье не устоятъ предъ волею Провидѣнія подъ ударами судьбы. И въ этомъ случаѣ каждому, хоть и не оптимисту, надо искать лучшаго, новые дѣятели будутъ имѣть новую поддержку у дѣлопроизводителей здѣшнихъ, поддержку, которой (къ сожалѣнію для пользы церкви) я не имѣлъ,

напротивъ... слѣдовательно, все пойдетъ отлично. Вѣдь пословица говоритъ: „на кого Богъ, на того и люди"; можетъ быть Провидѣніе, заботясь о православной церкви, послало мнѣ болѣзнь, чтобы избрать себѣ другіе лучшіе сосуды, болѣе меня достойные, болѣе счастливые... И дай Богъ! О, дай Богъ успѣха церковному дѣлу! Изъ глубины души молюсь, и да услышитъ Господь грѣшныя молитвы мои!

Отъ зоркаго вниманія Вашего конечно не ускользнулъ одинъ изъ главныхъ, болѣе рѣзкихъ недостатковъ моихъ: „излишняя прямота и слишкомъ откровенная правдивость". Какъ бываетъ обыкновенно, я вижу, замѣчаю этотъ порокъ въ другихъ и думаю: къ чему онъ? Въ нашъ гладко-выполированный вѣкъ, когда стараются и думаютъ придать мягкость и нѣжность каждому, даже смертельному удару, наносимому душѣ врага, когда такъ ловко умѣютъ золотить самую ядовитую пилюлю, и дать не только приличныя и законныя, но даже пріятныя формы поступкамъ самымъ неблаговиднымъ, иной разъ дѣламъ вопіющей несправедливости, къ чему эта неумѣстная правдивость, самостоятельная откровенность, неизгибающая прямота? Говорятъ: вѣкъ рыцарства минулъ, чтобы ратовать за правду,—ради одной правды. Нынче ваше здоровье нагоняетъ болѣзнь вашимъ врагамъ, ваши удачи сокрушаютъ и терзаютъ, дѣлаютъ вамъ цѣлыя массы новыхъ враговъ и никто изъ нихъ не проститъ вамъ ничего никогда, въ особенности вашихъ достоинствъ, нынче слово правды часто болѣе дѣлаетъ недовольныхъ, болѣе озлобляетъ, нежели самая наглая безстыдная желѣзная ложь, мило и ловко сказанная... Все это я знаю и никакъ не могу одолѣть въ себѣ того порока: онъ сильнѣе меня и я не могъ не поддаться ему опять, бесѣдуя съ Вами въ этомъ письмѣ тотчасъ же по полученіи Вашего добраго письма, прямо и откровенно высказываясь и въ моихъ простыхъ безхитростныхъ словахъ выражая всю душу мою, которая для Васъ всегда была открыта безкавѣтно. Дай Богъ, чтобы перебирая въ Вашей обширной и многообъемлющей памяти калейдоскопъ лицъ и событій—всегда связанныхъ между собою въ дѣлахъ земныхъ, какъ бы въ волшебномъ фонарѣ промелькнувшихъ передъ Вами въ Вашу

многоопытную жизнь. Вы, при случаѣ останавливали на мнѣ доброе воспоминаніе и судили бы обо мнѣ не такъ какъ судятъ иные, незнающіе меня, или ненавидящіе „правды ради". Прости имъ Господи! А Ваше Высокопреосвященство въ моей памяти, въ моемъ сердцѣ остались всегда свѣтлой чертой, какъ человѣкъ достойный истиннаго уваженія и особой, самой искренней, глубокой привязанности, которою полна душа моя.

Теперь я опять въ раздумьи стою на распутьи жизни, безъ ясно опредѣленнаго дневного служебнаго занятія, съ едва начавшимъ выздаравливать тѣломъ, съ больною разбитою душой... Помилуй меня Господи! Помолитесь обо мнѣ, благословите меня, Преосвященнѣйшій Владыко!

Жена моя очень серьезно нездорова и мои дѣти просятъ того же Вашего Архипастырскаго благословенія.

Касательно Вашего порученія о постройкѣ службъ я переговорю съ братомъ при первомъ свиданіи (недѣли черезъ 2 или 3) и немедленно увѣдомлю Васъ объ отвѣтѣ. А во Св. Сунодѣ денегъ нѣтъ, это вѣрно.

Позвольте при этомъ напомнить Вамъ обѣщаніе Ваше подарить намъ въ семью нашу Вашъ портретъ масляными красками. Если эта мысль и слово не забыты Вами, прошу Васъ исполненіе не откладывать въ долгій ящикъ. Любя Васъ истинно, я рѣшаюсь возобновить эту просьбу мою.

Душою Вамъ преданный *Н. Мейеръ*. 19 февраля 1862 г. Царское Село.

Минскъ, 16 марта 1862 г.

Милостивый Государь

Петръ Мартиновичъ!

Третьяго дня я получилъ письмо Ваше отъ 19 истекшаго февраля. Посланіе это, исполненное сѣтованій на судьбу, на враговъ, на неудачи серіозно испугало-бъ меня, еслибъ я не зналъ, что Вы . . . . . *) что въ такомъ состояніи человѣкъ поддается крайней мнительности. Не въ пылкомъ ли воображеніи Вашемъ гнѣздятся враги Ваши? А если и такъ, то кто жъ ихъ не имѣетъ? Кто изъ смертныхъ не подвергается неудачамъ, скорбямъ, болѣзнямъ. Только

*) Написано лат. шрифтомъ неразборчиво — Редак.

малодушные падаютъ подъ неудачами. Васъ же я причислялъ къ древнимъ, стойкимъ, у которыхъ было правиломъ . . . . . *) но повторяю, Вы . . . . . *) и мнительность одолѣла Вами. Надѣюсь, что и здоровье Ваше скоро укрѣпится, оправится жена Ваша и Вы поспѣшите съ пріѣздомъ въ Минскъ для продолженія трудовъ по устройству церквей Минской Епархіи.

Пишете, Петръ Мартиновичъ, будто-бы (какъ говорятъ) по настояніямъ моимъ и Графа Э. Ѳ. назначатъ на мѣсто Ваше иного дѣятеля для церковно строительныхъ работъ. Удивляюсь, что Вы, Петръ Мартиновичъ въ основаніе такого убѣжденія принесли пошлое *говорятъ*, увѣряю Васъ честнымъ словомъ, что подобное настояніе мнѣ и въ умъ не приходило. Правда, что, предусматривая будущія помѣхи отъ проявившагося здѣсь польскаго патріотизма, я полушутя попрекалъ Васъ за неуспѣшность дѣла: но тогда, какъ и нынѣ, считаю Васъ незамѣнимымъ по Вашимъ способностямъ, опытности, любви къ подобнаго рода занятіямъ, честности, испытанному безкорыстію и примѣрной энергіи въ дѣлопроизводствѣ. Надѣюсь, что начальство съ такой же стороны знаетъ Васъ и что только въ крайности разстроеннаго здоровья Вашего рѣшится замѣнить Васъ другимъ.

И такъ, по вышесказанному я остаюсь въ полной надеждѣ, что Вы, Петръ Мартиновичъ, возвратитесь къ намъ для продолженія начатыхъ работъ, лишь бы Господь скорѣе возстановилъ и укрѣпилъ Ваше и Маріи Ивановны здоровье, чего отъ всего сердца желаю Вамъ и себѣ.

Вашъ и Вамъ неизмѣнно преданный слуга и Богомолецъ *Михаилъ* А. Минскій.

P. S. Масляный портретъ мой взялъ для скопированія извѣстный Вамъ живописецъ Ходасевичъ и онъ еще не вернулся изъ Бобруйска.

Копія.

Ваше Высокопревосходительство.

Когда, при занятіяхъ церквестроительнымъ дѣломъ, Вы изволили возложить на меня обязанность Предсѣдателя

*) Написано неразборчиво.-Редак.

Минской Комиссіи по политическимъ дѣламъ, это было въ самый разгаръ послѣднихъ мятежныхъ усилій взволновать умы жителей Западныхъ губерній для увлеченія ихъ въ явный бунтъ противъ Русскаго Правительства. Эпоха была слишкомъ замѣчательной, чтобы я могъ равнодушно пропустить ее мимо глазъ, не занеся въ мои замѣтки—хотя какъ память пережитыхъ въ 1861 году необыкновенныхъ смутъ и тревогъ,—начиная съ самаго перваго проявленія еще безоружныхъ мнимо-религіозныхъ мятежно политическихъ манифестацій въ Вильно, чрезъ которую 6-го Августа проѣзжалъ я въ Минскъ.

Набросивъ замѣтки по ежедневнымъ событіямъ въ краю, мнѣ довольно извѣстномъ, видя и зная все совершавшееся вблизи меня, имѣя сношенія серьезныя со всѣмъ высшимъ мѣстнымъ Начальствомъ и съ жителями губерніи, и слѣдя за волнователями края,—невольно пришелъ я къ мысли, что для правительства было бы не лишнимъ имѣть въ виду и эти замѣтки. Тотчасъ-же далъ я переписывать ихъ для представленія Вашему Высокопревосходительству. Но едва онѣ были заканчиваемы перепискою, какъ я опасно заболѣлъ (что извѣстно и Вамъ) отъ употребленія пищи, имѣвшей въ себѣ ядъ мѣлянки. Едва я выжилъ; едва весною 1862 года могъ явиться къ Вамъ.

Не получивъ разрѣшенія въ свое время представить Вамъ мою записку и потомъ слыша отовсюду полную увѣренность въ совершенномъ спокойствіи края, благодаря мѣрамъ, принятымъ Правительствомъ,—полагалъ я, что мои замѣтки ошибочны и утратили значеніе свое для всѣхъ, кромѣ меня, и то-какъ одно воспоминаніе о давно прошедшемъ, всѣми забытомъ. Вдругъ такъ быстро возникли и разлились кровавыя событія, подтверждающія горькую истину многихъ словъ въ замѣткахъ моихъ... Хотя нѣтъ сомнѣнія, что эти недозрѣвшія вспышки, не имѣющія матеріальной силы будутъ непремѣнно подавлены, но связанныя съ этими событіями усилія Поляковъ охватить мятежомъ западныя губерніи, указывая на продолженіе въ нихъ тѣхъ-же давнихъ замысловъ,—полагаютъ на меня обязанность, какъ на русскаго и вѣрноподданнаго, представить мои за-

мѣтки Вашему Высокопревосходительству и просить Васъ повергнуть ихъ благовозрѣнію Государя Императора,—въ томъ предположеніи, что вѣрный очеркъ (отъ 1 до 50 стр.) политическаго положенія Минской губерніи въ 1861 году можетъ уяснить взглядъ на общее положеніе края, болѣе или менѣе сходное съ состояніемъ Минской губерніи: указаніе-же обширныхъ предѣловъ зла можетъ дать идею о средствахъ, клонящихся къ тому, чтобы въ будущемъ сдѣлать невозможными и попытки и желанія возстать и отторгнуться,—связавъ этотъ край съ Россіею болѣе прочными неразрывными узами.

Съ того времени, какъ замѣтки мои были переписаны въ Минскѣ (писаремъ Губернскаго Жандармскаго штабъ-офицера и чиновникомъ Палаты Государственныхъ Имуществъ) прошло болѣе 15 мѣсяцевъ, и правительство приняло много полезныхъ мѣръ, которыя исключаютъ многія указанія мои изъ 2-й части замѣтокъ;—но я не отдѣляю ихъ для того, чтобы Ваше Высокопревосходительство могли видѣть всю искренность желанія моего быть полезнымъ Государству (по моему крайнему разумѣнію), хотя бы я и ошибался въ выраженіяхъ этого желанія и въ предположенныхъ мною тогда мѣрахъ; чтобы Вы изволили оцѣнить всю прямоту моихъ словъ о предметѣ такомъ жгучемъ и не безопасномъ, сказанныхъ въ совершенную пору, сказанныхъ очевидцемъ, душевно любящимъ свое отечество.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять благосклонно подносимыя замѣтки съ приложеніями—въ томъ видѣ, какъ онѣ составлены и переписаны въ Минскѣ въ октябрѣ 1861 года и вѣрить глубокому почтенію моему и совершенной преданности. Подписалъ *П. Мейеръ*.

Гор. Царское-Село,
31 Января 1863 года.

Его Высокопревосходительству

Петру Александровичу

Валуеву.

Приложеніе къ Запискамъ.

(Польскія прокламаціи).

О ВОЗСТАНІИ ПОЛЬШИ.

Поднимаемъ предметъ, который неоднократно былъ уже разсматриваемъ, который прошелъ чрезъ теоретическую критику, чрезъ опыты практическіе, и, несмотря на то, все еще не исчерпанъ—потому, что не разрѣшилъ задачи, которую предложено ему рѣшить. Мы говоримъ о возстаніи Польши.

Размышляя о Польшѣ, останавливаясь надъ ея прошедшимъ и настоящимъ положеніемъ, сравнивая состояніе это съ политическимъ положеніемъ Европы, и совокупляя гадательно всѣ благопріятныя и неблагопріятныя обстоятельства, могущія имѣть прямое или косвенное вліяніе на быть отчизны нашей,- нельзя не придти къ тому окончательному заключенію, что политическое „существуе" („jestem") Польши прежде всего зависитъ отъ нея самой, и что независимаго существованія своего Польша не выпросить, не вымолитъ, не дождется, не выиграетъ въ лотерею, не выторгуетъ, не придумаетъ и судомъ не докажетъ.

Одинъ, единственный только путь остается ей достигнуть независимости это: взяться за оружіе, т. е. произвести возстаніе народное. Итакъ весьма возможно для насъ какъ можно чаще обращать мысль нашу къ возстанію и уяснять передъ собою и передъ другими пути, ведущіе къ нему.

Вопросъ возстанія долженъ быть разсматриваемымъ съ двухъ сторонъ: 1) со стороны необходимости его и 2) со стороны возможности.

Необходимость и возможность!... о первой не было бы и рѣчи, если бы ошибочное и ложное, а иногда и преступное увлеченіе нѣкоторыхъ политическихъ партій польскихъ не возбудили сомнѣній и не сдѣлали бы путаницы въ соображеніяхъ поляковъ относительно обязанностей ихъ къ отечеству. Поэтому мы обязаны обширнѣе обдумать необходимость возстанія, и отдѣльно разсмотрѣть необходимость и отдѣльно возможность.

Необходимость возстанія.

Необходимость возстаньи дѣлится на политическую и нравственную. Политическая сторона основывается на той аксіомѣ, которая выражена Маврикіемъ Мохнацкимъ слѣдующими словами: „въ политикѣ пока станетъ надежды, будемъ надѣяться, не полагаясь даже на наши чувства". (Powst. nar. pol. t. 2 str. 699). Изъ этого возникаетъ вопросъ: Какая Польша въ настоящемъ положеніи дѣлъ политическихъ можетъ занять мѣсто въ соображеніяхъ: та ли, которая, подавая явные признаки жизни, домогается правъ существованія; или та, которая, довольствуясь съ покорностью настоящимъ положеніемъ своимъ, позволяетъ только догадываться, что она существуетъ. Не надо быть глубоко ученымъ, ни очень умнымъ человѣкомъ, чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Несмотря на то, однакоже, доходили и доходятъ къ намъ разсужденія, указывающія на дипломатическіе лабиринты, какъ на нормальный путь, которымъ Польша достигнетъ независимости, ссылаясь на примѣръ княжествъ Дунайскихъ и Италіи, которыя дождались удачныхъ результатовъ отъ такого рода комбинаціи. Довольно сравнить положеніе Польши съ положеніемъ княжествъ и исторіею Италіи, чтобъ видѣть полную нелогичность этихъ примѣровъ.

Княжества Дунайскія признаютъ верховную власть Порты, борющейся со смертію. Турція—это тотъ Николаевскій „больной", котораго леченіемъ занимается Россія, съ свойственною ей заботливостію. Россія уже давно объявила необходимость сдѣлать ампутацію нѣкоторыхъ членовъ Турціи,—и такъ явно, что въ регламентѣ органическомъ, изданномъ Киселевымъ, который, по окончаніи войны 1828-го 1829 годовъ, устраивалъ Княжества, предусмотрѣно соединеніе Молдавіи и Валахіи. Такъ это соединеніе, будучи простымъ послѣдствіемъ заботливости Петербургскаго кабинета, пользующаго больную Турцію ослабляющими средствами, никакъ не можетъ подать надежды больной Польшѣ, чтобы консиліумъ, въ которомъ главную роль играетъ Россія, прописалъ для нея средства укрѣпляющія. Завися отъ боля-

щей Турціи, какъ отъ верховной владычицы, а отъ могущественной Россіи, какъ отъ попечительницы, а также и отъ Европы, заинтересованной восточнымъ вопросомъ, и въ особенности отношеніями кабинета Петербургскаго къ Высокой Портѣ, отношеніями, составляющими всю трудность восточного вопроса,—княжества могли дождаться соединенія. Кабинеты, которые не боятся могущества Россіи на востокѣ, согласились на это соединеніе. Кабинеты, не опасающіеся этого могущества, сказали свое слово „veto". Но большинство оказалось за соединеніе. Молдавія и Валахія достигли его безъ возмущеній, безъ жертвъ, безъ кровопролитія, спокойно дождались того, что Россія обѣщала имъ еще въ 1829 году и за что Молдаване почтили Киселева памятникомъ въ Яссахъ. Большинство дипломатовъ могло склониться въ пользу княжествъ потому, во-первыхъ, что они аргіогі имѣли голосъ Россіи, обѣщанный имъ за 25 лѣтъ предъ тѣмъ, и голосъ Франціи, данный отъ желанія соединенія, объявленнаго Молдавскимъ и Валахскимъ диванами. Голосъ этотъ княжества получили въ свою пользу потому, во—вторыхъ, что каждая изъ пяти великихъ державъ, составляющихъ дипломатическій ареопагъ, участвовали въ дѣлѣ княжествъ не какъ истцы, но какъ судьи, заинтересованные въ дѣлѣ не прямо—а косвенно. А потому результатъ могъ быть для княжествъ справедливымъ и благопріятнымъ. Дѣло шло только о пріобрѣтеніи голоса Пруссіи, менѣе всѣхъ заинтересованной въ этомъ вопросѣ... Такое ли положеніе Польши? Польша между пятью великими державами, разрѣшающими вопросъ, имѣетъ противъ себя разомъ три голоса, съ давленіемъ всей нѣмецкой конфедераціи, находящейся подъ вліяніемъ Австріи и Пруссіи. Поэтому на первыхъ порахъ Польскій вопросъ дипломатика не только не возьмется разрѣшить окончательно; но даже и не прикоснется къ нему,—потому что Россія, Австрія и Пруссія не допустятъ даже принять его въ разсмотрѣніе.

Священный союзъ, не существующій—какъ увѣряютъ—для всякаго другого дѣла,—дѣйствителенъ во всей своей силѣ только относительно Польши. Между пятью великими державами нельзя и придумать такой комбинаціи, въ кото-

рой бы большинство объявило себя въ пользу Польши, и могло бы выдвинуть ее не только изъ полузависимости, въ которой были княжества въ отношеніи къ Турціи, но даже при совершенной зависимости Польши отъ трехъ первоклассныхъ державъ дать ей полузависимость отъ нихъ. Не составляя себѣ мечтательныхъ надеждъ, а взглянувъ прямо въ глаза дипломатамъ, мы увидимъ, что они въ отношеніи къ Польшѣ находятся въ слѣдующей пропорціи: три голоса изъ пяти—явно враждебны Польшѣ: а два изъ пяти—дружественны условно, а потому и ненадежно.

Допустимъ (вѣдь во всѣхъ разсчетахъ, даже и въ политическихъ, предположенія дозволены), что двѣ пятыхъ изъ пентархіи дипломатической искренно и сердечно желали бы независимости Польши... какимъ же способомъ могли бы они заставить три пятыхъ согласиться съ ними? Очевидно, что тутъ не нужны ни конгрессы, ни конференціи, ни ноты, ни меморіи, но война, т. е. союзъ Франціи съ Англіей противъ Россіи, Пруссіи, Австріи и всей средней Европы: слѣдовательно война за Польшу, раздѣленіе дипломатовъ на два лагеря, неимѣніе посредниковъ и примирителей... и все таки война,—какъ и сколько, объ этомъ не разсуждай! Спрашиваемъ теперь, возможна ли такая война? Возможность такой войны допустить должно въ такомъ только случаѣ, если бы Польша сама вызвала, т. е. если бы такъ возмутила миръ въ Европѣ, что для возвращенія его, для обезпеченія своихъ собственныхъ интересовъ, поставленныхъ въ столкновеніе съ противуположными интересами трехъ сѣверныхъ державъ, Франція и Англія вынуждены были бы оружіемъ образумить завоевателей и дѣлителей Польши и заставить ихъ удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ домогательства поляковъ. Здѣсь вотъ можемъ взять въ примѣръ Италію... Правда,—Италія совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ къ Австріи, нежели Польша къ тремъ врагамъ своимъ; дѣло Италіи гораздо легче! однакожъ была бъ Италія возстановлена, если бы Ламбардо—Венеція была довольна Австрійскимъ правленіемъ? Разсмотримъ исторію послѣдняго десятилѣтія (съ 1848-го до 1858 годовъ). Италія въ постоянномъ кипѣніи, броженіи: ни на одинъ часъ безпре-

рывная борьба не перестанетъ между итальянцами съ одной, а нѣмцами и всѣми ихъ союзниками, съ другой стороны. Заговоры слѣдуютъ за заговорами: взрывы слѣдуютъ за взрывами: убійства, явныя и тайныя, и казни не прекращаются ни на минуту; а изъ этого всего, о чемъ порядочные люди съ ужасомъ говорили, противъ чего добросовѣстная литература возставала съ благочестивымъ негодованіемъ, —изо всего этого возникаетъ война за независимость Италіи. Тѣ же, которые вѣрятъ въ чужую помощь и надѣются на нее, должны помнить, что никакая помощь не спадетъ для Польши „ни съ того, ни съ сего", не придетъ „вотъ такъ себѣ", а нужно ее устроить, нужно вызвать. Для чего не пособить?—пособять! но если будетъ кому; если мы разовьемъ такія силы, на которыя можно будетъ разсчитывать, т. е., если выработаемъ у себя состояніе постоянной борьбы, постояннаго ни чѣмъ не усмиряемаго мятежа. Англичане подвозятъ черкесамъ на Кавказъ аммуницію—потому что черкесы безпрерывно дерутся.

Франція, Россія и Англія соединились на помощь грекамъ (1827 г.) тоже потому, что греки сражались; за Сербію вступилась Россія,—потому что Сербы дрались; Италіанцамъ спѣшитъ съ помощью Франція,—потому что итальянцы не давали Европѣ покоя; даже бѣдная микроскопическая Черногорія привлекаетъ къ себѣ посторонную помощь,—потому только, что черногорцы постоянно воюютъ. Греки, Сербы, Италіанцы, Черногорцы—дождались помощи въ войнѣ, которую они вели сами; но не въ ожиданіи помощи для начала войны. Чехи, Болгары не воюютъ, такъ никто объ нихъ и не думаетъ; никто не домогается правъ самобытности и обезпеченія народности тѣхъ народовъ, которые сами о себѣ не думаютъ, сами о себѣ не напоминаютъ. И Польшею интересовалась Европа, пока Польша, хотя слабо и легко, боролась съ грабителями. До 1848 года была она въ мысляхъ и на устахъ дипломатовъ; послѣ 1848 г. она забыта. Отъ чего? Вотъ теперь, положа руку на сердце, скажемъ себѣ откровенно: отъ того, что мы увлеклись ложными толкованіями и дипломатическими софизмами,—отъ того, что въ сердца наши закрался страхъ кровопролитія, тотъ страхъ, который, подъ предлогомъ состраданія къ могущимъ осиро-

тѣть матерямъ, сестрамъ, женамъ, бабушкамъ и коханкамъ*), называется по просту трусостью. И хотѣть, чтобы Европа помогла трусамъ? Хотѣть, чтобы трусами интересовались дипломаты? - это значитъ желать невозможнаго. Европа и дипломаты видятъ Польшу, благоденствующую подъ милостиво-отечески просвѣщенными правительствами: историческія имена поляковъ красуются въ спискахъ вѣрныхъ слугъ нашихъ Царствъ; грабителей шляхта въ общественныхъ совѣщаніяхъ своихъ осуждаетъ порабощеніе края; поэты поютъ гимны въ честь Царя, ксендзы молятся за Царя и Короля; такъ, конечно, дипломаты имѣютъ полное право вовсе не заботиться о судьбѣ Польши. Настоящее проявленіе жизни Польши ясно доказываетъ Европѣ, что Польша вполнѣ довольна своимъ положеніемъ, что она отреклась отъ самобытности и вовсе не думаетъ о ней. Утверждаютъ, будто нѣкоторыя государства желали бы ослабить Россію: въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но кто именно? Прежде всѣхъ архибольная Турція, потомъ сограбительница Польши — Австрія; на конецъ могущественная на морѣ Англія. Характеръ этихъ естественныхъ враговъ Россіи такого рода, что нѣтъ возможности склеить изъ нихъ какую нибудь помощь для Польши; потому что въ вопросѣ польскомъ Австрія отдѣляется и становится на сторону своей сообщницы Россіи.**)

---

*) Любовницамъ.

**) Аристократія польская, порожденіе раздробленія края, которую на угнетеніе насъ подарили намъ грабители наши, надѣлила насъ дипломатикой, которой исхо ною точкою за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ были вымыслы о полномъ и неразрывномъ соединеніи Польши съ Россіей, а теперь дипломатика этой аристократіи вращается въ кругѣ мысли спасенія Польши Австріею. Нѣкогда она имѣла девизомъ соединить славу Александра I-го съ благоденствіемъ и воскрешеніемъ забытой Польши (читай воспоминанія о народномъ возстаніи Польши. М. Мохнацкаго, отъ стр. 656 до 715); теперь она хочетъ соединить ужъ не знаемъ что, — развѣ набожность Франца Іосифа съ независимостью Польши. Сколько было смысла въ первомъ,—показала исторія; сколько смысла во второмъ представляемъ судить здравомыслящимъ читателямъ по часто повторяющимся, то со стороны Россіи, то со стороны Австріи, предупрежденіямъ „не касаться вопроса польскаго", какъ скоро въ Европѣ коснутся оружіемъ какого либо дѣла, имѣющаго хотя самое отдаленное отношеніе къ Польшѣ.

потому что Турція отдѣляется какъ слишкомъ слабая, а Англія сильна только на морѣ; помощь ихъ возможна только впослѣдствіи, т. е. она можетъ прійти въ помощь только къ совершившемуся уже въ Польшѣ возстанію. Можно надѣяться, что англійскіе и французскіе корабли прибудутъ къ берегамъ польскимъ, подвезутъ оружіе и аммуницію; но только въ такомъ случаѣ, если эти берега покрыты будутъ корпусами возставшихъ, возмутившихся поляковъ, которые употребляютъ на обоюдно полезное для каждаго изъ нихъ дѣло (Англо-франко-польское) это оружіе и аммуницію. Можно смотрѣть на Турцію, прямо какъ на основаніе военныхъ операцій, но только въ такомъ случѣ, ежели она будетъ служить опорою для корпусовъ мятежниковъ, дѣйствующихъ на Украинѣ. Можно не безпокоиться объ Австріи, но только тогда, ежели ее займетъ возстаніе Галиціи, связанное съ Венгерскимъ*). Можно, наконецъ, разсчитывать и на Францію, которая въ такомъ дѣлѣ, какъ польское, не станетъ противъ Польши; и если не пришлемъ ей своихъ зуавовъ,—въ чемъ даже и сомнѣваться не слѣдуетъ, то по крайней мѣрѣ убѣдитъ Пруссію и Германію, чтобы онѣ оставались въ положеніи вооруженнаго или невооруженнаго нейтралитета—до того времени, пока Польша не добьется полной независимости. Но чтобы всѣ эти „можно" было можно примѣнить къ нашему дѣлу въ видѣ надежды, необходимо намъ прежде всего возстать всѣмъ до одного.

„Безъ этого въ Европѣ", говоря, какъ Хлопицкій выразился о Подоліи и Украинѣ, „ни одной щепотки пороху нѣтъ для Польши, а у дипломатовъ нѣтъ ни одной капли чернила для ея пользъ". А потому необходимо, чтобы тѣмъ государствамъ, которыя желаютъ послабленія Россіи, мы до-

---

*) Очень важно для насъ, какъ въ политически революціонномъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ, поддержаніе союза съ сосѣдними и смежными съ Польшею знаменито храбрыми Венгерцами;—союза, который мы въ 1848 и 1849 годахъ заключили, написали нашею кровью и утвердили на взаимномъ интересѣ вырваться изъ подъ власти Габсбургскаго дома. Спрашиваемъ: для чего же нѣкоторые поляки съ 1849 года употребляли всѣ способы и случаи, чтобы поссорить насъ съ Венгерцами?

казали положительно, что они, не компрометтируя себя, могутъ заключать союзъ съ нами, чтобы мы въ самомъ началѣ могли навѣрно доконать Россію.

Необходимо, чтобы мы открыли имъ такое пространство, чрезъ которое они, не имѣя надобности итти окольными путями, или ощупью пробовать ея слабыя стороны, и не прибѣгая къ дипломатическимъ ухищреніямъ, могли ударить прямо на нее и прямо въ эту слабую точку. Однако недавно мы видѣли, во что обратилась война восточная безъ возстанія Польши...

Надо намъ убѣдиться и вначалѣ проникнуться мыслію, что помощь посторонняя въ отношеніи къ возстанію Польши будетъ соразмѣрно съ самымъ возстаніемъ ея, т. е. чѣмъ возстаніе будетъ сильнѣе и больше, тѣмъ вѣрнѣе и дѣйствительнѣе будетъ помощь. При первыхъ стремленіяхъ своихъ къ независимости, Польша имѣла отъ Европы помощь только моральную, т. е. общественнаго мнѣнія, потому что возстанія ея были лишь отдѣльныя, частями, или мелкія и кратковременныя, а потому не возбуждали въ Европѣ ни интереса, ни довѣрія.

Словомъ здравое и ясное понятіе политики, здравое разсмотрѣніе взаимныхъ отношеній кабинетовъ и народныхъ интересовъ, представляютъ намъ необходимымъ и неизбѣжнымъ возстаніе,—возстаніе постоянное, непрерывное, всегда вооруженное, не входящее ни въ какія соглашенія съ грабителями, даже упадающее для того, чтобы опять возстать съ новой силой... Вотъ самый осторожный шагъ политики, который Польша должна избрать, т. е. это будетъ самымъ практическимъ путемъ, который доведетъ ее до независимости и до соглашеній и тѣснаго союза съ врагами ея враговъ. Внѣ этого пути всякое голословное домогательство справедливости, всякое обращеніе къ великодушію или сочувствію, или милосердному состраданію дворовъ, подъ какими бы то ни было дипломатическими формами, всякое заискиваніе предъ врагами, называемое смѣтливостью или благоразумною умѣренностью,—будетъ только напраснымъ умноженіемъ дѣла Польши и подкапываніемъ ея народной нравственности.

Мы сказали въ началѣ, что необходимость возстанія Польши есть политическая и нравственная. Кажется же, что для всѣхъ, желающихъ понимать, мы здѣсь доказали достаточно политичность возстанія*). Говорили мы только объ одной внѣшней сторонѣ возстанія; о внутренней упоминать не будемъ потому, что больше всего относится она къ эпохѣ самаго возстанія; во вторыхъ потому, что въ самомъ дѣйствіи возстанія всецѣло заключается и внутренняя нравственная его сторона.

Постоянно, безпрестанно мы слышимъ цѣлыя вереницы обвиненій Польши въ ея упадкѣ нравственномъ; и безпрерывно мы встрѣчаемъ примѣры, доказывающіе справедливость этихъ обвиненій. Нравственное паденіе перестало уже быть изъятіемъ.

Безнравственность, деморализація распространяется, какъ зараза, охватываетъ, какъ пламя пожара. Чтобы не упрекнули насъ, что мы кружимся въ сферѣ общихъ мѣстъ, имѣющихъ то неудобство, что они смахиваютъ на безпричинную брюзгливость иноходца,— разскажемъ, съ поименованіемъ мѣстъ и лицъ, одинъ примѣръ, который пронялъ насъ ужасомъ, какъ страшная драма, и который, безъ сомнѣнія, поразитъ такимъ же ужасомъ, дѣйствующія въ немъ лица, если они не раздумаютъ о своемъ положеніи. Театромъ этой драмы былъ уѣздъ Трокскій, въ Литвѣ; дѣйствующія лица: шляхта Трокская,—почтенные помѣщики, владѣльцы значительныхъ имѣній—г. Иванъ Ивановичъ Гагеритатъ, (бывшій давно 16 лѣтъ исправникомъ Трокскаго уѣзда); г-жа Вержбовская, сестра г-жи Ельсперовой; крестьяне и дѣвушки. Драма начинается тѣмъ, что шляхта Трокская, принявъ дѣятельное участіе въ возстаніи 1831 года, выбра-

---

*) Предваряемъ читателя, что все разсужденіе о политичности возстанія въ Польшѣ написано абсолютно соображаясь съ настоящимъ положеніемъ Европы и не касаясь нисколько возможности движеній революціонныхъ, для насъ благопріятныхъ. Въ какомъ бы то ни было положеніи Европы, возстаніе наше имѣетъ всегда шансы на успѣхъ, потому что Польша имѣетъ право существовать независимо, даже хотя бы Европа была наиболѣе противодѣйствующею.

лась въ поле и оставила свои дома. Г. Гагерштатъ, подобравъ себѣ сподручную шайку, неограниченно хозяйничалъ въ уѣздѣ, грабилъ и обиралъ дома шляхетскіе, подъ предлогомъ усмиренія бунта. Въ домѣ Ельспера, который погибъ въ возстаніи, Гагерштатъ позволялъ даже себѣ изнасиловать вдову его, отдавъ ее, по удовлетвореніи своей страсти, на поруганіе еврея Берки и цѣлой своей шайки. Ельсперова не пережила такого позора! Такого рода насилія позволялъ себѣ усердный исправникъ и въ другихъ мѣстахъ, а изъ грабежей составилъ себѣ значительное имѣніе. По окончаніи возстанія, возвращаясь украдкою по домамъ, шляхта увидѣла себя въ отношеніи къ правительству и представителю его—исправнику въ слѣдующемъ положеніи: шляхтичи были виноваты въ возстаніи, исправникъ виноватъ въ грабежахъ, насиліяхъ и явномъ разбоѣ: первые должны были подвергнуться наказанію за бунтъ съ оружіемъ въ рукахъ, а исправникъ за разграбленіе имѣній, предназначенныхъ въ собственность правительства; и потому могли, съ одинаковыми послѣдствіями, исправникъ обвинять шляхту, а шляхта исправника. Взаимное ихъ положеніе было затруднительно: обѣ стороны были преступны предъ закономъ и обѣ спаслись тѣмъ, что исправникъ простилъ шляхту, а шляхта простила исправника; шляхта осталась спокойною въ своихъ селеніяхъ, какъ будто и не принадлежала къ возстанію; а Гагерштатъ за нагребленныя деньги купилъ имѣніе Вилькишки и вошелъ въ общество помѣщиковъ Трокскаго уѣзда. Мы понимаемъ это взаимное прощеніе, данное по неволѣ—опасаясь Сибири. Но шляхта не остановилась на этомъ. Не только простила она, забыла даже, что Гагерштатъ ограбилъ ее, ругался надъ ихъ женами, сестрами, матерями и дочерьми, но даже приняла въ общество свое и приняла сердечно. У себя онъ былъ большой хлѣбосолъ и пріятный въ обществѣ: шляхта бывала у него, и онъ бывалъ въ домахъ у шляхты, веселился съ ними, угощалъ и игрывалъ въ карты. Но потерпѣвшій ея исправникъ никакъ не могъ разстаться съ страстью насиловать женщинъ; съ тою разницею, что не имѣя уже возможности удовлетворить ее на шляхтянкахъ, онъ довольствовался малолѣтними крестьян-

скими дѣвушками; не могъ также разстаться съ страстью разбойничать и засѣкать до смерти крестьянъ, наказывая ихъ безчетными ударами; а иногда, когда былъ въ хорошемъ расположеніи духа, сѣкъ до тѣхъ поръ, пока не выкуритъ трубку, закуренную при первомъ, а законченную при послѣднемъ ударѣ, при которыхъ часто вмѣстѣ съ синеватымъ дымомъ, вылетавшимъ изъ устъ Гагерштата, улетала не одна бѣдная душа крестьянина. Эти и другія подобнаго рода развлеченія онъ позволялъ себѣ не только въ собственномъ имѣніи,—но и въ Друскеникахъ, гдѣ онъ былъ смотрителемъ минеральныхъ водъ; а также и въ Пржевалкахъ и Веселовѣ, которыя онъ арендовалъ. Процессы уголовные, неизбѣжно изъ продѣлокъ возникавшіе, онъ умѣлъ прекращать отличнымъ знаніемъ крючкодѣйства Московскаго и деньгами. А съ шляхтою онъ жилъ очень дружно; шляхта, которая не могла не знать всѣхъ его мерзостей и варварствъ, обнималась съ разбойникомъ, веселилась съ нимъ, и даже въ дружественныхъ бесѣдахъ между собою потѣшалась разсказами о милыхъ продѣлкахъ Гагерштата. Было одно только существо, которое его преслѣдовало, которое, какъ тѣнь, какъ привидѣніе, пристало къ нему, не давало ему покоя. Это была г-жа Вержбовская, сестра Ельснеровой. Бѣдная эта женщина, разоренная до нищеты, прося милостыни, таскалась съ горькими жалобами своими изъ суда въ судъ, отъ губернатора къ губернатору, пѣшкомъ ходила въ Петербургъ и все добивалась правосудія противъ убійцы несчастной сестры ея. Отгоняемая отъ дверей суда, она опять туда возвращалась; проигравъ одинъ процессъ, начинала другой съ новыми жалобами и доказательствами, присоединяя всякій разъ къ своему дѣлу новыя преступленія Гагерштата, которыя она, тщательно выслѣживая, собирала. Отчаянная эта мстительность Вержбовской не мало стоила Гагерштату. Онъ то просилъ ее перестать, то угрожалъ ей, но ничего не помогало. Вслѣдствіе одной изъ жалобъ Вержбовской приказано было сдѣлать розыскъ о поведеніи Гагерштата, розыскъ, въ которомъ показанія обязаны были дать подъ присягою всѣ сосѣди. Съѣхалась шляхта въ Меречь. Двадцать восемь (другіе говорятъ, будто только двѣ-

надцать) самыхъ почтеннѣйшихъ изъ уѣзда Трокскаго помѣщиковъ показали, и присягою утвердили, что Гагерштатъ честнѣйшій человѣкъ... Когда помѣщики присягали торжественно предъ Евангеліемъ и предъ распятіемъ Спасителя, во имя того Христа, который такъ ясно указалъ намъ путь истины,—Вержбовская взобралась на колоколъ и ударила въ набатъ.

Когда мы слышали исторію этой помѣщичьей присяги, —намъ сдѣлалось страшно; мы чувствовали, будто какая то холодная рука сжимала намъ горло; мы слышали болѣзненное біеніе нашего сердца..., какъ это въ такой степени могутъ поляки забывать Бога, совѣсть, человѣчество, всякое чувство справедливости?!...

Исправимся, взываютъ жалобнымъ голосомъ моралисты, но скажите Бога ради, что теперь взыванія и плачъ помогутъ тѣмъ, которые въ пріязни, въ тѣсной дружбѣ съ Гагерштатами!... Дѣла Гегерштата ежедневно повторяются въ каждомъ уѣздѣ. Освоеніе съ проступками, съ воровствомъ, клятвопреступленіемъ и разными подлостями, воплощенное въ чиновникахъ, которыми награждаютъ насъ Царство—грабители, съ которыми помѣщики наши братаются и дружатся —это ракъ грызущій и разрушающій общество Польское. Обыкновенныя средства нравоученія ничего не помогутъ: надо рака вырѣзать, или все общество сгніетъ и погибнетъ! По этому силу лекарства должно соразмѣрять съ силой болѣзни. Если болѣзни Польши лечить станемъ лекарствами, подаваемыми намъ врагами нашими, учрежденіями торговыми, литературными, учеными и артистическими, или, такъ называемыми, средствами, медленной реформы, медленнаго развитія экономическихъ улучшеній, трудолюбиваго хожденія по тернистому пути, и прочими тому подобными товариществами, находящимися подъ покровительствомъ грабителей,—то, навѣрно, больную нашу отчизну отравимъ, залечимъ въ смерть.

Разсмотримъ только: что эта за больная и что это за враги! мы увѣрены, что тѣ же самые шляхтичи Трокскаго уѣзда, если бы имъ тотчасъ послѣ 1831 года даже подъ страхомъ Сибири приказано было присягнуть, что Гагер-

штатъ человѣкъ честный—низачто не присягнули бы: однако по немногу освоясь съ преступленіями, какъ Митридатъ съ ядами, они сроднились съ ними и нравственно усвоили ихъ. Вступая на этотъ путь, вдаваясь въ него все больше и дальше, развращаясь постепенно и все сильнѣе и сильнѣе, они достигли, наконецъ, такой нравственной испорченности, что не только не способны спасти наше гибнущее отечество, не только способны дать еще хоть десять лживыхъ присягъ, но даже распять бы Самого Спасителя, если бы ихъ попросилъ объ этомъ какой-нибудь Гагерштадтъ! И это глубокая испорченность дѣйствуетъ не только въ сферахъ пожилыхъ помѣщиковъ, а прививается какъ оспа къ молодой крови дѣтства. Выносятъ ее дѣти изъ школъ... Да и съ чѣмъ же дитя польское встрѣчается въ училищѣ? Вотъ молоденькій человѣкъ—юная головка котораго едва озаряется первымъ проблескомъ мысли... на первыхъ шагахъ изъ дому родительскаго онъ попадаетъ сразу между шпіоновъ. Да повѣрьте: Директоръ его шпіонъ, инспекторы, надзиратели—все шпіоны; половина учителей шпіоны, онъ уже предваренъ объ этомъ. Почти въ одно время съ молитвой мать научила его таиться предъ учителями, скрывать святыя чувства любви къ страждущей матери отчизнѣ,—если только она сама изъ любви къ дитяти не затаила эти чувства и не скрыла ихъ даже предъ своимъ дитятею. Въ школу вступаетъ онъ боязливымъ лгуномъ: въ школахъ онъ упражняется въ обманѣ и притворствѣ, а узнавъ, наконецъ, хоть тайно о болѣе благородныхъ чувствахъ, о болѣе возвышенныхъ правилахъ, невольно научается презирать учителей и родную мать, а наконецъ и самого себя, потому что чувствуетъ себя слишкомъ немощнымъ, обреченнымъ всегда бояться, всегда лгать, всегда притворяться! Получивъ такое воспитаніе, онъ становится владѣльцемъ, предводителемъ народа, участникомъ въ сотовариществахъ, членомъ общества, совѣтникомъ въ совѣтахъ, чиновникомъ, священникомъ, или воиномъ въ непріятельскомъ станѣ... Спрашивается, гражданство, утверждаемое на такой почвѣ воспитанія, чѣмъ можетъ быть для отечества, особенно такого отечества, какъ наше, страждущаго, несчастнаго? Спраши-

ваемъ еще: если въ такой школѣ систематической, заботливой, предусмотрительной и общей испорченности воспитаны нѣсколько сразу поколѣній, то пятое или шестое послѣ насъ будетъ ли польскимъ? Не новость для Польши развращеніе. Грѣшили и наши предки: при Саксонскихъ короляхъ распьянствовались, развратились; при Станиславѣ-Августѣ продавали отечество съ публичнаго торгу. Пропасть пагубы нравственной разверзлась подъ стопами Польши, и грохнула-бы она въ нее и забыли бы мы уже теперь о ней, если бы не спасли насъ возстанія, если бы пожертвованіе собой отечеству не дѣйствовало какъ могущественная реакція противъ общей безнравственности. Ослабѣвшій духъ польскій воспрянулъ и выпрямился, видя поляковъ обрекшихся на бой и жертвы. Пуловскіе, Косцюшки, Килинскіе, Гловацкіе воздвигли Польшу. Конечно, не завоевали они для нея существованія политическаго: въ этомъ отношеніи, выражаясь дипломатическимъ терминомъ, они сдѣлали только безполезное кровопролитіе; но за то возвратили Польшу къ жизни нравственной, потому что открыли дорогу служенію отечеству, потому что отрезвили пьяныхъ, привели въ сознаніе и пристыдили развратныхъ; потому наконецъ, что посѣяли на обильной почвѣ душъ польскихъ то зерно самопожертвованія, которое дало плодъ въ 1830 году и которое, по истощеніи его дипломатами, опять разсыпалось и разсѣялось отдѣльными зернами по всей польской землѣ—то подъ видомъ одиноко-гибнущихъ мучениковъ, то подъ видомъ мѣстныхъ возстаній—такихъ, какъ походъ Зашевскаго, или какъ возстаніе Краковское (1846 г.), Познанское (1848 г.) и Украинское (1855 г.), то подъ видомъ политическаго скитальчества, соединяющаго дѣла Польши съ дѣлами всѣхъ умственныхъ народовъ и вступающаго въ союзъ со всѣми народами сражающимися за свободу и независимость; то, наконецъ, подъ видомъ заговоровъ, въ которыхъ молодежь, таясь предъ начальниками, наставниками и нерѣдко предъ родителями,—укрѣпляла и вырабатывала независимость духа Польскаго. Жертвы, мѣстныя возстанія, скитальчества и заговоры,—какъ нить преданій, напоминающихъ Полякамъ Польшу, возбуждающая и отрезвля-

юшая ихъ каждую минуту,—служитъ противоядіемъ, противодѣйствіемъ развращенности, доскою спасенія, за которую съ отчаяніемъ ухватился и за которую крѣпко держится духъ польскій, утопающій въ заливающемъ его океанѣ испорченности. Если-бы этого не было, то не въ шестомъ послѣ насъ поколѣніи, какъ мы сказали выше, но теперь, въ настоящую минуту, мы бы не были уже Поляками. Для повѣрки истины этого положенія вспомнимъ только, что именно дѣлаетъ насъ Поляками? не тѣ-ли долгія, тайныя земляковъ единомышленниковъ бесѣды: которыхъ предметомъ были тѣ побѣжденные, кому вмѣсто памятниковъ надгробныхъ воздвигли сухое дерево вислѣлицы?... Не тѣ-ли нескончаемыя преданія о дѣлахъ и людяхъ, олицетворившихъ собою тяжкій трудъ и самопожертвованіе для отечества? Наконецъ, не тѣ-ли пѣсни и стихи, такъ называемые запрещенные, не тѣ-ли сочиненія и книги, неизвѣстно какъ и откуда занесенныя въ Польшу, читаемыя всѣми съ жадностью и сочувствіемъ?.. Да!.. эти то жертвы, мѣстныя возстанія, скитальчества изгнанниковъ, заговоры, разсказываемыя въ бесѣдахъ и преданіяхъ, спѣтыя въ пѣсняхъ, и вычитанныя въ сочиненіяхъ—служатъ противуядіемъ, нейтрализирующимъ отчасти вліяніе помѣщичьей и школьной испорченности. Не дали они закрыть книгу дѣяній Польши, не дали умереть жизни народа. Имъ обязаны мы тѣмъ, что изъ нихъ, какъ изъ искры, можемъ теперь раздуть пламя, въ которомъ сгоритъ все, что враждебно нашей отчизнѣ, все, что въ ней сквернаго, нечистаго.

Увы! есть, къ несчастію, поляки, которые исторію Польши послѣ 1831 г. считаютъ несуществующею, не бывалою, которые съ пренебреженіемъ и насмѣшками осмѣливаются отзываться о событіяхъ, составляющихъ все наше богатство. Тѣмъ полякамъ отвѣтить можно словами, которыя І. Словацкій вложилъ въ уста еврейкѣ, отозвавшейся къ Броницкому, насмѣхавшемуся надъ конфедератами:

— Ну, кто ты, что надъ ними насмѣхаешься? не собака-ли ты, что человѣчьи кости по полю зубами таскаетъ, и надъ ними злится?

Есть другіе поляки которые, бывъ поражены нравственною испорченностью, изъ-за нея не видѣли ничего, и вмѣсто того, чтобы углубляться въ духъ польскій и укрѣплять его своимъ содѣйствіемъ, въ страхѣ надъ судьбою отечества и въ отчаяніи взываютъ: „прежде исправимся, а потомъ возстанемъ"! Этимъ послѣднимъ мы отвѣтимъ: „Возстанемъ и тѣмъ самымъ исправимся!"

Косы, сабли и пики возставшихъ имѣютъ въ себѣ болѣе силы убѣждающей, нежели всѣ вмѣстѣ косныя жалобы, нравоученія и плачъ, кружащіяся въ сферѣ отвлеченностей,— такъ какъ дѣйствіе всегда полезнѣе словъ.

Какимъ-же благословеніемъ была для насъ та эпоха Костюшки? Скопленіе народное вокругъ идеи самопожертвованія, вокругъ высокой и ясной цѣли Завѣщанія, переданнаго намъ чрезъ всѣ наши пожертвованія, есть необходимость нравственная, неизбѣжная, которую не понимаетъ только или дурной, или полоумный полякъ.

Возстаніе, въ отношеніи къ Пулавскимъ и Костюшкамъ и ко всѣмъ нашимъ богатырямъ и мученикамъ, дѣлается для насъ такою обязанностью, какъ для сына исполненіе воли умирающаго отца.

Невыполненіе такой воли будетъ клятвопреступленіемъ: клятвопреступный сынъ—дурной сынъ, дурной сосѣдъ, дурной гражданинъ. Каждая испорченность и каждая добродѣтель имѣетъ свой источникъ. Источникомъ добродѣтели нашихъ героевъ и мучениковъ было самопожертвованіе, доказанное ихъ дѣлами, т. е. возстаніями; и потому всѣ мы, жаждущіе, соединимся у этого чистаго источника, и несмотря на то, что другимъ нравится утолять жажду въ мутныхъ водахъ, мы выполнимъ завѣщаніе нашихъ отцовъ, исполнимъ священную обязанность народную: возстанемъ, братья, отцы, дѣти, возстанемъ всѣ!..

Возможность возстанія.

„Польша хочетъ существовать, но не имѣетъ (возможности) отваги существовать, потому что не знаетъ, какъ ей существовать". (Z. Miroslawsky, Pows: Nar. Polsk.)

Мы не имѣемъ намѣренія мистифицировать читателей, представля имъ удобнымъ то, что не легко: не хотимъ разсчитывать на ихъ легковѣріе: ни уловлять ихъ сердце общими выраженіями, восклицаніями и риторическими блестками,

Скажемъ имъ прямо и откровенно: возстать трудно: но, во первыхъ, возстать необходимо, а потому всякая трудность, какъ бы она ни была велика, исчезаетъ предъ этимъ однимъ словомъ: „необходимо:" и, во вторыхъ, возстать возможно. Поэтому намъ остается единственный долгъ и обязанность обойти и сломить эту преграду. Возможность нашего возстанія измѣряется препятствіями, не дозволяющими намъ подняться съ оружіемъ въ рукахъ. Потому, говоря о возможности, не можемъ не говорить о затрудненіяхъ въ исполненіи.

Въ чемъ состоятъ главныя препятствія возстанія?

Прежде всего: въ насъ самихъ: потомъ: въ усиліяхъ враговъ нашихъ.

Переберемъ по очереди и насъ самихъ и нашихъ враговъ.

Преграждаемъ мы сами себѣ возстаніе особенно тѣмъ, что большинство изъ насъ считаетъ себя не тѣмъ, чѣмъ оно дѣйствительно есть по нашей польской натурѣ.

Общество наше раздѣлилось на шляхту и на не-шляхту, и мы забыли объ истинной исторической причинѣ и основаніяхъ этого дѣленія, основывающагося собственно и исключительно на обязанности защиты края. Шляхта-сословіе рыцарское-пополнилось изъ массы народа Польскаго и настолько имѣетъ право быть шляхтой, насколько оно въ состояніи защитить отечество: и настолько это сословіе имѣетъ право быть прокармливаемымъ и терпимымъ земледѣльцами, насколько,—замѣняя ихъ въ рыцарскомъ ремеслѣ,—для себя и для нихъ обезпечиваетъ существованіе отечества. Призваніе шляхты—не господствовать, послужить-по той простой причинѣ, что, по происхожденію своему, она не завоевательная какъ на западѣ, но это есть тотъ-же народъ, только обязанный Государственною службою.

У насъ названіе chlop (хлопъ) имѣетъ совѣршенно иное значеніе, нежели въ другихъ странахъ: это не paysan не bauer и не мужикъ: можно сказать о шляхтичѣ—tedi chlop, dobry chlop, dzielny chlop, это ни по французски, ни по нѣмецки нельзя перевесть иначе, какъ словомъ: „человѣкъ" („добрый, дѣльный, толковый человѣкъ").

У русскихъ есть выраженіе: добрый малый, славный малый, дѣльный малый, умный малый и пр... Эй, малый! подай воды... Здѣсь слово малый равнозначительно слову chlop.

А потому, еслибы шляхтѣ не стало собственныхъ силъ для службы Государству и на защиту края, то она обязана слиться съ народомъ и поискать силъ въ той массѣ, изъ которой она сама возникла. Преимущества, привиллегіи, исключенія исчезаютъ для нея съ той самой минуты, когда окажется, что они ни къ чему не ведутъ, что ихъ не достаетъ на то, для чего они были даны: а за владѣніе, за долгое пользованіе и за злоупотребленіе тѣми преимуществами, привиллегіями и изъятіями, на шляхтѣ теперь лежитъ непремѣнная, священнѣйшая обязанность начинанія и предводительства массами народа, обязанность выработать и сорганизовать силы народа, обречь себя на неизбѣжный трудъ, на жертвы для отечества. Однако не всякій хочетъ это понять. Многимъ кажется, что они —шляхта, только для себя самихъ, чтобы прежде всего пользоваться кусочкомъ Польской земли, находящейся въ ихъ владѣніи; пользоваться всѣми возможными правами и преимуществами; а службу обществу ограничить какимъ нибудь мелкимъ отъ всего этого процентомъ. Тотъ сунетъ нѣсколько злотыхъ на какое нибудь дѣло богоугодное, или благотворительное; другой напишетъ или только купитъ какую нибудь книгу польскую; иной выпишетъ плугъ усовершенствованный, устроитъ винокурню, заведетъ мериносовъ; иной займется отыскиваніемъ какого нибудь стараго оружія и считаетъ на немъ зазубрины, сдѣланныя мечами враговъ при защитѣ отечества нашими предками; иной еще какое нибудь другое выдумаетъ себѣ развлеченіе, и всѣ они воображаютъ, что служатъ отечеству: а если кому удалось принадлежать къ какому нибудь хоть студенческому (обществу) заговору,

или посидѣть недѣли двѣ въ тюрьмѣ, то онъ совершенно убѣжденъ, что онъ вполнѣ уплатилъ долгъ великаго и крайняго самопожертвованія отчизнѣ. И все это каждый изъ нихъ относитъ къ себѣ, важному родовитому шляхтичу, отдалы отъ себя черни, и этимъ отдаленіемъ становится въ положеніи изолированномъ, дѣлаясь одинокимъ, а потому и безсильнымъ.

Другая часть народа, крестьяне-земледѣльцы,—чувствуютъ это отчужденіе отъ нихъ шляхты; а черезъ то ихъ положеніе тоже становится отдѣльнымъ, особымъ, изолированнымъ; и они, отъ которыхъ всегда отдаляется шляхта, по невѣдѣ сами отдаляются отъ шляхты и заключаются въ себѣ самихъ, не забавляются благотворительностью, книгами, усовершенствованными плугами, мериносами, археологіей, но искоса поглядываютъ на забавляющихся, не понимая, чего хотятъ шляхты, не зная, къ чему тѣ стремятся? даже считаютъ ихъ за особую какую то породу людей,—породу, созданную для ихъ несчастья. Что изъ этого возникаетъ? То, что эта другая часть народа, эти милліоны польскихъ, раменъ,—составляющія силу матеріальную, также безсильны, потому что всѣ они разобщены между собою преступнымъ отчужденіемъ шляхты отъ крестьянъ. Двѣ силы раздѣленныя, или лучше сказать, одна сила, раздробленная на двѣ, выказываетъ общее безсиліе народа. Это раздѣленіе составляетъ аномалію, состояніе удивительно не натуральное, т. е. такое, въ какомъ-бы нашелся единичный человѣкъ, еслибы свой собственный разумъ отдѣлилъ отъ себя...

Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, что врагъ отечества нашего стремится удержать и усилить раздѣленіе силъ польскихъ. Руководствуется онъ въ этой цѣли тѣмъ первоначальнымъ правиломъ войны, которое состоитъ въ томъ, чтобы довести противника до раздѣленія силъ, и покоренія ихъ по частямъ... Diwide et impera. Но нѣтъ ничего не натуральнѣе, какъ то, что мы сами въ этомъ помогаемъ врагу и такимъ образомъ связываемъ себя передъ ними и вредимъ сами себѣ... Препятствіе это не одно, но самое большое и самое чувствительное. Оно къ другимъ препятствіямъ

въ такомъ отношеніи, что если бы его можно было устранить, то всѣ другія упали бы сами собой, высохли-бы и исчезли, какъ ручеекъ, источникъ котораго заваленъ камнемъ. Удержать и увеличить эти препятствія составляетъ главную задачу и усилія врага, который всегда въ отношеніи къ Польшѣ не что иное какъ армія, стоящая въ виду непріятеля: онъ себя и не считаетъ чѣмъ нибудь другимъ отношеніе его къ намъ—это „постоянное военное положеніе", а каждымъ временнымъ перемиріемъ въ промежуткахъ возстаній нашихъ онъ пользуется для ослабленія насъ и для укрѣпленія себя, въ пособіе себѣ и во вредъ намъ, для разстроженія и совершеннаго уничтоженія нашихъ силъ. Его войска должны стоять всегда подъ ружьемъ, а вся его система административная должна быть направлена къ тому: чтобы внимательно слѣдить за малѣйшими движеніями нашего стана, и чѣмъ онъ будетъ бдительнѣе и разумнѣе, тѣмъ намъ будетъ труднѣе достичь своей цѣли. Но, слава Богу, рядъ ошибокъ его и оплошностей помогаетъ намъ много. И мы должны зорко стеречь его, чтобы всѣ ошибки его употреблять въ свою пользу и противъ него.

Всѣ безъ изъятія чиновники въ Польшѣ, тѣ, которыхъ мы еще никакъ не можемъ выжить отъ насъ, сбыть съ рукъ, или склонить на нашу сторону,—это насланные врагомъ шпіоны. Многимъ изъ насъ кажется, что московскіе чиновники здѣсь находятся для какого-то порядка, или для какой-то безопасности общественной, для какого-то правосудія или просвѣщенія... Вовсе нѣтъ! Они у насъ только для подсматриванья за нами и для донесенія о нашихъ движеніяхъ командирамъ, управляющимъ вооруженною силою, которые болѣе всего для насъ опасны. Система административная, включающая въ себѣ и поглощающая наше просвѣщеніе, правосудіе, финансы и религію, и ихъ линейныя войска,—взаимно одни другихъ пополняютъ, одни другимъ пособляютъ:—но съ тою единственною и главною цѣлію, чтобы подавить, уничтожить и предупредить всякое наше нравственное и физическое движеніе, чтобы обратить въ свою пользу всѣ наши рессурсы. Отъ губернатора до послѣдняго сторожа полиціи, отъ министра до послѣдняго писца

въ Уѣздномъ судѣ, отъ главныхъ начальниковъ войскъ до прапорщичьихъ деньщиковъ, во всѣхъ отрасляхъ и развѣтвленіяхъ власти Московской, всѣ представители ея—агенты силы вооруженной, ожидающей въ готовности приказанія къ наступленію и войнѣ. Да иначе и быть не можетъ! А пока это вожделѣнное для нихъ время не наступитъ,—они стараются посѣвать разъединеніе въ нашемъ станѣ; увлекать въ себѣ, переманивать переметчиковъ и подкупать предводителей. Зерномъ всей этой системы, осью, около которой вращается и вьется весь этотъ механизмъ правительственный и чиновничій—это все только армія, управляемая волей одного лица. И не малое это зерно, и не слаба эта ось, потому что сила эта выражается слишкомъ двумя милліонами вооруженныхъ и выученныхъ людей *), вооруженныхъ и выученныхъ на то исключительно, чтобы намъ помѣшать въ возстаніи. И въ виду такихъ препятствій мы до сихъ поръ стояли разъединенные и обезоруженные, съ единственною надеждою или сломать эти преграды, или признать себя побѣжденными, отречься отъ притязанія на независимость, существованіе, отречься отъ отечества.

Изъ этого видитъ читатель, что мы не составляемъ себѣ ни малѣйшаго мечтательнаго обаянія относительно препятствій, происходящихъ отъ насъ самихъ и отъ поставленныхъ намъ врагами нашими.

Мы знаемъ ихъ; и не смотря на это, или лучше сказать, именно потому, что ихъ знаемъ, мы повторяемъ и твердо, съ убѣжденіемъ душевнымъ и разумнымъ, говоримъ: намъ надо, должно возстать, намъ надо сломить преграды

---

*) Войска враговъ такъ расположены: въ Россіи 542,000 армія строевой; 210,000 резервной, 152000 корпуса кавказскаго, 137,000 корпусовъ финляндскаго, Оренбургскаго и Сибирскаго; 98,000 войскъ не регулярныхъ: въ Австріи 561,000; въ Пруссіи съ Ландверомъ 492,000; но, это собственно счетъ армій по строевымъ рапортамъ; слѣдовательно, только на бумагѣ; а на дѣлѣ войскъ этихъ въ строю далеко менѣе. Наше-жъ поголовное возстаніе, если оно совершится въ размѣрахъ, на которые мы на этотъ разъ вправѣ надѣяться, достигнетъ цифры всегда большей, нежели сколько мы будемъ имѣть вражьяго войска противъ насъ.

намъ должно возстановить Польшу. Глубоко убѣждены мы что еслибы каждый полякъ проникся необходимостью возстанія Польши, тогда самое это убѣжденіе уже подало-бы тысячу средствъ уничтожить препятствія: ибо прежде всего отстранено было-бы разномысліе и разъединеніе между шляхтою и крестьянами, чему никакія старанія непріятеля не въ силахъ были-бы помѣшать. Потомъ единодушная, воедино слитая масса народа польскаго-еслибы возстала вдругъ грознымъ исполиномъ,—то самою массою двадцати четырехъ милліоновъ численности своей обрушилась-бы и раздробила въ прахъ эти два милліона выученныхъ людей.... которыхъ притомъ въ сущности не два милліона, но едва, при чрезвычайныхъ условіяхъ, четвертая часть можетъ быть употреблена противъ возстанія; и притомъ употреблена не вдругъ, а частями и медленно двигаясь на огромныхъ пространствахъ; а насъ больше числомъ, мы будемъ вооружены лучше ихъ, мы стрѣляемъ гораздо лучше ихъ и мы у себя, дома, мы должны драться, какъ львы...

„Когда народъ хочетъ выбиться на свободу, говоритъ Г. Высоцкій (*) (повторяю народъ, а не каста), то нѣтъ такой силы на землѣ, которая могла-бы удержать его въ ярмѣ“.. Но оставимъ это! Причислимъ пока только къ pia desideria приготовленіе этого единовременнаго всесокрушающаго перуна... съ нашею шляхтою не сладимъ! По опыту знаемъ, что головамъ недоступно патріотическое единодушіе.

Нашу шляхту всегда что-то удерживаетъ за полу; ежели ей не жаль разстаться съ барщиной, то она чувствуетъ сильное отвращеніе отъ опасности, или боится соціализма, коммунизма, демагогіи и даже невинной демократіи: а если не это послѣднее ее останавливаетъ,—то является еще какая нибудь пустая надежда, мечта, основанная на мыльныхъ пузыряхъ дипломатизма и пробавляющаяся своимъ конькомъ какъ дѣти, которымъ сулятъ на вербѣ груши, о которыхъ съ шутовскою важностью натолковалъ имъ какой нибудь отставной министръ, обанкрутившійся графъ, нажившійся

(*) Курсъ военнаго искусства.

спекулянтъ, недопеченый мудрецъ, или іезуитъ... Наша шляхта и распуститъ уши, заслушается ихъ росказней и повѣритъ имъ на слово или нѣтъ, только готчасъ подъ такимъ благовиннымъ предлогомъ, хотя краснѣя и дрожа внутренно, но все же непремѣнно отложитъ на безсрочное время исполненіе священнѣйшихъ польскихъ обязанностей... А, наконецъ, что хуже всего, раздѣлится на партіи...

Положимъ теперь, что невозможно возстаніе общее одновременное на всей польской землѣ, во всю ея длину и ширину: невозможно потому, что мы знаемъ нашу шляхту какъ слишкомъ малоразумную и слишкомъ мало постигающую дѣло, чтобы можно было сеуперить, уговорить, или упросить: а потому пусть себѣ она и останется въ старомъ, пусть забавляется, вздыхаетъ и разсуждаетъ: посмотримъ: нельзя-ли въ священномъ дѣлѣ освобожденія родины обойтись безъ нея, замѣнить ее чѣмъ нибудь другимъ,—если она останется равнодушной? Съ полнымъ убѣжденіемъ и совершеннымъ знаніемъ дѣла мы отвѣчаемъ.

„Можно!" Здѣсь и тамъ, вездѣ найдутся люди, которые не пожалѣютъ труда, не будутъ затрудняться посвятить себя, обречь себя, пожертвовать собою дѣлу отечества. Шляхты и меньше, чѣмъ народа, и въ народѣ есть такихъ людей до 1863, но достаетъ имъ только тѣснаго и общаго соглашенія. Соглашеніе этой горсти истинныхъ людей, истинныхъ поляковъ должно быть первымъ вступительнымъ условіемъ возстанія. Соглашеніе это слѣдуетъ довести до организаціи, т. е. до созданія такихъ рамъ, въ которыхъ бы могло помѣститься все народонаселеніе Польши, т. е. до приготовленія и устройства того, что называется „кадрами" возстанія.

Разъ создавъ кадры, исполненіе возстанія становится дѣломъ легкимъ и простымъ: остается только высмотрѣть, подстеречь и уловить удобный моментъ и воспользоваться имъ. Несомнѣнно, что Польша уже давно была бы вполнѣ независима, еслибы годы 1848-ой и 1855 застали приготовленными кадры возстанія, имѣющіе совершенную организацію и хотя нѣкоторое знаніе дѣла. Но и безъ этихъ годовъ

случаются минуты, иногда счастливо подготовленныя, а иногда вовсе неожиданныя, минуты какого-то неудовольствія общаго всего народа въ отношеніи къ правительству, какого-то временнаго общаго раздраженія, которыми, имѣя готовые кадры, должно и можно тотъ-часъ-же воспользоваться; напримѣръ: какъ было на Руси*) въ 1847 году, по введеніи Бибиковскихъ инвентарей; какъ это повторяется всякій разъ во время набора рекрутскаго; какъ случается часто безъ всякаго видимаго основанія. Кадры обращали-бы вниманіе на такія нравственныя движенія, старались-бы напрягать, усиливать ихъ, давали-бы имъ направленіе, и черезъ это съ одной стороны нейтрализировали-бы дѣйствіе власти и организаціи непріятельской, а съ другой постепенно приготовляли-бы, расширяли-бы и, наконецъ, создали — огромныя самостоятельныя силы возстанія.

Кадры называть можно иначе: заговоромъ или клятвеннымъ союзомъ и даже просто сотовариществомъ, хотя промышленнымъ, хоть торговымъ, хоть земледѣльческимъ. Мы даемъ названіе кадровъ для того только, чтобы яснѣе высказать собственно важную цѣль организаціи, прикрывающуюся иногда не военнымъ именемъ. Не будемъ здѣсь подробно описывать устройства нами заготовляемыхъ кадровъ потому, что, описывая ихъ для читателей польскихъ, мы описали-бы ихъ также для Московской, Австрійской и Прусской полиціи — въ случаѣ, если бы какъ нибудь неожиданно, случайно, описаніе это попало въ ихъ руки. (Предателей Польша навѣрно теперь не найдетъ). Потому мы въ этомъ случаѣ должны ограничиться общими выраженіями. Скажемъ только, что кадры могутъ быть разные, т. е. сложные и простые, трудные и легкіе: должны же они быть непремѣнно какъ можно простѣйшіе, какъ наилучше скрытые отъ глазъ непріятеля, и какъ можно шире охватывать сѣтью своею Польшу всю, идя оттуда все далѣе и далѣе до самаго сердца Московіи, всюду, гдѣ только бьется сердце польское, будетъ ли оно сердцемъ поселянина, слуги, крестьянки, или

*) Бѣлоруссіи.

сердцемъ вельможи, богача, чиновника, воина, священника, или знатнѣйшей дамы... Теперь Польша навѣрно во всѣхъ слояхъ своего народа, во всѣхъ сердцахъ польскихъ встрѣчаетъ общій откликъ и глубокое сочувствіе. Мы это знаемъ, видимъ и радуемся! Но эти три условія кадровъ: простота, скрытность и обширность—необходимы. Простота организаціи даетъ возможность присоединить къ ней какъ можно больше всякаго слоя людей, и, облегчая соглашеніе ихъ, облегчить достиженіе цѣли и такимъ образомъ совмѣстить въ себѣ разомъ два условія: первое и третье...

Тайна позволяетъ ей развиться свободнѣе, ускользать отъ надзора за нами, и вмѣстѣ съ тѣмъ контролировать надзоръ нашихъ непріятелей: надзоръ ихъ за нами явный, обозначенный мундиромъ, титуломъ, орденомъ и чиномъ,—не имѣетъ возможности захватить нашу тайну, а долженъ прибѣгать къ своей полиціи тайной, отъ наблюденія которой на избранной нами дорогѣ намъ такъ легко и такъ удобно избѣгнуть; притомъ совершенно отдаляя непріятеля отъ всякихъ сношеній съ нами, съ нашею внутреннею жизнью и замыслами задушевными... Да, тайна очень важна для успѣха нашего дѣла.

А широко охватывающіе размѣры организаціи послужатъ въ данный моментъ къ одновременному всеобщему возстанію; объ этомъ послѣднемъ условіи распространимся здѣсь пообширнѣе. Характеръ Польши преимущественно сельскій. Нѣтъ еще въ ней такихъ извѣстныхъ точекъ, которыя бы имѣли такой кредитъ у возстанія, чтобы по ихъ мановенію весь край взялся за оружіе. Нельзя комбинаціи возстанія опереть исключительно на иниціативѣ Варшавы, Кракова, Львова, Вильны, Кіева; или-же исключительно все вниманіе обращать только на одни города,—потому, что возстаніе, начатое въ городѣ, для города,—начинается и оканчивается въ этомъ городѣ. Элементы городскіе, такіе бурливые въ предѣлахъ своихъ стѣнъ, теряютъ внѣ ихъ эти достоинства и обыкновенно прекращаются. На нихъ поселянинъ зазѣвается, какъ на зрѣлищѣ, но не приметъ въ нихъ сердечнаго участія: у поселянина съ горожанами мало общаго, задушевнаго; ихъ интересы, отдѣльно взятые, не одни

и тѣ-же. Потому необходимъ другой рычагъ, посильнѣе, подведенный подъ другія точки, заблаговременно приготовленный, который бы двинулъ и всю массу поселянъ, весь народъ польскій, по слѣдамъ городовъ,—какъ только эти города (тотъ ли прежде, другой-ли—все равно, а лучше всего, если всѣ вмѣстѣ и одновременно) кликнутъ кличъ къ возстанію, подадутъ условный сигналъ.

Надо устроить все такъ, чтобы рычагъ этотъ могъ дѣйствовать самостоятельно, и если обстоятельства благопріятныя ему позволятъ, не оглядываясь на города, не скликаясь съ ними и тѣмъ не заявляя всеобщаго возстанія. Но еще важнѣе случиться можетъ то обстоятельство, что начало возстанія должно будетъ проявиться въ какомъ нибудь дальнемъ пунктѣ отъ пограничныхъ предѣловъ Польши и двигаться внутрь ея къ центру или же отъ центра радіусами къ границамъ. Въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы возстаніе находило вездѣ приготовленную заблаговременно и тайно твердую организацію, чтобы всѣ мы заранѣе знали, чего гдѣ желать, чего надѣяться можно.

Такого рода организація кадровъ не выходитъ за предѣлы возможности, потому что для этого нѣтъ необходимости въ участіи при главномъ моментѣ слишкомъ большого числа людей. Хоть нѣсколько надежныхъ человѣкъ въ каждомъ уѣздѣ на первый взрывъ возстанія будетъ довольно. Дознано, что нѣсколько честныхъ людей, подавая искренно другъ другу руку, овладѣваютъ всѣмъ что находится въ предѣлахъ ихъ притяженія, особенно, если этотъ союзъ имѣетъ цѣль ясно обозначенную, благородную и возвышенную. Мимовольно масса признаетъ ихъ власть надъ собою и идетъ за ними,—если, разумѣется, они ведутъ ее не по избитому пути, ограниченному только страстью къ безцѣльнымъ заговорамъ, но указывая народу неизбѣжную необходимость съ оружіемъ въ рукахъ развѣдаться съ врагомъ отечества и побѣдить его или пасть славною смертію храбрыхъ витязей, освободителей отчизны. Какой народъ можетъ отказаться отъ битвы отчаянной за свое отечество, за свою свободу, за свою вѣру?... А поляки должны завоевать себѣ всѣ эти святыни! Они-ли откажутся?!. Подъ вліяніемъ такой

необходимости каждый знаетъ, что ему дѣлать. Всѣ стараются сжиться съ военнымъ ремесломъ*), даже присматриваются къ обученію войскъ непріятельскихъ; и невольно оглядываются на крестьянъ и сосѣдей, входятъ съ ними въ тѣснѣйшій союзъ, готовятъ оружіе и аммуницію на всякій случай,—но все будто ничего не замѣчая, и какъ бы даже не зная о томъ, что вокругъ всюду приготовляется, и не оставляя своихъ ежедневныхъ занятій. Не иначе дѣйствовали и греческія этаріи, которыя не только въ Мореѣ, но даже и не въ своемъ краѣ (въ Молдаво-Валахіи 1821 года), возбудили возстаніе: организація возстанія нейтрализируетъ, какъ сказали мы выше, организацію непріятеля.

Это есть учрежденіе Польское, народное, противопоставленное Московско-Австрійско-Прусскому Правительству и имѣющее задачей уничтожить и замѣнить ихъ. Разрѣшеніемъ этой задачи есть возстаніе, котораго благополучный исходъ утверждается на той аксіомѣ, что „при первомъ взрывѣ, инициатива въ опредѣленіи мѣста и силы вся и всегда бываетъ на сторонѣ возмутившагося народа". (А. Мирославскій, курсъ военнаго искусства). Трудно допустить, чтобы хорошо подготовленное возстаніе могло не удаться. Положимъ, что взрывъ, вызванный въ нѣсколькихъ пунктахъ, удался въ одномъ. Какія же послѣдствія такой удачи? Вотъ какія: возстаніе оттѣсняетъ непріятеля и почти всегда въ безпорядкѣ для него гибельномъ, а для насъ выгодномъ; возстаніе очищаетъ за собою значительное пространство края и распоряжается полновластно всѣми его рессурсами; возстаніе даетъ первый успѣхъ, который еще больше ободряетъ твердый духъ возставшихъ. А потому отъ пред-

---

*) Поставляемъ себѣ въ обязанность указать полякамъ нѣкоторыя сочиненія, могущія разъяснить горизонтъ тайны возстанія. Предлагаемъ особенно Kurs sztuki wojskowej przez Wysockiego Т. 1, 2, 3. 4. Критическій разборъ кампаніи 1830 и 1831 годовъ Л. Мирославскаго; регламентъ, изданный стараніемъ общества Демократическаго; о возстаніи народномъ въ Польшѣ Бома; а чтобы болѣе освоиться съ высшимъ взглядомъ на военное искуство извлеченіе изъ лучшихъ сочиненій о высшей части искусства военнаго — сочиненіе Хржановскаго.

водителей возстанія зависитъ сдѣлать худое или доброе употребленіе изъ этихъ средствъ и отъ этихъ первыхъ удачъ отъ нападенія на врага врасплохъ. Ежели начальство возстанія будетъ дѣйствовать энергически, то, возмутивъ весь освобожденный народъ до послѣдняго человѣка, обратитъ его въ войско, а всѣ запасы освобожденнаго края на оружіе и аммуницію; и сдѣлаетъ это такъ быстро и такъ хорошо, чтобы возвращающійся непріятель встрѣтилъ уже на своей дорогѣ армію народную, готовую принять его въ желѣзныя объятія. Имѣя же армію, хотя бы и небольшую, задача дѣлается еще проще, потому что она нисходитъ къ условіямъ обыкновенной войны, совершенно зависящей отъ способности вождя, имѣющаго въ виду, что эту армію наполняютъ охотники смѣтливые, приготовленные, храбрые, большею частію отлично вооруженные (о чемъ мы позаботимся), идущіе съ веселымъ сердцемъ въ бой за отчизну, и потому изъ этихъ чудныхъ для вождя, готовыхъ элементовъ, дающіе возможность сформировать укомплектованіе, или резервы, авангардъ или арріергардъ, смотря по надобности и по мѣстнымъ условіямъ возмутившагося края.

Изъ теоріи военной и изъ вѣковыхъ опытовъ довольно извѣстно, что корпусъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ, при удобной мѣстности, маневрируя, можетъ одолѣть въ четыре и пять разъ большія силы непріятеля.

Нѣтъ подъ солнцемъ болѣе удобной мѣстности, какъ вся поверхность Польши. Этимъ она обязана совершенному отсутствію горъ и овраговъ, не позволяющихъ нигдѣ обойти маневрирующій корпусъ спереди или съ тылу, ни загнать его въ заранѣе приготовленную засаду. А напротивъ того, корпусъ возстанія имѣетъ полную возможность обойти непріятеля, принудить его отретироваться, или раздробиться на части, и въ такомъ невыгодномъ положеніи заставить его принять сраженіе, конечно для него не выгодное; и это потому, что ни одно постоянное, естественное и непреодолимое препятствіе не заградитъ намъ пути; а подвижныя препятствія—т. е. непріятельскія команды никогда не могутъ быть непобѣдимы. Доказательствомъ тому служить можетъ отступленіе Дембиньскаго изъ Литвы. Преслѣдовавшіе

его генералы Московскіе нигдѣ не могли съ нимъ сойтись, нигдѣ пересѣчь ему дорогу, нигдѣ не могли ни пастичь, ни окружить его. Когда-бы Дембиньскій намѣренъ былъ не отступать, а вести войну въ Литвѣ, гдѣ вся страна была за него, то ничто-бы ему не помѣшало разбить по очереди и каждаго отдѣльно—Савоини, Милкова, Сафьянова, Дохтурова и усилить свой отрядъ до размѣровъ большого корпуса, а замѣтьте, что тогда вовсе не было у насъ заготовленныхъ кадровъ. Конечно, тридцати тысячному корпусу несравненно труднѣе двигаться, нежели нѣсколькимъ тысячамъ Дембиньскаго; но трудность эта—общая и для непріятеля, съ тою однако разницею въ пользу возстанія, что марши и контръ марши истощаютъ непріятеля, а усиливаютъ возстаніе, если, разумѣется, это возстаніе имѣетъ искреннюю рѣшимость и непритворную волю воспользоваться опытами 1831 года и всѣхъ нашихъ прежнихъ возстаній. При этихъ условіяхъ, куда мы не пріидемъ, вездѣ намъ готовы содуствіе, слѣдовательно, содѣйствіе, и помощь, и подкрѣпленіе, и противодѣйствіе каждому шагу непріятеля который долженъ подкрѣплять себя, медленно стягивая къ себѣ большіе корпуса, которыхъ часть идетъ на пополненіе убыли въ полкахъ, бывшихъ въ дѣлѣ, а возстаніе ростетъ быстро, катясь по поверхности края: сформировывая и пополняя свои корпуса вездѣ на мѣстѣ и взамѣнъ одного убитаго или раненаго получая хоть на выборъ немедленно десятки свѣжихъ охотниковъ, этихъ разъяренныхъ львовъ, возставшихъ на защиту своего логовища, своихъ дѣтей, на изгнаніе общаго врага. Результатомъ этого баланса между убылью и вспомогательными средствами какъ силъ непріятельскихъ, такъ и силъ возстанія, при предусмотрительной и заботливой энергіи Польскаго управленія и при распорядительности нашихъ предводителей, въ послѣднія рѣшительныя минуты должно оказаться по крайней мѣрѣ равновѣсіе силъ, на полѣ битвы окончательно рѣшающихъ судьбу дѣла, судьбы двухъ враждебныхъ народовъ. А при равновѣсіи силъ и вооруженія дѣло рѣшаетъ духъ воюющихъ.....

Можно ли же сравнить духъ, оживляющій насъ, Поля-

ковъ, искони преданныхъ отечеству, вѣрѣ и свободѣ, сравнить съ вялымъ духомъ часто недовольныхъ солдатъ, идущихъ противъ насъ въ бой не за отечество, а по приказу, и между которыми столько нашихъ?.....

При этихъ условіяхъ можно ли хоть на мигъ усумниться? Весь же исходъ,—если такъ называемъ задачу возстанія нашего,—сводится къ окончательному сформированію тридцати—тысячнаго корпуса. Принимаемъ 30 тысячъ за норму, не присвояя однако-же этому числу 30-ти никакого кабалистическаго значенія. Замѣтимъ хорошо, что сила эта необходима только въ началѣ перваго періода войны, но не въ первую минуту вспышки, для которой довольно одной рѣшимости правильно, ловко и смѣло употребленнаго отряда обреченниковъ, который можетъ не превышать числа напр. хоть даже тысячи человѣкъ. Потому что въ первую минуту дѣло идетъ только о томъ, чтобы столкнуть непріятеля съ извѣстнаго пространства края, сбить и отгѣснить его оттуда для извлеченія намъ себѣ вооруженной силы; дѣло въ томъ, чтобы отбросить непріятеля въ данное время, взявъ его врасплохъ, напавъ на него неожиданно хоть нѣсколькими стами храбрѣйшихъ людей, чтобы очистить отъ него пространство примѣрно хоть въ одной губерніи. Это въ сущности, одна изъ самыхъ легкихъ задачъ, какія только можетъ себѣ задать предпріимчивость человѣческая и любовь народная къ отчизнѣ. А одна которая нибудь губернія, знаете ли, что значитъ въ Польшѣ? Послушаемъ исторію: помѣщики Мѣховскаго Округа въ отзывѣ своемъ временному Управленію отъ 13-го декабря 1830-го года писали: „по возванію Вашему какъ бы волшебной силой вооружилось въ 4 дня почти 60 тысячъ коссіонеровъ“ (Mochnacki, powst. nar. t. 2, стр. 296).

Воеводство Мазовецкое поставило 40 тыс., Калишское—40 тысячъ, Любельское—30 тысячъ. Конечно, управленіе 1830 года не умѣло употребить это все; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждое управленіе мятежа польскаго было такимъ, какъ въ 1830 году. Ошибки Управленія падаютъ на него тяжкою виною,—а фактъ остается фактомъ: что всякое воеводство (въ губерніяхъ забраннаго края) можетъ

выставить по требованію возстанія не менѣе 30 тысячъ человѣкъ, которыхъ возстаніе въ самое короткое время должно поставить въ ряды и вооружить. Вотъ это то послѣднее, т. е. поставленіе въ ряды и вооруженіе, будучи задачею чисто механической, рѣшаемой техническими, основанными на сдѣланныхъ опытахъ, совершенно извѣстными и легкими средствами,—не представляетъ ни малѣйшихъ не преоборимыхъ трудностей. Всякій, ознакомленный съ техникой военной, не проникнутый предубѣжденіями старой рутины, знаетъ очень хорошо, что для того, чтобы раздѣлить людей на баталіоны, эскадроны и батареи и повести ихъ въ бой, нѣтъ необходимой надобности упражнять ихъ (какъ учатъ и мучатъ московскихъ солдатъ, дѣлая изъ нихъ автоматовъ и машину) въ буквальномъ исполненіи всѣхъ безъ исключенія мельчайшихъ пріемовъ уставной фронтовой гимнастики, правилъ стойки и маршировки въ сомкнутомъ строю, всѣхъ оборотовъ и поворотовъ, предписанныхъ правилами устава, только замедляющими и портящими боевое обученіе солдатъ: что, ограничась только тѣмъ, что крайне и существенно необходимо, и занявшись поусерднѣе,—въ самое короткое время, въ нѣсколько недѣль, можно выучить и приготовить солдата собственно къ дѣлу боевому. Фридрихъ Великій рекрутами, набранными въ непріятельскомъ и враждебномъ ему краѣ, разбилъ французовъ подъ Росбахомъ; Дюмурье рекрутами разбилъ пруссаковъ—подъ Вольми и Жеманъ; Костюшко крестьянами одержалъ побѣду Рацловскую; Мирославскій крестьянами разбилъ враговъ подъ Милославлемъ и Вжесней. Возстаніе Венгровъ (1848-го и 1849 г.) вывело къ войнѣ баталіоны, эскадроны и батареи, едва за двѣ недѣли предъ тѣмъ взятые на выучку офицерами, которые сами были рекрутами, командовали по книжечкамъ и, не смотря на то, сдѣлали очень порядочно всю кампанію и побѣдили Австрійцевъ. Легіонъ польскій въ Венгріи (1848 и 1849-го г.) выступилъ въ первое сраженіе, имѣя только 10 дней для приготовленія, и сражался отлично—храбро: а онъ сражался не за родину и вѣру свою и не на родной землѣ. Такого рода примѣровъ могли бы мы представить безсчетно и убѣдить самаго невѣру-

ющаго, что обученіе войска можно совершить отлично въ продолженіи того времени, пока неожиданно отброшенный изъ одной губерніи непріятель, отступившій конечно въ безпорядкѣ, пока онъ сосредоточится, поправится и возвратится для завоеванія этой губерніи вновь. Онъ уйдетъ отъ налета нѣсколькихъ сотъ или отъ тысячи обреченцевъ, а —тутъ встрѣтитъ десятки тысячъ поляковъ. Говоря здѣсь о возстаніи преимущественно общими выраженіями и болѣе намеками, предоставляя подробности разъяснять вездѣ на мѣстахъ людямъ знающимъ и ведущимъ польское наше дѣло,—намъ остается еще вразумить тѣхъ, которыхъ затрудняетъ мысль о недостаткѣ оружія. Имъ можемъ сказать коротко и опредѣлить это довольно ясно и, кажется, довольно ловко: „почетные земляки! захотите только,—и оружіе явится на каждое ваше требованіе. На это нужно только, чтобы вы отложили сотую,—нѣтъ хоть тысячную часть отъ избытковъ вашихъ и, сложивъ все это вмѣстѣ, основали арсеналъ польскій—на какой нибудь точкѣ земного шара. Пароходы и желѣзныя дороги, при помощи электрическихъ телеграфовъ, доставили бы Вамъ оружіе на назначенное время и мѣсто".

Разумѣется, для этого необходимо хорошо сообразить выборъ мѣста, съ котораго должно начаться возмущеніе, и и сообразно съ этимъ сообразить и опредѣлить мѣсто для устройства арсенала.

Но это уже дѣло второстепенное; это дѣло плана, зависящее отъ тысячи и тысячи разныхъ обстоятельствъ, могущихъ затруднить или облегчить наше дѣло и подлежащихъ измѣненію, смотря по соображеніямъ рѣшительнаго момента,—точно какъ положеніе дипломатическихъ изворотовъ, непостоянныхъ—какъ виды самой политики. Иначе сказать: это нѣчто въ родѣ серьезной игры въ шахматы съ огромной ставкой—„свободы отечества" въ пользу выигрывающаго. Впрочемъ и этотъ „арсеналъ польскій", мы пока причисляемъ къ pia desideria. Пусть будетъ неправдоподобно пожертвованіе тысячной части отъ избытковъ на пользу отчизны. Если бы мы болѣе настаивали на этомъ, то могли бы насъ заподозрить въ соціализмѣ, коммунизмѣ,

даже въ какихъ нибудь кровожадныхъ намѣреніяхъ; но не смотря на такія подозрѣнія, мы бы все таки настаивали на этомъ, если бы нельзя было обойтись безъ приготовленныхъ заранѣе и сложенныхъ въ безопасномъ мѣстѣ штуцеровъ, сабель и пушекъ.

Читатели польскіе знаютъ, что такое значитъ спекуляція; они знаютъ, какъ и какъ далеко и подвергаясь какимъ опасностямъ люди стремятся за барышомъ; знаютъ не менѣе того, что каждый кусокъ поверхности земли, населенный людьми, имѣетъ извѣстный оборотный капиталъ, представляющій болѣе или менѣе процентъ отъ общей цѣнности этого пространства и выражающійся капиталомъ наличнымъ въ звонкой монетѣ, которую въ каждое время, во всякой губерніи найти намъ можно по крайней мѣрѣ нѣсколько милліоновъ. (Вывозомъ монеты мы не мало затруднимъ москалей). Поэтому возстаніе если не имѣетъ на каждое востребованіе приготовленнаго заблаговременно арсенала, то имѣетъ таковой капиталъ, которымъ, если зазвучатъ передъ Европой и притомъ шепнуть ей по телеграфу о тройной цѣнѣ, которую заплатятъ за оружіе, доставленное на мѣсто,—то спекулянты другъ за другомъ поспѣшатъ съ транспортами, подкупятъ, въ случаѣ надобности, самыхъ неподкупныхъ аргусовъ правительства и доставятъ затребованный товаръ къ назначенному сроку. Не безъ того также, чтобы кузницы, рукодѣльни и фабрики, какія только у насъ можно найти въ каждой околицѣ, употребленныя для общей пользы возстающаго отечества, не могли съ своей стороны пособить общему вооруженію. Мы не включаемъ даже сюда того оружія, которое можетъ быть забрано у непріятеля при первомъ огнѣ, при неожиданныхъ на него нападеніяхъ въ расплохъ, при подготовленныхъ разныхъ условныхъ обстоятельствахъ. Не должно опасаться, чтобы первая армія наша возстала съ голыми руками на вооруженныхъ москалей. Разумѣется, первую кампанію мы начнемъ съ условіемъ, чтобы начальники возстанія сосредоточили всю человѣческую дѣятельность съ величайшею энергіей на добытіе послѣдней копѣйки въ пользу возстанія, на переобразованіе каждаго человѣка въ солдата и на перековку послѣдняго гвоздя на оружіе.

Мы уже сказали, что возстаніе не легко; но и доказали, что оно не невозможно, и что оно не входитъ въ категорію тѣхъ предпріятій, о которыхъ Мицкевичъ говоритъ: „Ломи, чего разумъ не одолѣетъ". Оно заключается въ предѣлахъ человѣческаго разума, въ предѣлахъ очевидной возможности, которую даже можно очень вѣрно разсчитать (особенно при умѣніи не возбудить преждевременныхъ опасеній и дѣятельности непріятеля). И, въ случаѣ благоуспѣшности, освободить Польшу. Даже въ случаѣ неуспѣха, это возстаніе опять будетъ для насъ этапомъ подвигающимъ дѣло освобожденія Польши на одинъ и большой шагъ впередъ. Вырабатываетъ же это возстаніе въ народѣ польскомъ такое политическое сознаніе, какое выработано въ княжествѣ Познанскомъ; созидаетъ для народа новое народное преданіе; упражняетъ силы общества; постоянно будитъ его сердце идеею о мученикахъ и жертвахъ за отечество; соединяетъ мысль объ освобожденіи и битвѣ за отчизну—съ каждодневною молитвой дома и въ церкви. И послѣ каждаго паденія дѣло это для насъ,—если употребить французское выраженіе,— est à recommencer!..

Поэтому нужно хорошо взять въ соображеніе, что неуспѣхъ возстанія не есть еще проигрышъ дѣла и не можетъ имъ быть. Напротивъ: каждое самобытное дѣяніе приближаетъ насъ къ независимости, каждое напряженіе силъ Польши свидѣтельствуетъ о томъ, что Польша живетъ, что она должна быть, и будетъ,—но подъ условіемъ, если мы сами о своемъ существованіи постараемся. Возстанемъ же, соотечественники, друзья, братья, отцы! Возстанемъ всѣ дружно, разомъ; а если и проиграемъ,—возстанемъ опять, не увлекаясь напраснымъ опасеніемъ истощенія силъ... Силы народа, какъ силы каждаго живущаго и одареннаго движеніемъ организма,—ржавѣютъ, слабѣютъ, истощаются, разлагаются въ бездѣйствіи. Если же мы опять предадимся ожиданію чего-то неопредѣленнаго,—то, слабѣя и уничтожаясь отъ бездѣйствія, можемъ дойти до униженія, до подлости, какъ собаки, сжившіяся съ тѣмъ ошейникомъ, который намъ давитъ выю: тогда, ежели намъ немного ослабятъ нашу привязь, если приласкаютъ насъ какой-нибудь нич-

тожною льготою,—то мы станемъ лизать стопы враговъ нашихъ и все напрасно ожидать, и все ожидать, да ожидать, —пока эти ласканья и послабленія, то новыя стѣсненія, то опять новыя льготы—ввергнутъ Польшу въ такое состояніе политическаго маразма и всеобщаго равнодушія, которое называется „смертію народа"!*)

Литвинки и Руссинки!.

Это еще въ первый разъ обреченная пыткамъ молодежь Варшавы взываетъ къ Вамъ, матери и дщери народа. Въ первый разъ измученная Польша простираетъ къ Вамъ свои окровавленныя длани, въ первый разъ страждущее отечество взываетъ къ Вамъ голосомъ удрученнымъ: а голосъ его, проникающій въ могилы отцовъ нашихъ, голосъ, взывающій тысячи жертвъ нашей великой Польши,—неужели не проникнетъ въ самую глубь сильныхъ и нѣжныхъ сердецъ и чувствъ вашихъ: неужели онъ не возбудитъ въ васъ стремленія къ участію въ общемъ нашемъ польскомъ дѣлѣ?!.. Литвинки и Русинки! не видите ли Вы на западѣ багроваго савана изъ крови Варшавской, облекающаго всю землю Литовскую? развѣ Вы не чувствуете запаха свѣжей крови братней? развѣ Вы не слышите стоновъ замученныхъ поляковъ—вашихъ братьевъ, солдатскими прикладами добитыхъ матерей, обагрившихъ кровію своею мостовую столицы нашей?! Что глухи еще къ этимъ стонамъ наши аристократы—это не удивительно: въ рядахъ, готовящихся къ возстанію силъ народныхъ, Польша еще не считаетъ ихъ въ числѣ вѣрныхъ сыновъ своихъ; къ вѣчному стыду ихъ, она обойдется и безъ нихъ, и тогда всѣ права свои между

---

*) **Примѣчаніе Редакціи**. Приводимый дальше Меферомъ документъ „*Сущность соглашенія между генералами Мирославскимъ и Гарибальди, утвержденная 26 января 1861 года*", не напечатанъ нами потому, что тождественный документъ уже напечатанъ А. В. Бѣлецкимъ въ „Сборникѣ документовъ музея графа М. Н. Муравьева" т. 1 стр. 127—130, Вильна, 1906 г.

нами они утеряютъ навсегда. Древніе именитые роды Тизенгаузовъ, Огинскихъ, Радзивилловъ—угасли; ихъ нѣтъ въ новыхъ родословіяхъ, хотя преемники ихъ Домейки, Тышкевичи, Хоминскіе не забываютъ ихъ дѣлъ. Но все же нѣтъ ничего удивительнаго, что въ большей части аристократіи нашей для изнѣженныхъ женщинъ стонъ невѣдомаго имъ народа—не выносимъ; что женоподобныя руки ихъ молодежи пригодны не для сабли и штыка, а для атласныхъ картъ и для пляски на паркетѣ гостиныхъ, куда не заглядываетъ польскій народъ, этотъ народъ, о которомъ не даромъ литовскій геній сказалъ:

Народъ Вашъ—точно тава огнедышащей горы,—
Сверху холодная, твердая, сухая, безобразная...
Но внутренняго огня своего не выдышетъ и во сто лѣтъ.....
Такъ не будемъ смотрѣть на эту кору, а углубимся внутрь.

Но Вы, поддержавшія въ сердцахъ Вашихъ древле священный огонь знича (1), соблюдавшія его во всей чистотѣ въ персяхъ вашихъ, Вы еще не довольно вдумались въ то, что слѣдуетъ Вамъ дѣлать. А потому отечество, все, нашими устами теперь обращается къ Вамъ. Пусть вопль его, какъ звукъ трубы архангела въ день послѣдняго суда, возбудитъ чувство Ваше, пусть воспламенитъ ихъ до неизмѣнной рѣшимости на дѣло святое... Тогда вѣрьте, исчезнутъ разницы сословій: еврей, мѣщанинъ, крестьянинъ, помѣщикъ,—будутъ для Васъ дѣтьми одной великой семьи, сынами одной для всѣхъ насъ крестоносной Польши. Отчизна взываетъ къ Вамъ: займитесь истолкованіемъ дѣла народу, укажите ему святую цѣль нашу, окажите Ваше благодѣтельное вліяніе на землевладѣльцевъ, чтобы они какъ можно скорѣе рѣшились покончить междуусобный вопросъ надѣломъ земли... Отечество достойною благодарностію воздастъ вамъ за ваше участіе: вамъ оно будетъ особенно обязано и признательно: какъ ангелы утѣшенія—Вы

(1) Литовское божество неугасимаго огня.

не покинете его въ несчастіи: Вы всюду поможете ему,— ибо чудное слово Ваше, вылетающее изъ устъ Вашихъ— какъ могучій обоюдоострый мечъ, проникнетъ въ сердца даже пропитанныя эгоизмомъ Только при Вашемъ благодатномъ посредничествѣ мы можемъ надѣяться, что, когда загремитъ боевая труба, цѣлый народъ нашъ, народъ всей великой Польши и нераздѣльныхъ съ нею Литвы и Руси,*) возстанетъ какъ одинъ исполинъ, возстанетъ руководимый Вами противъ нашего тирана, возстанетъ съ братской другъ къ другу любовію всѣхъ сословій, съ жаждой мести врагу!..

Но горе намъ, горе! если силы народныя раздѣлятся и если кровь братьевъ нашихъ польется прежде крови вражеской! Тогда тысячи проклятій мы бросимъ на тѣхъ виновныхъ, чрезъ кого свободу нашу надолго отдалимъ. Горе Вамъ, горе! скажутъ тогда и другіе народы... Горе намъ, горе! повторимъ мы. А потому мы должны упредить всякое несогласіе добровольною жертвой: лучше сами дадимъ собственность народу и тѣмъ привяжемъ его къ себѣ по примѣру братьевъ нашихъ.

А когда, увлекаемый Вами и народъ весь возстанетъ вмѣстѣ съ нами, о, тогда одинъ нашъ блаженный, нашъ вожделѣнный, двадцатимилліонный крикъ: да будетъ Польша!!! изгонитъ враговъ изъ нашихъ предѣловъ... потому что сражаться противъ цѣлаго народа, возставшаго поголовно,—тоже, что сражаться противъ Бога!

Литвинки и Русинки! идите и Вы по славнымъ слѣдамъ матерей и дѣвицъ нашей великой Польши, потому что въ лѣтописяхъ міра нѣтъ момента величественнѣе, какъ тотъ священный мигъ, когда, стоя на колѣнахъ на камняхъ мостовой, менѣе твердыхъ, чѣмъ сердца нашихъ тирановъ москалей, матери польки, поднявъ на рукахъ дѣтей своихъ, кричали: „стрѣляй, москаль, стрѣляй! вотъ сыновья наши“!

Вотъ оно безсмертное завѣщаніе, написанное 8 апрѣля

---

*) Бѣлоруссія

кровію польскою на улицахъ Варшавы! Вотъ оно, дорогое наслѣдство, оставшееся намъ послѣ мучениковъ нашихъ!

Въ отчаяніи отъ такихъ тиранствъ и въ надеждѣ только на Бога, Заступника всѣхъ угнетенныхъ, отечество обращается наконецъ къ Вамъ, дщери Литвы, Жмуди, Руси! Вы вѣрно не откажетесь принести отечеству, для спасенія его, всевозможныя и ожидаемыя отъ Васъ важныя заслуги и самопожертвованія. Исполняя слово нашего патріарха, пусть скроются пышныя ливреи, народные гербы съ коронами, причудливые блестящіе наряды разорительной моды, потому что все это презрѣнная мишура и горькая насмѣшка надъ гробомъ, разверзтымъ для нашей общей матери Польши. Потому что не время вамъ веселиться, а время плакать и молить Бога о спасеніи отчизны. Казните единодушнымъ общимъ презрѣніемъ вашихъ тѣхъ несмысленныхъ въ нашемъ обществѣ, тѣхъ ходящихъ мертвецовъ для Польши, которые еще глухи къ ея призывамъ,—и это одно принудитъ ихъ оглянуться на свою душевную пустоту. Казните также точно и тѣхъ гробокопателей нашей отчизны въ блестящихъ мундирахъ и златокованныхъ эполетахъ которые, оставаясь въ рядахъ враговъ нашихъ, идутъ въ ладъ съ ними, а не стремятъ ихъ къ достиженію нашей общей цѣли... Если руки ихъ еще прольютъ хоть каплю крови братьевъ нашихъ, то легко можетъ статься, что и наши руки обогрятся ихъ кровію. Внушите имъ и спасительный страхъ, и еще болѣе спасительную любовь къ отчизнѣ, любовь на смерть... Внушите имъ, внушайте всѣмъ нашимъ, кто только носитъ имя польское, въ комъ есть хоть капля крови польской,—внушайте эти святыя чувства, —иначе пламенный укоръ цѣлаго народа постигнетъ совѣсть вашу, отыметъ навсегда спокойствіе отчизны вашей, не дастъ Вамъ покоя и по смерти!!...

Послѣ жъ всего, что уже свершилось, пора всѣмъ вамъ облечься въ общій народный, глубокій, постоянный трауръ, —до того свѣтлаго и радостнаго дня, нашихъ невыразимыхъ восторговъ, когда воскреснетъ вся Польша въ цѣлостномъ обширномъ объемѣ своемъ и станетъ твердою ногою въ числѣ державъ, изъ ряда которыхъ столько безпримѣрныхъ

несчастій вытѣснили ее, когда изъ рабыни она станетъ наконецъ свободною повелительницею 20-ти милліоннаго народа... А до того,—по примѣру Великой Польши, прекратите всѣ увеселенія и суетныя и дорогія удовольствія,—потому что трудно и скользко плясать по братской крови—тогда какъ она требуетъ отомщеній и молитвъ, требуетъ пожертвованій и пособій на оружіе, на дѣло возстанія. Вотъ на что должны Вы сложить деньги Ваши, вмѣсто мишуры и свѣтлыхъ нарядовъ...

Молитесь же, Литвинки и Русинки, молитесь за отшедшихъ къ Богу мучениковъ и за обреченныхъ еще на муки... сохраните навсегда, изъ рода въ родъ, память о нихъ: а паръ крови ихъ не долженъ остыть въ сердцахъ и молитвахъ нашихъ, пока не будетъ страшно отомщенъ... молитесь объ этомъ, молитесь!

Во истину: очень трудно, очень тяжело бѣдному угнетенному народу нашему. Три злобныхъ врага терзаютъ его: хотятъ совсѣмъ уничтожить. Мученія, переносимыя имъ теперь, не имѣютъ примѣра въ исторіи. Народы Италіи, возставшіе на освобожденіе своей родины и достигшіе этой священной цѣли, во время ихъ борьбы съ тиранами считали сотнями тысячъ италіянокъ патріотокъ, всѣмъ жертвовавшихъ отечеству, даже сражавшихся за него: ни смерть ни позорныя казни ихъ не останавливали!.. Но развѣ можемъ мы забыть, что и Польша имѣла своихъ Мальжинскихъ, Рачинскихъ, Платеровыхъ!!..

Возьмитесь же, Литвинки и Русинки, возьмитесь дружнѣе, единодушнѣе, за священное, за великое наше дѣло. Вы непремѣнно поможете народу нашему достигнуть тріумфа! на Васъ крѣпка наша надежда и увѣренность въ могущественномъ вашемъ вліяніи на соотчичей.

Какая мать, сестра, жена, подруга, коханка*), дочь,—не найдетъ пути къ сердцу мужчины ее любящаго? Воодушевите же ихъ! воспламените, увлеките ихъ. Вамъ будетъ вся честь и слава безсмертная! отчизна Вамъ будетъ обязана особою благодарностію...

---

*) Любовница

И когда трубы легіона загремятъ подъ предводительствомъ нашего Мирославскаго, и эхо ихъ отзовется звучнымъ громкимъ призывомъ въ лѣсахъ Литовскихъ, составьте Вы одинъ общій станъ, всячески истребляющій непріятеля,—гораздо больше погубящій враговъ нашихъ, нежели пушки и штыки,—и тогда то изъ вашихъ персей прольется тотъ ядъ, который отравитъ разомъ всѣхъ нашихъ враговъ.

Молодежь польская.

О. Леонъ.
I. Александръ.
—Iozef (Юзефъ).
—Два брата.

Землевладѣльцы Литвы и Руси!

Мы живемъ въ славныя времена для безсмертнаго нашего упованія въ несомнѣнность польскаго торжества, живемъ во времена всеобщаго возстанія народовъ. Отъ Васъ зависитъ разбить оковы, изорвать узы тиранскія, чтобы жить благополучно и счастливо послѣ страшной бури, которая вскорѣ и непремѣнно наступитъ. А если кому изъ насъ суждено пасть съ оружіемъ въ рукахъ за независимость отечества, то все же легче умирать съ доброю надеждой для Польши, нежели смотрѣть каждый день на язвительныя насмѣшки непріятеля, который преслѣдуетъ нашу вѣру, языкъ, и все, что носитъ на себѣ характеръ польской доблести. Къ дѣлу народному, къ дѣлу патріотическому, мы призываемъ Васъ, мы бѣдные сироты, брошенные на поруганіе угнетателей Польши. Вскормили насъ матери несчастныя, плачущія на могилѣ отечества; подъ нашею колыбелью стонали женщины изъ простолюдья, которыя своимъ печальнымъ стономъ переливали въ наши сердца чувства печали и несчастья. Мы въ стонахъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ слышали глубокую печаль и мрачную тоску. Долго Московскій Сатана истощалъ, уничтожалъ жизненныя силы народа; долго придумывалъ нанести смертельный ударъ нашему патріотизму, но, купчись и ныряя въ крови польской, онъ еще не насытился, потому что наша народность

пережила убійства и истязанія, потому что съ нашею народностію связано чувство всеобщаго братства. Вся молодежь Польши теперь вдохновлена! Она любитъ всѣ сословія безъ различія! Для польской молодежи крестьянское происхожденіе и даже различіе вѣры нашей, или еврейской, не мѣшаетъ быть гражданиномъ края... Еврей, крестьянинъ, мѣщанинъ, дворянинъ—всѣ они дѣти одной матери, одной Польши. Только москаль и все московское,—вотъ одинъ предметъ глубочайшей, кровной и кровной ненависти Польши: имъ однимъ нѣтъ пощады: только съ ними никогда не побратается полякъ, также какъ и съ нѣмцами... Это два проклятыхъ рода нашихъ мучителей, рано-ли, поздно-ли, а они непремѣнно и тяжко узнаютъ праведную месть Польши свободной, цѣлостной, независимой, непобѣдимой!...

Мы, молодое племя, клялись въ томъ, и клянемся, хотя до поры, до времени должны затаить наши планы. Мы, молодое поколѣніе, отдаемъ полную справедливость Вамъ, господа помѣщики! Вы пользовались правами не для того, чтобы остальной народъ служилъ Вамъ подножіемъ, но для того, чтобы теперь доказать цѣлому свѣту и Польшѣ, что и Вы, какъ нѣкогда Ваши предки, умѣете нести жертвы на алтарь искупленія, избавленія отчизны. И дѣйствительно: на Васъ лежитъ теперь вся надежда на успѣхъ,—ежели Вы подадите братскую руку народу, сдѣлаете добровольныя уступки въ хозяйственныхъ отношеніяхъ Вашихъ съ крестьянами.—Вотъ та скала о которую разобьется все могущество самовластителя.

При этомъ мы предостерегаемъ Васъ, отцы наши: вѣдь ваша кровь—наша кровь. Правительство сумѣетъ навести Васъ на гибель, если Вы не сумѣете заранѣе лишить его расположенія народа, принеся добрыя жертвы, принадлежащія народу по праву за столько страданій, за столько несчастья. Мы, молодое Ваше племя, не будемъ имѣть никакого значенія у крестьянъ, не будемъ въ состояніи препятствовать вліянію царскихъ слугъ, если Ваши отношенія хозяйственныя останутся in statu quo. Даже каждый польскій истинный патріотъ можетъ Вамъ повредить совершенно невинно, дѣйствуя на массы народа, потому что движе-

ніе, вызванное въ народѣ общими соображеніями двигателей Польши—къ свободѣ и нераздѣлимости, можетъ получить ложное направленіе, ежели сами помѣщики не захотятъ сдѣлаться вождями движенія, ежели у насъ будетъ какое-нибудь разъединеніе, или разногласіе. Однако-жъ эти опасности не удержатъ благомыслящихъ, не собьютъ ихъ съ истиннаго пути и не помѣшаютъ имъ внушить крестьянамъ самыя твердыя и глубокія патріотическія мысли,—потому что настало время, не терпящее отлагательствъ. Вы сами видите, что дѣлается въ Европѣ, что случилось въ Варшавѣ. Подражайте помѣщикамъ великой Польши въ устройствѣ крестьянскаго вопроса. Вы тѣмъ спасете отечество! Пусть наши воззванія проникнутъ въ ваши польскія сердца! ибо грустно будетъ Вашимъ дѣтямъ безъ Васъ употреблять усилія въ нашемъ святомъ дѣлѣ. Ибо намъ будетъ прискорбно метаться по отечеству съ не вполнѣ удавшимися замыслами, лишенными Вашей родительской помощи на этомъ пути нашего исполинскаго подвига.

Взываемъ рѣшительно и смѣло: спасите наше несчастное отечество, спасите себя и Вашихъ дѣтей! Довѣрьтесь молодому поколѣнію, которое Васъ любитъ, которое Васъ зоветъ и само идетъ впереди въ бой на смерть или на жизнь! Дружно впередъ, всѣ вмѣстѣ! Вы и мы пойдемъ однимъ и тѣмъ же хоть и тернистымъ, труднымъ путемъ къ одной общей цѣли... Но прежде полюбите и привяжите къ себѣ народъ польскій! Тогда пойдемъ вмѣстѣ на штыки и копья! Предъ цѣлымъ свѣтомъ не посрамимся въ бою съ врагомъ, въ бою кровавомъ, страшномъ, отчаянномъ,—потому что мы полны взаимной между нами любви всѣхъ сословій края и могучей, ужасной мести тиранамъ нашего отечества!...

Молодежь польская.

Къ дѣлу! къ дѣлу! Къ Вамъ, священники Литвы, Самогитіи и Руси, къ Вамъ взываетъ отечество, возстающее изъ могилы. Взываетъ оно голосомъ тысячи жертвъ, молитъ Васъ стонами мучениковъ своихъ изъ глубины рудниковъ Сибири и подземелій Варшавскихъ.... заклинаетъ Васъ оно

прахомъ своихъ дѣтей, разбросанныхъ на полянахъ Франціи, степяхъ Алжира и Америки.

Взывая къ Вамъ, священники, Польша, поднявшаяся въ свой крестный походъ, оставляетъ въ сторонѣ такъ называемое высшее духовенство, ибо нѣтъ уже между ними Скарговъ, Красинскихъ, Тринковскихъ!!! и голосъ ея къ нимъ былъ бы голосомъ Христа къ фарисеямъ. Для угнетеннаго народа—часъ кровавой мести уже наступилъ. Народъ нашъ уже срываетъ свои оковы въ Галиціи; кровь его льется на мостовой Варшавы; кровью его уже обагрена Висла; народныя знамена уже вѣютъ близко, близко—и вотъ скоро у насъ засіяютъ! На Васъ, священники, лежитъ народная апостольская обязанность! Отечество проситъ Васъ приготовить народъ къ борьбѣ съ тираномъ; проситъ объяснить народу, что истинную свободу, равенство, права потомственной собственности только свободная Польша можетъ обезпечить своимъ сынамъ. Отцы духовные! Идите тернистымъ путемъ апостоловъ нашихъ—ксендзовъ Сирацинскихъ, Дэмбскихъ!!! Бросьте извилистый двуличный путь высшаго духовенства; станьте вождями крестоносцевъ противъ враговъ нашего отечества и нашей религіи. Мы уже на этой дорогѣ и насъ ничто не совратитъ съ нея,—поведетъ ли этотъ путь подъ мечи и выстрѣлы враговъ или же подъ позорный столбъ палача... Вмѣстѣ-жъ, вмѣстѣ дружно идемъ къ цѣли великихъ предназначеній, пойдемъ смѣло въ бой, въ бѣшенный, отчаянный бой, который окончится непремѣнно торжествомъ дѣла нашего и вѣры отцовъ нашихъ!

Молодежь польская.

Братья!

Не разъ уже мы должны были обращать вниманіе наше на жизненные вопросы нашего отечества. Видя теперь опасность, вамъ грозящую, мы въ необходимости объясниться съ вами. Стремясь всей душой къ ускоренію возрожденія нашего отечества, мы во многомъ зависимъ отъ вліянія людей, которые хотя кипятъ юношескою энергіею и дѣятельностію, но не обращаютъ такого вниманія на положеніе края, и, руководствуясь однимъ пылкимъ патріотизма, грѣшатъ

въ отношенія къ благоразумію. Но надо сообразить и разсудить, что мы истощимъ напрасно наши усилія на внѣшнія заявленія пробужденія въ насъ народнаго духа. Заявленія чувствъ нашихъ были столь многочисленны, разнообразны и поразительны, что право излишними будутъ дальнѣйшія заявленія подобнаго рода, какъ для враговъ нашихъ, такъ и уля Европы. Всѣ знаютъ наши стремленія, знаетъ цѣлый свѣтъ, что мы готовы на всевозможныя пожертвованія для того, чтобы возстановить нашу независимость. Манифестаціи, сдѣлавшись слишкомъ частыми, дѣлаются ничтожными: онѣ перестаютъ быть средствами, а обращаются въ главный предметъ или цѣль нашихъ дѣйствій, а сами собою уже не подвигаютъ ни на волосъ нашего дѣла, напротивъ. 29 ноября дѣлаема была попытка измѣрить силу нашихъ народныхъ чувствъ. 25, 27 февраля и 2 марта совершился актъ сближенія всѣхъ вѣроисповѣданій и состояній.

12 августа сильно и повсемѣстно заявлена общая братская связь и родство нашего народа съ народомъ Литовскимъ! Частныя же и мелкія манифестаціи, вызванныя искусственнымъ образомъ, не только не приносятъ никакой пользы, но еще и вредятъ достоинству и значенію народныхъ чувствъ. Если бы завтра уже могли мы возстать съ оружіемъ въ рукахъ, дѣйствіе подобнаго рода было бы логическимъ. Но въ связи разныхъ соотношеній край еще не совсѣмъ и еще не весь подготовленъ для этого дѣла. Не будемъ же подстрекать народъ къ преждевременному возстанію, которое повело бы къ безполезному пролитію благороднѣйшей крови нашихъ согражданъ; необходимо остановиться намъ на пути, по которому слѣдовать дальше развѣ только врагъ нашего отечества совѣтовать нашимъ можетъ, чтобы лишить насъ силъ и средствъ и представить насъ сомнительнымъ шансамъ реакціи.

Приступимъ къ сосредоточію средствъ для обезпеченія рѣшительнаго торжества въ дѣлѣ освобожденія; начнемъ трудиться для возвышенія могущества народнаго и выждемъ еще немного—до минуты рѣшительнаго удара. Да будетъ же намъ трудъ столь же торжественъ и настойчивъ, каковъ

есть и быть долженъ трауръ, которымъ облекся весь народъ нашъ... Сбережемъ же ту силу народнаго духа, передъ которою уже попятились штыки Московскихъ войскъ!

Будемъ трудиться надъ приведеніемъ всѣхъ сословій къ единодушному образу дѣйствій: поспѣшимъ разрѣшить вопросъ о надѣлѣ крестьянъ угодіями и выкупѣ ихъ участковъ, чтобы такимъ образомъ устранить поводъ ко всѣмъ неудовольствіямъ и распрямъ между большими и малыми землевладѣльцами: будемъ трудиться надъ сліяніемъ народа еврейскаго съ остальною массою населенія въ краю; надъ возвышеніемъ народнаго духа: надъ распространеніемъ просвѣщенія между крестьянами, распространяя между ними преданія и идеи польскія, возбуждая между ними любовь къ исторіи нашей и къ памятникамъ народнымъ. Будемъ развивать умственныя способности молодого поколѣнія, приспособляя между ними людей способныхъ къ поприщамъ разнаго рода [1]); въ особенности будемъ стараться завладѣть администраціею края, съ тѣмъ, чтобы направить ее сообразно съ нашими видами и цѣлями. Царство польское да будетъ отнынѣ источникомъ жизни народнаго духа, разливающаго идеи по всѣмъ другимъ провинціямъ и въ которомъ они будутъ почерпать пособія и силы къ развитію своей народности.

Не будемъ же расточать, любезнѣйшіе собратья наши священнаго огня любви къ отечеству на безполезныя манифестаціи; но обратимъ наши усилія на глубокое внутреннее, существенное противодѣйствіе врагамъ нашимъ во всѣхъ его усиліяхъ и намѣреніяхъ.

Безпрестанными усиліями и отдѣльныхъ личностей, и цѣлыхъ массъ народныхъ будемъ создавать и вырабатывать наше гражданское могущество,—эту основу неодолимаго народнаго могущества. Слѣдуя такимъ путемъ, съ каждымъ днемъ и силы наши будутъ возрастать и мы быстро приблизимся къ цѣли всѣхъ нашихъ усилій. Когда же пробьетъ завѣтный часъ,—тогда, любезные собратья, уже не

---

1) т. е. къ пѣхотѣ, кавалеріи, и проч.; къ военнымъ званіямъ, къ военнымъ занятіямъ въ кадрахъ будущаго войска для возстанія.

тайно и по одиночкѣ, а явно и торжественно призовемъ всѣхъ васъ, всѣхъ до одного, въ ожидаемый и приготовляемый нами бой.

Поляки. Литовцы и Русины!

Соединеніе Польши съ Литвою, совершившееся при Сигизмундѣ II, есть безъ сомнѣнія важное народное торжество. Соединеніе это было, впрочемъ, ничто иное, какъ формальность, подтвердившая добровольное и дѣйствительное соединеніе Литвы съ Польшею еще въ царствованіе Владислава Ягеллы. Событіе это, составляя прекраснѣйшую страницу въ нашей исторіи, не должно быть упущено изъ вида; не придать ему въ настоящее время соотвѣтственнаго значенія и не отпраздновать торжественнымъ заявленіемъ столь драгоцѣннаго для насъ воспоминанія было бы въ глазахъ всей Европы актомъ отреченія народа, и собственной нашей совѣсти, отъ нашего прошедшаго и будущаго.

Взываемъ къ тремъ соединеннымъ народамъ, чтобы они съ такими же чувствами приняли наше настоящее воззваніе, съ какими предки наши приняли воззваніе на съѣздѣ въ Городлѣ. Мы льстимъ себя надеждою, что голосъ нашъ не будетъ чуждъ всякому, кто любитъ свободу и отечество. Годовщина соединенія народовъ будетъ праздноваться въ гор. Городлѣ надъ Бугомъ, въ воеводствѣ любельскомъ, въ землѣ Хелмской дня $\frac{28 \text{ сентября}}{10 \text{ октября}}$ 1861 года.

Для того, чтобы сообщить этому народному торжеству соотвѣтственное значеніе, обращаемся предварительно къ почтенному духовенству Католико-Славянскаго*) и Латинскаго исповѣданій, чтобы какъ по случаю общихъ страданій и надеждъ съ народомъ, такъ равно и для пользы церкви, тѣсно связанной съ интересами Польши, благоволило оно принять торжественное и явное участіе въ назначаемой манифестаціи чрезъ посредство своихъ епископовъ, капитульныхъ депутацій, монашескихъ установленій и всѣхъ духовныхъ учрежденій, существующихъ въ предѣлахъ прежней и будущей Польши.

---

*) т. е. уніатскаго.

Приглашаемъ тоже общество ученыхъ литераторовъ, редакцій польскихъ и русскихъ журналовъ, промышленныя и торговыя общества, и компаніи, города и сельскія общества, всѣхъ поляковъ, исповѣдующихъ законъ Моисея, и вообще всѣ отдѣльныя сословія, имѣющія хотя нѣкотораго рода особую организацію,—да благоволятъ они принять участіе въ обще-народной польской манифестаціи въ Городлѣ. Народъ нашъ только такимъ (образомъ) общимъ представительствомъ самого себя можетъ придать этой Городльской манифестаціи характеръ дѣйствительно общій и народный, а для того, чтобы воскресить въ памяти преданія, а также для будущихъ видовъ историческихъ и политическихъ, необходимо прибыть въ г. Городлю къ $\frac{28 \text{ сентября}}{10 \text{ октября}}$ 1861 года къ 9 часамъ утра. Наименованіе земель и воеводствъ, долженствующихъ находиться въ Городлѣ 10 Октября 1861 года:

Воеводство Познанское, Калишское, Сѣродзкое, земля Белупская, воеводства: Полоцкое, Мозовецкое, Ленчицкое, Брестъ-Куявское, Иновраціавское, земля Добжинская; земля Равская: воеводства: Хеллинское, Мальборгское, Поморское, Краковское, земли: Освѣцимская, Заторская; воеводство Сандомирское, княжество Сѣверское, воеводство Кіевское, русскія земли: Жидовческая, Перемышльская, Галицкая, Хелмская, воеводства: Волынское, Подольское, Любельское, Бѣльское, Подляское, Брацлавское, Черниговское, Виленское, Трокское, княжество Жмудское: воеводства: Смоленское, Новогрудское, Плацкое—Витебское, Брестъ-Литовское, Мстиславское, Минское, Лифляндское и Курляндское.

Благодарность.

О, еще не погибло отечество,
Пока женщины въ немъ бодрствуютъ;
Потому что изъ лона ихъ вытекаетъ ядъ,
Которымъ отравляются враги.
Благодаримъ васъ, сестры, что вы поняли,
Что теперь не пора плясать съ москалями,
Что когда изъ гроба долженъ возстать весь народъ—
Вамъ приличнѣе всего молитвы и слезы;
Что когда столько надеждъ горитъ въ сердцахъ,

Когда столько вздоховъ улетаетъ къ веснѣ,
Когда наша Польша въ мученическомъ вѣнцѣ,
Обращаемъ на себя вниманіе цѣлаго міра,—
Вы, истинныя дочери Польши,
Обязаны доказать, что страданья вѣковыя,
И трехъ тирановъ мученья и пытки,
Въ Васъ не изгладили народной доблести;
Что Польша вѣчно хранитъ въ своемъ сердцѣ
Память прошлаго, память древней славы;
Что когда засвѣтитъ новая звѣзда надежды—
Она вознесетъ къ небу свой слезящій взоръ.
И съ такой прекрасной думой на челѣ
Въ кругу своихъ, гдѣ врагъ не подслушаетъ,
Воспоминаетъ народныя невзгоды,
Къ новымъ бѣдамъ укрѣпляетъ свой упадшій духъ.
Бросьте наряды и блестящіе пиры
И удаляйтесь отъ враговъ своей земли,
Давая имъ почувствовать, какъ ихъ души гадки;
Какъ дщерь Польши вѣчно пренебрегаетъ ими!
Еще разъ благодаримъ Васъ за то, что Вы поняли,
Что, когда изъ гроба возстанетъ весь народъ—
Вамъ приличнѣе всего молитвы и слезы...
Ибо когда Ваши уста произносятъ мольбы за отчизну,—
То слезы изъ глазъ Вашихъ, бѣгущія капля за каплей,
Ангелы въ розовыя ручки собираютъ
И несутъ въ даръ Богородицѣ....
А каждая просьба, а каждая такая слезка,
У этой Заступницы въ такой большой цѣнѣ,
Что за нее одну Царица Небесная
Ускоритъ годомъ избавленія отечества.

Акаѳистъ Пилигримовъ.

Киріе Элеисонъ! Христе элеисонъ!

* * *

Боже, Отче, изведшій народъ Твой изъ неволи Египетской и возвративый его въ землю обѣтованную! Возврати насъ отечеству нашему!

* * *

Сыне, Искупителю, страдавшій, распятый, изъ мертвыхъ воскресшій и царствующій во славѣ! Воскреси изъ мертвыхъ отчизну нашу!

* * *

Мати Божія! Тебя отцы наши звали Царицею Польши и Литвы—Спаси Польшу и Литву!

* * *

Святый Станиславъ, заступниче Польши! Молися о насъ!

* * *

Святый Казиміръ, заступниче Литвы. Молися о насъ!

* * *

Святый Іосафатъ[1]), заступниче Руси[2]). Молися о насъ!

* * *

Всѣ святые заступники республики нашей, Молитесь о насъ!

* * *

Изъ неволи Московской, Австрійской и Прусской избави насъ Господи!

* * *

Мученичествомъ 30-ти тысячъ рыцарей барскихъ, павшихъ за вѣру и свободу, Свободи насъ Господи!

* * *

Мученичествомъ не нашей Литвы, забитыхъ палками, умершихъ въ рудникахъ и въ ссылкѣ Избави насъ Господи!

* * *

Мученичествомъ гражданъ въ Ошмянѣ, вырѣзанныхъ въ церквахъ Божіихъ и въ домахъ, Избави насъ Господи!

* * *

Мученичествомъ воиновъ, засѣченныхъ кнутомъ москалями въ Кронштадтѣ, Избави насъ Господи!

* * *

Мученичествомъ воиновъ, убитыхъ въ Фиппау Пруссаками, Избави насъ Господи!

* * *

---

[1]) Кунцевичъ, ярый гонитель православія, погибшій въ Витебскѣ.

[2]) Поляки Россію зовутъ не Россіею, а Москвіею и Русскихъ—Москалями; а Русь и Русины это у нихъ подразумѣвается Бѣлоруссія.

Ранами, слезами, и муками всѣхъ плѣненныхъ, сосланныхъ и изгнанныхъ поляковъ. Избави насъ Господи!

* * *

Войну всеобщую за вольность народовъ Подай Господи!

* * *

Оружіе и орлы народные Подай Господи!

* * *

Смерть счастливую на полѣ битвы Подай Господи!

* * *

Могилу для костей нашихъ въ землѣ родной Подай Господи!

* * *

Независимость, цѣлость и свободу отчизны нашей Подай намъ Господи!

Во имя Отца и Сына и Духа Святаго. Аминь!

I-й Народный гимнъ.

Боже! Который Польшу чрезъ столь долгіе вѣка
Осіялъ блескомъ могущества и славы,
Которую охранялъ щитомъ своего попеченія
Отъ несчастій, которыя должны были ее погубить, —
Предъ Твоимъ алтаремъ приносимъ мольбы:
Отечество, свободу благоволи намъ возвратить, Господь!
Шляхтѣ*), крестьянамъ благоволи дать свободу, Господь!
Ты, Который потомъ тронутъ ее упадкомъ,
Вразумлялъ сражавшихся за святѣйшее дѣло
И, желая цѣлый свѣтъ имѣть ея мужества свидѣтелемъ,
Въ самыхъ несчастіяхъ увеличивалъ ей славу, —
Предъ Твоимъ алтаремъ и проч.

---

*) Сперва пѣли: „отечество, свободу намъ возврати". Крестьяне стали говорить: паны хлопочутъ и молятся не объ ойчизнѣ (отечествѣ), а о панщизнѣ (барщинѣ), и не хотѣли пѣть гимнъ; тогда паны измѣнили стихъ и роздали крестьянамъ гимнъ съ стихомъ: „шляхтѣ (дворянамъ) крестьянамъ дай свободу Господь"! и весь польскій народъ запѣлъ этотъ гимнъ.

Боже, Котораго праведная длань
Желѣзные скипетры владыкъ свѣта сокрушаетъ,
Уничтожь враговъ нашихъ и намѣренія ихъ намъ вредныя.
Возбуди надежды въ нашей польской душѣ!
Предъ Твоимъ алтаремъ и проч.
Возврати нашей Польшѣ славу древнюю
Обогати поля, опустошенныя нивы;
Свобода и счастье пусть вновь зацвѣтутъ;
Перестань карать, Боже разгнѣванный...
Предъ Твоимъ алтаремъ и проч.
Боже Святѣйшій! Твоими великими чудесами
Отдали отъ насъ несчастія и убійства, неразлучныя съ войною
Узломъ свободы соедини Твоихъ людей
Подъ однимъ скипетромъ ангела покоя!
Предъ Твоимъ алтаремъ и проч.
Боже Святѣйшій! отъ котораго воли
Существованіе свѣта цѣлаго зависитъ,
Вырви народъ Твой изъ неволи тирановъ,
Поборай намѣреніямъ неутомимой молодежи!
Предъ Твоимъ алтаремъ и проч.
Матерь Христова, что на Острой Брамѣ
Чудесами Своими литвиновъ укрѣпляла!
Пріими молитвы наши милостиво!
Упроси за насъ, чтобъ Польша воскресла!
Предъ Твоимъ алтаремъ и проч.
Одно Твое слово, великихъ пораженій Господь,
Изъ праха насъ ничтожныхъ воскресить можетъ!
Если же заслужимъ Твою кару,
Обрати насъ въ прахъ, но въ прахъ свободный!
Предъ Твоимъ алтаремъ и проч.
Святый Станиславъ, нашъ польскій заступникъ,
Моли Бога о насъ!
И какъ умершаго Петровина Ты воскресилъ,
Такъ пусть и Польша воскреснетъ Твоими молитвами.
Предъ Твоимъ алтаремъ и проч.
У Твоей раки, Св. Казимиръ,
Молитъ тебя Литва, о Литовскій заступникъ,

Сотвори, чтобы всѣ въ братскомъ союзѣ
Единодушно служили къ защитѣ отечества.
Предъ Твоимъ алтаремъ и проч.
Боже Святѣйшій! ради язвъ Спасителя
Свѣти вѣковѣчно надъ умершими братіями!
Взгляни на народъ Твой, измученный рабствомъ
Прими жертвы сыновъ польскаго края!
Предъ Твоимъ алтаремъ и проч.
Гдѣ народъ польскій нынѣ утопаетъ въ слезахъ,
Молимся Тебѣ за нашихъ падшихъ братій,—
Терновымъ вѣнцомъ увѣнчались эти мученики,
Чтобы отворить намъ врата свободы.
Предъ Твоимъ алтаремъ приносимъ мольбы:
Отечество, свободу благоволи намъ возвратить, Господь!
Шляхтѣ, крестьянамъ благоволи дать свободу, Господь!

Народный гимнъ.

(Предѣланный для Литовцевъ).

Боже! Ты Польшѣ уже столько вѣковъ
Давалъ честь, славу, стерегъ отъ неволи,
Не жалѣя отцовскихъ заботъ
И утѣшеній въ несчастной долѣ.
Предъ алтарь молитвы приносимъ,
Отчизну, вольность вороти намъ, просимъ:
Боже! Ты власть коронованныхъ,
Какъ пылинку, ломишь въ своемъ Судѣ.
Сотри въ прахъ тирановъ поганыхъ,
Укрѣпи надежду, что Польша жить будетъ.
Передъ алтарь и проч.
Верни Польшѣ славу такую, какъ была,
Пошли урожай на родную ниву,
Чтобъ въ мирѣ она счастливо разцвѣла,
И благослови нашу молодежь.
Передъ алтарь и проч.
Ты, Пресвятая Остробрамская Дѣва,
Единая Мать страждущихъ,
Литвы и Польши наша королева,
Упроси Сына, чтобъ далъ намъ свободу!
Передъ алтарь и проч.

Лѣтъ больше 60-и, какъ Польша угнетена;
Глумятся надъ нами, обижаютъ всѣхъ теперь;
Отволятъ отъ вѣры, запрещаютъ науки,
Передъ алтарь и проч.
И теперь въ Варшавѣ пытками и голодомъ
Губятъ нашихъ братьевъ, что хотятъ свободы,
Благодаримъ Тебя, Боже, что хоть далъ надежду,
Что вольность намъ будетъ, да и Польша съ нею.
Передъ алтарь и проч.
Дай еще, Христе Боже, чтобъ мы христіане.
Шляхта съ мужиками жили въ согласіи....
Дай всѣмъ равенство и одно названье
Дѣтямъ одной отчизны Божіей любви!
Передъ алтарь молитвы приносимъ:
Отчизну, вольность верони намъ, просимъ.
Аминь.

2-й Народный гимнъ.

Съ дымомъ пожаровъ, съ паромъ крови братьевъ
Къ Тебѣ, о Господи, возносится сей гласъ;
Жалоба эта страшная, вопль этотъ послѣдній:
Отъ такихъ молитвъ бѣлѣетъ волосъ!
Для насъ уже нѣтъ пѣсни безъ горькаго ропота,
Вѣнецъ терновый вросъ въ наше чело,
Высится какъ памятникъ Твоего гнѣва,
Подъемлетъ къ Тебѣ умоляющія длани.
Сколько ужъ разъ Ты насъ миловалъ,
А мы, неомытые отъ свѣжихъ ранъ;
Опять взываемъ; Ты вѣрно умилостивишься,
Потому что Ты намъ Отецъ и Господь.
Мы опять возстаемъ съ новою надеждою,
А по Твоей волѣ пока еще гнететъ насъ врагъ,
И съ насмѣшкой говоритъ намъ въ укоръ:
А гдѣ тотъ Отецъ, а гдѣ-жъ этотъ Богъ?!
И смотримъ въ небо: не упадутъ ли съ зенита
Сто солнцъ намъ въ знаменіе противъ враговъ;
И тихо, тихо среди лазури неба,
Къ намъ не рѣетъ ли орелъ свободы?
И такъ въ сомнѣньи, въ страшной невзгодѣ,

Пока нашу вѣру мы вновь воскресимъ,
Оскорбляютъ Тебя наши уста, но плачетъ сердце.
Суди-жъ насъ по сердцу, а не по словамъ.
О Господи Боже! къ ужасу свѣта,
Страшныя дѣла принесло намъ время;
Сынъ убилъ мать, братъ убилъ брата,
Множество Каиновъ есть между нами.
Но, Боже! Они не виноваты,
Хотя нашу будущность отодвинули вспять,
Иные демоны тамъ дѣйствовали.
Накажи, Господи, руку, а не слѣпой мечъ!
Смотри! мы въ несчастіи всегда одинаковы!
Къ твоему лону, къ Твоимъ звѣздамъ
Плывутъ молитвы, какъ усталыя птицы,
Которыя летятъ отдохнуть въ своемъ гнѣздѣ.
Защити насъ Своею Главою.
Дай намъ видѣть грядущія милости Твои!
Пусть цвѣтъ мученичества усыпитъ насъ своимъ благоуханіемъ,
Пусть окружитъ насъ и сіяніе мученическое.
И подъ предводительствомъ Твоего архангела
Мы пойдемъ дружно на страшный бой;
И на трепещущемъ трупѣ сатаны
Водрузимъ побѣдоносное наше знамя!
Для заблудшихъ нашихъ братій откроемъ наши сердца;
Вины ихъ омоемъ крещеніемъ свободы,
Тогда услышитъ подлый богохулитель
Нашъ отвѣтъ: „Богъ съ нами былъ и есть!“ Аминь.

Пѣснь къ Господу Іисусу.

Съ нашей родимой, несчастіями угнетенной земли
Въ небо возносится хвалебный стонъ....
О, не отвергни, Господи, моленій нашихъ,
Пріими милостиво звуки этой пѣсни....
Только въ Тебѣ одномъ сіяетъ
Лучъ надежды въ эти печальные дни....
Сердце Іисуса! молимъ Тебя:
Сжалься надъ нами, сжалься и избавь Польшу.
Пусть Твое сердце умилосердится, Господи,
Видомъ столькихъ болящихъ ранъ...

Воздержи, ахъ воздержи дальнѣйшую кару
Ты, такой милостивый Отецъ и Господь.
О, не отвергни молитвы этой,
Ибо милосердія мы просимъ въ ней.
Сердце Іисуса и проч.
Правда, Господи, мы согрѣшили!
Грѣхамъ нашимъ нѣтъ числа!
Отъ того мы и не заслужили Твоего милосердія....
Но Ты не отвергаешь слезъ покаянія...
А мы съ слезами соединяемъ кровь,
Чтобы Твой Божескій усмирить гнѣвъ.
Сердце Іисуса и проч.
Нынѣ въ скорбной*) одеждѣ народъ
Повергается въ прахъ, Господи, у твоихъ ногъ.
О, Іисусе! Видишь наши слезы, кровь и цѣпи
И свѣжій еще мученическій пробъ.
О, мы такъ долго уже терпимъ.
Сокрушиши же оковы нашей неволи!...
Сердце Іисуса и проч.
Господи! мы мщенія не требовали бы...
Даже за враговъ нашихъ личныхъ бить можетъ молились бы.
Но мы ярмо съ отчизны бросить хотимъ,
Подъ которымъ сердце обливается кровію.
О добрый Іисусе! благоволи
И сразись за насъ оружіемъ Твоимъ.
Сердце Іисуса и проч.
Марія! Королева польской короны!
Взгляни, какъ терпитъ Твой бѣдный народъ;
Съ такимъ пламеннымъ чувствомъ взываемъ къ Твоей защитѣ;
Ахъ! вымоли намъ чудо милосердія!
Черезъ сердце чистое Твоей Матери,
Черезъ мечъ, пронизывающій ея душу,
Сердце Іисуса, молимъ Тебя:
Сжалься надъ нами, сжалься и избавь Польшу!

КОНЕЦЪ.

---

*) траурный, черный.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Вмѣсто предисловія—*Д. Скрынченко*	1— 2
Часть I-ая	2—30
Духовенство	11—16
Чиновники	16—23
Полицейскіе суды	23—25
Мировые посредники, предводители дворянства, войска	25—30
Часть II-ая	30—52
Письмо, при которомъ Записки пересланы Министру Внут. Дѣлъ П. А. Валуеву	52—54
Документы:	54—79
Статистика православн. и католич. населенія Минской губ.	54—55
Письмо П. А. Валуеву	55—60
Письмо къ Мин. губернатору гр. Э. Ѳ. Келлеру	61—62
Письмо П. А. Валуеву	62—63
Свидѣтельство доктора о болѣзни Мейера	63
Извѣщеніе за № 195 отъ Минскаго губернатора объ учрежденіи въ Минскѣ особой слѣдственной Коммиссіи по важнымъ политич. дѣламъ и о назначеніи Мейера предсѣдателемъ	64—65
Приказъ Министра Вн. Дѣлъ	65
Великоруссъ (польская прокламація)	65—70
Письмо П. А. Валуева Мейеру	70
Письмо Мейеру архіепископа Минскаго Михаила	71—72
Письмо Мейера архіепископу Михаилу	72—76
Письмо архіеп. Михаила	76—77
Письмо Мейера П. А. Валуеву	77—79

Приложеніе къ Запискамъ . . . . . 80—133
(Польскія прокламаціи) О возстаніи Польши . 80—81
Необходимость возстанія . . . . . 81—95
Возможность возстанія . . . . . 95—114
Литвинки и Русинки . . . . . 114—119
Землевладѣльцы Литвы и Руси! . . . 119—121
Къ дѣлу! Къ дѣлу! . . . . . 121—122
Братья! . . . . . 122—125
Поляки, Литовцы и Русины! . . . 125—126
Благодарность . . . . . 126—127
Акаѳистъ Пилигримовъ . . . . 127—128
1-й народный гимнъ . . . . . 128—130
Народный гимнъ (передѣланный для литовцевъ) . . . . . 130—131
2-й народный гимнъ . . . . . 131—132
Пѣснь къ Господу Іисусу . . . . 132—133

DEC 8 1983

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
507
.73
M44
1908a

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 02 20 01 003 9